

И. Д. ПОПКА

ЧЕРНОМОРСКИЕ
КАЗАКИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЫСОЧЕСТВУ
Государю наслѣднику
ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ
КНЯЗЮ
НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,
Августѣйшему Атаману
всѣхъ козачьихъ
войскъ

Усерднѣйше
посвящаетъ
сочинитель

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ

ВЪ НИХЪ

ГРАЖДАНСКОЕ И ВОЕННОЕ ВЪЗНУ.

ОЧЕРКИ КРАЯ, ОБЩЕСТВА, ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ
И СЛУЖБЫ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ

В ИХ

ГРАЖДАНСКОМ И ВОЕННОМ ВШТУ

ОЧЕРКИ КРАЯ, ОБЩЕСТВА, ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ
И СЛУЖБЫ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

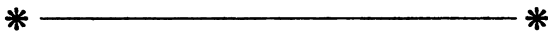

Краснодар
"Советская Кубань"
1998

52837492

rus

02/06/01

Казаки исстари призваны селиться живою изгородью на отдаленных рубежах отечественной земли. Потому их селища и домашнее житье малоизвестны в остальном отечестве, где добрая слава их подвигов не умирает. Размещенные десяти тысячеверстной целью от Охотского моря до Кавказских гор, они и промеж себя не вполне знакомы по-домашнему, они — отрасли одной богатырской семьи, племя одних исторических судеб. Но, слава Богу и Царю Отцу, им открыта, для них доступна светлая среда, где разлученные родичи и самые дальние чужеземцы сближаются и обмениваются разумной мыслью и добрым чувством.

И потом бывают положения, для многих и многих бывают эти положения, в которых край и народ изучаются дальше черты, откуда сладкий дым домашнего очага виден.

Одно из таких положений представляло мне случаи и способы ознакомиться по всем направлениям с краем и бытом моих земляков и соседей, отчасти даже и соседей по ту сторону Кубани. Из того, что старался я сбересть для собственной опытности и собственных воспоминаний, сложился сборник заметок и очерков, вынесенных из действительности, то светлой, то облачной, как-ва она всегда и везде. И вот настала пора, что наше общество горячо подвинулось к истинному познанию великой нашей земли, нашего orbis terrarum. Пусть же идет навстречу этому добровещему движению и убогий казацкий сборник.

“Друг Платон, друг Сократ, но еще боль-

ший друг — истина". Вот путеводная звездочка этого незатейливого, не облеченного научной формальностью труда. И если б встретилось мне что-нибудь так, искренно и не на парад писанное о других казаках, которые от меня далеко, — это что-нибудь было бы мною прочитано с братским радушием и с братским снисхождением к недостаткам. От себя позволяю себе — если здесь это позволительно, — сделать заключение и к другим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

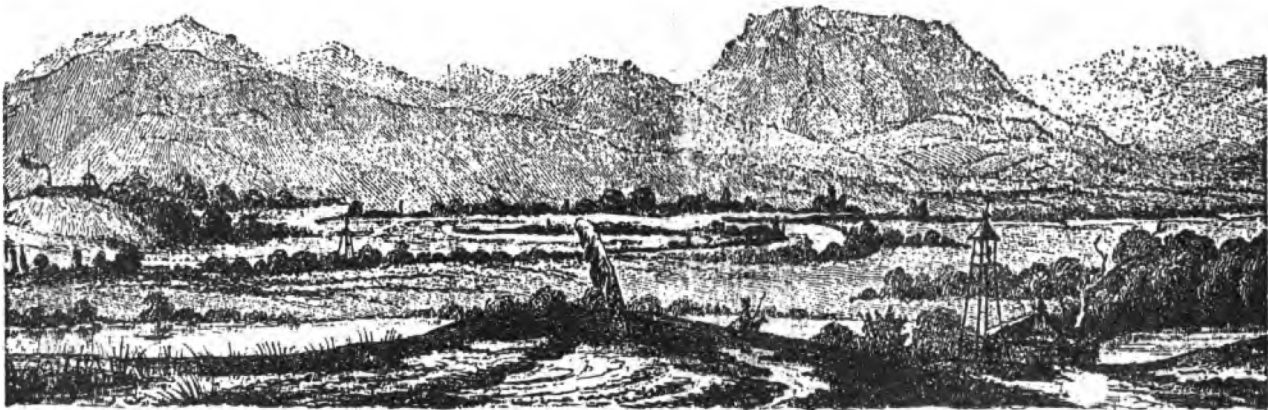
РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Топографический очерк Черноморья

Кавказская линия делится на два крыла: одно из них достигает до Черного, другое до Каспийского моря. Естественною чертою тому и другому крылу служат две первостепенные реки, берущие свое начало от одной полосы вечных снегов и одинаково окаймляющие северную покатость Кавказских гор, но текущие в противоположных одна от другой направлениях и развивающиеся до противоположных оконечностей горного хребта. Это Кубань и Терек. Первая собирает на пути своем и уносит воды гор в Черное, последний — в Каспийское море.

По течению Кубани простирается правое, по течению Терека левое крыло.

Содержание Кавказской линии разделено неравными долями между двумя поселенными казачьими войсками: Кавказским и Черноморским. Все левое и большая половина правого крыла, или, другими словами, больше двух третей всей линии, заняты кавказскими; остальное же протяжение правого крыла, до самого окончания линии над Черным морем, — черноморскими казаками. Хотя населенность и военный состав обоих войск почти одина-

ковы, но поселение кавказских казаков растянуто в длинную, более или менее узкую полосу, между тем как черноморские казаки занимают своим поселением глубокую, почти круглую площадь, известную на Кавказе под именем *Черноморья* (45° сев. шир. и 36° вост. долг. от о. Ферро)¹.

Как нераздельная часть Кавказского перешейка, Черноморье сливается на востоке с землей Кавказского казачьего войска и Ставропольской губернии. На юге река Кубань отделяет его от пространств, обитаемых кавказскими народами черкесского или адигского, племени: абадзехами, шапсугами, бжедугами, женейцами и натхокаджамии. С юго-запада омывается оно Черным морем, а с запада Керченский (Таврический) пролив отрезывает его от Крыма. Дальнейшим оттуда рубежом, наискось, на северо-восток, тянется излучистый берег Азовского моря, оканчивающийся крутым заворотом от северо-востока прямо к востоку. Остальное в этом направлении продолжение северного рубежа Черноморья совпадает с южной границей Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Черкасского округа Донского войска. Живой межой проходит по этой черте речка Ея.

Длина Черноморья по почтовой дороге из Ставрополя на Керчь простирается до 250, а ширина по другой, перпендикулярной к первой, почтовой дороге из Ростовского уезда на Екатеринодар — до 200 верст.

По сделанному недавно измерению вся вообще поверхность земли черноморских казаков включает в себе 28000 кв. верст, или 2900000 десятин. (В этом числе неудобной земли 600000 десятин).

По числу жителей, считая оба пола, приходится на каждую кв. версту около семи душ, или на каждую душу — около шестнадцати десятин.

Небольшое пространство края, к стороне Крыма, вышло отдельным клином промежду морских и кубанских вод.

¹ Соседственные горцы называют Черноморье Боткале, а все остальное Подкавказье просто — Московия. Название "Боткале" перешло к горцам от крымских татар, которые величали этим, не слишком блистательным прозвищем Запорожье. Боткале значит собственно: обиталище кашников, кашня. (*Примеч. автора*).

Ввиду того, что карта Черномории 1857 г., помещенная в книге, дошла до нас в крайне ветхом состоянии, воспроизвести ее оказалось невозможным. (*Примеч. ред.*).

Это Таманский остров, лоскут земли в 95973 десятины. Поверхность его холмиста и возвышена над морским уровнем на 85 футов. Сюда Кавказ отбрасывает крайние свои северо-западные отроги. Западный берег Таманского острова и противоположный ему берег Таврического полуострова так сходны между собой в наружном виде и внутреннем строении, как две части разломленной пополам глыбы земли.

За исключением Таманского острова, все остальное пространство Черноморья состоит из гладкой и очень мало приподнятой над морем равнины, или из одного необозримого луга, слегка покатога к берегам Азовского моря, открытого на восток и на север и обойденного с остальных сторон водами и болотами. По направлению общего поката к Азовскому морю равнинная поверхность Черноморья прорезана множеством балок (плоскодонных оврагов), сухих и мокрых. Последние, как способные задерживать воду, носят название речек. Пересмотрим их одну за другой от севера к югу.

Речка *Ея*, больше других обильная водой и приводящая в движение наибольшее число мельничных поставов, берет свое начало в Ставропольской губернии и, проходя живой межой на севере Черноморья, впадает широко разработанным устьем в Ейский залив Азовского моря. Левым, или внутренним, своим берегом принимает она многие притоки, из которых более замечательны по своему протяжению *Сасык* и *Кугуея*.

Ясени берется у куреня Староминского и исчезает в ясенских соляных озерах. Накатом своих вод она вредит иногда садке соли на поверхности тех озер.

Албаши берется на одной высоте с *Ясенями*; *Чолбасы*, примающая в себя множество притоков, достает своей вершиной до станицы Темижбекской Кавказского войска. Обе эти речки, не дойдя до моря, как будто встретили ряд ископанных в степи ям, и, наполнив их своими скудными водами, одна с одной, другая с другой стороны, образовали цепь лиманов, в числе пяти. Из них более значительны по величине *Чолбасский* и *Кущеватый*. От последнего отделяется слабая нить болотной воды, прикрепляющая всю цепь к Бейсужскому заливу Азовского моря.

Три *Бейсуга*, Великий, Средний и Малый, выходят из земли Кавказского войска; не доходя моря, сливаются в Лебёжем лимане и уходят оттуда одним общим руслом в Бейсужский залив. Эти три *Бейсуга*, с многочисленными их ветвями, преимущественно отличаются болотистым свойством своих русл и вод.

Лебёжий лиман, наполняемый водами Бейсугов и имеющий вид лебеда, круто выгнувшего шею, описывает своими искривлениями два небольших полуострова, на которых находится Николаевская пустынь.

Керпили и впадающие в них Кочети также вытекают из земли Кавказского войска, излучисто пробегая лучшую местность степи и, в некотором расстоянии от моря, наполняют лиман Керпильский. Болотистая, покрытая дремучим камышом полоса связывает этот лиман с Ахтарским заливом Азовского моря. Воды Керпилей довольно свежи, и вид их живописен. Прекрасна здесь весна, отраден летний вечер. Это цветная лента на угрюмом челе степи. Высокие берега реки усеяны курганами, выше которых нет по другим речкам. Курганы зеленеют, как купы пальм в пустыне, а вокруг них разостланы ковры из воронца и горицвета. На их остроконечную вершину любит въезжать удалой табунщик. Отсюда ему видно, как вдалеке, с разбросанными по ветру гривами, несутся к водопою вольные табунные кони. Отсюда же видны и синие Кавказские горы. Много старшин, служивших там боевую службу Государству, окончили свои усталые дни на приветливых берегах Керпилей. *И холмы радостью препояшутся:* и на холмах этих же берегов опочила благодать Божья. Здесь, сквозь степную сизую мглу, дымится молитвенное кадило Мариинской пустыни. Наконец, *Понура* беретя близ куреня Динского и через пятьдесят верст протяжения, у куреня Поповического, поглощается лиманом, расплывшимся на несколько рукавов и совершенно утратившим связь с приморскими водами.

Нельзя не обратить здесь внимания на одну особенность, именно, что пересмотренные нами речки в известном расстоянии от моря сходятся к отдельно лежащим котловинам и наводняют их, как будто трубы, приведенные к прудам, и что каждая из этих котловин, или прудов, к стороне морского берега имеет кран, которым избыток набираемой воды стекает в море.

И вот мы уже приблизились к южной и главной реке — Кубани. "Вот, вот она, вот русская граница!"

Кубань, по-черкесски Пшиз, "князь рек", в древности Варданус и Гипанис, берет свое начало от подоблачных снегов Эльбруса (у черкес "Осшумаф" — холм счастья). Служа чертой правому крылу Кавказской линии, она двумя третями своего течения орошает землю кавказских казаков с прилегающим к ней нагорьем и только одной низовой третью, на протяжении 250 верст, омывает юж-

ную окраину Черноморья. Приняв в своем верховом и среднем течении большие притоки: Малый Зеленчук, Большой Зеленчук, Уруп, и, наконец, Лабу, — она приходит к черноморцам рекой значительной, имеющей ширины в средних берегах шестьдесят сажень. По продолжению Черноморья падают в нее с нагорной же стороны: Белая, по-черкесски Шевгаше, почти равняющаяся Лабе своим двухсотверстным протяжением, далее Пшиш, Псекупс, Афипис, или Яриок, Адакум и другие мелкие притоки. Эти последние, скатившись на плоскость, теряют свои берега и расплываются озерами и болотами. Приняв такую массу горных вод, Кубань относит их в моря Черное и Азовское, в первое главным течением, а в последнее рукавом, называемым Протока, или Кумли-Кубань (песчаная Кубань).

Протока, имеющая вид и направление искусственно-го канала, ответвляется от Кубани у поста Старый Копыл, за 130 верст до впадения главного течения в Черное море. Сделав крутой поворот от главного течения вправо, на север, она отрезает степное Черноморье от Таманского острова и имеет протяжение от своей копыльской вершины до впадения в Азовское море около ста верст. В этот рукав Кубань сбывает почти половину своих вод. Но этого не довольно: от правого берега ее, на значительных один от другого расстояниях, отделяются еще второстепенные каналы — ерики, также направляющиеся к Азовскому морю, которое как будто оспаривает кубанские воды у Черного моря. Ерики *Козачий* и *Энгелик* ответвляются выше, *Калаус* и *Куркой* — ниже Протоки. Вершины их засорены и набирают воду из Кубани только во время весеннего ее разлития. Из них ни один не достигает главного азовского бассейна, как Протока, но все поглощаются передовыми его лиманами. Лиманы эти бесчисленны и разбросаны в самом разнообразном беспорядке, будто валы, выкатившиеся из моря и в него не возвратившиеся. Ближайшие к морю имеют связь с ним, дальнейшие наполняются боковыми отраслями Протоки, которой заимствованные воды дробятся и видоизменяются до бесконечности. Это жила, отворенная в бесчисленных местах. Из лиманов протоцкой путаницы более замечательны, по своей обширности и глубине, *Чебургольский* и *Красногольский*.

На перерезанном Протокой низменном поперечнике между Кубанью и Азовским морем, где ныне раскинулось одно, задвинутое камышами и не обнимаемое глазом болото, с частыми оазами открытой воды и сухой земли, кипел

когда-то огромный гидравлический труд. Задачей его могло быть исполинское усилие оттянуть излишек вод Кубани к азовскому бассейну, чтобы обеспечить прилегающие к Кубани с обеих сторон удоли от наводнений. По преданию, над этой водной сетью работали тысячи пленников, уводимых крымцами из погромов Руси и Польши. Работа с плачем и проклятием не пошла впрок: где падали слезы невольников, там все взялось тиной и плесенью. В настоящее время не только восстановление развалин этой сложной канализации, но даже отыскание в них системы и смысла стоило бы нелегких трудов. Набрались беды "ланцюжники" (землемеры), пока перетянули через этот хаос свою цепь.

Немного выше того места, где Протока отложилась от Кубани, а именно у поста Славянского, Кубань разорвалась на два параллельных течения и, слившись вновь верстах в шестидесяти ниже точки своего разъединения, образовала продолговатый и низменный *Каракубанский остров*, имеющий в поперечнике от трех до семи верст пространства. Течение по левую, то есть внешнюю, обращенную к горам, сторону острова составляет реку *Кара-Кубань* (побочная Кубань), которая гораздо шире и глубже, чем течение по правую сторону, почти уже пересохшее, но все еще удерживающее за собой название "старой Кубани".

Между холмами Таманского острова Кубань образовала из своих разливов четыре обширные и живописные вместилища вод. Это лиманы: Ахданизовский, Кизилташский, Цокуров и Бугазский. Первый больше других и лежит отдельно, а три последние сцеплены гирлами¹. Лиман Ахданизовский очень глубок. Это должен быть провал вулканического происхождения, залитый водами Кубани. На западном берегу его возвышается конусообразная гора с отверстием на вершине. Когда лиман волнуется, из отверстия горы выскакивает жидкий пепловидный ил, — как будто внутри горы работает помпа. Не ясно ли обнаруживается здесь присутствие вулкана, погашенного вторжением вод?

Поверхность Ахданизовского лимана, в спокойном состоянии, белеет и блестит, как полотно, отчего и получил этот лиман настоящее свое наименование: ахданиз значит

¹ Лиманом называется озеро, имеющее связь с другими озерами или с морем. Узкий и короткий пролив, посредством которого лиман с лиманом или с морем связывается, называется гирло, то есть горло, qorqe.

"белое море". Он имел когда-то два широкие судоходные сообщения с Азовским морем: одно близ куреня Темрюкского, а другое — Ахданизовского. Теперь от этих засоренных проливов остаются лишь узкие гирла, которыми воды лимана втекают в море.

Созвездие лиманов Кизилташского, Цокурова и Бугазского составляет последнее низовое течение Кубани, расплывавшееся от вулканических потрясений окрестной местности. Из крайнего лимана Бугазского вытянулось гирло Бугазское — последняя дверь, которую "князь рек" входит в чертог Черного моря.

Кубань пролегает вдоль известного протяжения Кавказского хребта желобом, куда скатываются с северного склона хребта горные реки и ручьи...

Со ребр его текут вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки.

От бокового напора перпендикулярных притоков ее хватают судороги, она излучивает и ломает свое течение. Здесь она вздулась и залила прибрежный угод; там пережилась и обнажила свое перебуравленное ложе — полосу подвижных илисто-песчаных горбин и впадин, здесь подгрызла и поглотила целый утес, а там произвела на свет островок, который быстро разрастается в остров и покрывается лесной и камышовой растительностью. Не удерживая в равновесии несомых ею вод, она то и дело меняет свою колею, имея одинаковое, закону отражения подчиненное, уклонение от правого берега к левому, от степей к горам. И за сколько верст уже она оставила гребень древнего своего правого берега! Эта непостоянная горная река влечет с собой две главнейшие невыгоды для края: она не допускает к своим вольным изменчивым водам судоходства и производит своими беспорядочными разливами топи и болота, которые, затрудняя во многих местах сухопутные сообщения, отравляют воздух вредными испарениями и наполняют его неприятными насекомыми: комаром и мошкой. Эти окрыленные иглы, возбуждая особенную деятельность кожи, колют вам в уши самими утонченными звуками. А лекарство против них хуже самой болезни: это дым тлеющей навозной кучи.

Проводим Кубань до моря, мы теперь последуем по излучистым берегам морских вод, омывающих Черноморье извне. Вот на соединении Черного моря с Азовским видим мы Таманский залив. Это бухта, глубоко вдавшаяся

в Таманский остров из Керченского пролива. При входе в нее сидит курень Таманский, как филин на развалинах. Здесь, полагают, существовала древняя знаменитая Фанатория — *locus ubi Troja fuit*. По ту сторону пролива видны Керчь и Еникале.

Отсюда по юго-восточному берегу Азовского моря, в направлении к устьям Дона, встречается сперва залив Темрюкский (или Курчанский). При впадении сюда одного из двух вышеупомянутых гирл Ахданизовского лимана помещается курень Темрюкский. Положение этой селитьбы очень выгодно в отношении к рыбацкому промыслу и водным сообщениям. Здесь кратчайший водный путь из Азовского моря в Кубань. Близлежащие старые городища и засоренные пристани свидетельствуют о важности, какую имела эта местность в старые времена. Далее, на значительных друг от друга расстояниях, лежат глубоко врывшиеся в материк заливы Ахтарский и Бейсужский — бассейны большей части степных речек, как видели мы выше. Еще далее — коса Камышеватка с поселением над ней куренем под тем же наименованием. Потом, на изломе Азовского берега от запада к востоку, вытянулась далеко в море коса Долгая. Значительное протяжение ее открыто, но еще большее скрыто под водой, и здесь таятся самые опасные мели для судов, идущих из Керчи в Таганрог. Наконец, коса Ейская, недавно получившая известность поселением над ней портового города Ейска. За ней последний залив Ейский, куда впадает Ея.

Пройденные нами заливы и косы представляют большие или меньшие для рыбных ловлей удобства и для пристанища морских судов. Отлогое и болотистое поморье между заливами Темрюкским и Бейсужским на протяжении полутора верст испещрено множеством мелких лиманов, цепляющихся один за другой, имеющих очертание поваленных узкогорлых кувшинов и представляющих величайшие угодья для рыбацкого промысла. Часть этого водного хаоса мы уже видели выше, при взгляде на отторжение вод Кубани к азовскому бассейну.

Не столько степь, обнаженная, скудная водой и средствами для оседлого обитания, сколько эти необозримые рыбопромышленные угодья тянули первобытных черноморских казаков с Днепра на Кубань. Казакам искони родственнее было рыболовство, чем земледелие; по их военному быту, сподручнее им было бороздить веслом мутную волну, чем сохой степную, часто неблагоприятную и всегда прихотливую почву. Для земледелия требуется по-

стоянное нахождение у своей десятины, строго рассчитанный труд и изучение многих вещей, яже на небеси, горе, и на земли, низу; а для рыболовства — ставка на кон, смелость, сноровка, удар. Вот почему запорожские казаки, дальше всех других выдвинутые к противникам, могли ладить лучше с последним, чем с первым занятием, и вот почему они славили в своих песнях степь, как арену подвигов, а лиманы, как источники пропитания и снаряжения.

Дніпровый, дністровый,
Обидва, лимани:
В них добувалися,
Справляли жупани...

Промежду рыболовных лиманов находятся солеродные озера: *Ясенские* — их несколько вместе — близ Бейсужского залива, *Ахтарские* — их тоже несколько вместе — и *Ачуевское* близ Ахтарского залива, *Бугазское* близ Бугазского гирла, *Меркитантское* и *Тузовское* — первое над Таманским заливом, а последнее при выходе Керченского пролива из Черного моря. Принадлежащее к ясенской группе озеро Ханское имеет в окружности по пятидесяти верст¹. Тузовское озеро, прилегающее к Черному морю, дает высшего качества соль. Вообще озера, лежащие по черте вод Черного моря, производят соль более чистую и сильную, нежели те, которые примыкают к Азовскому морю. Соль этих последних содержит в себе растительные части и другие примеси, а это оттого, конечно, что морская вода мелкого азовского бассейна, у древних носившего обидное название болота (*palus meotis*), разведена у здешних берегов наполовину, если даже не больше, пресными водами. Не все вдруг озера и не всякое лето дают соль. Некоторые даже засоряются, заплывают илом и вовсе теряют солепроизводительную силу. Бугазское озеро, лежащее в глубокой котловине и еще недавно занимавшее первое место в списке соляных озер, как по обилию, так и по превосходному качеству своих садок, почти уже перестало родить соль. Такая в нем перемена, как полагают, произошла оттого, что внутренние бока озерной котловины допущено было вспахать: легко смывая взрыхленную землю, дожди нанесли ее на озеро, и озеро

¹ Под всеми соляными озерами находится 15440 1/4, а под рыболовными водами 210743 2/3 десятины земли.

заглохло. Соль садится в июле и августе, при действии сильных жаров и при отсутствии дождей. Дождь, благодетель и союзник нивы, — враг соляного озера. Обыкновенная садка, то есть кристалловидная кора, которой подергивается озеро, бывает в четверть вершка толщиной.

Во времена татарщины эти соляные озера принадлежали казне крымских ханов и были прикрыты большими редутами, высокие валы и широкие рвы которых остаются нетронутыми донныне. В стенах редутов помещались склады соли и ясыр (плен), работавший на озерах. Здесь же находились гарнизоны, оберегавшие озера от хищнических наездов черкес, которые живились солью прямо с озер, когда татары возвышали на нее цену в продажных складах.

В соседстве с соляными озерами и в отдалении от них встречаются разные солончаки, а также мелкие лужи и ручьи, которые, пересыхая в летние жары, оставляют на своих ложах белый, как снег, порошок, по надлежащем очищении дающий серно-кислую соду. В некоторых местах эта соль попадает большими ноздреватыми глыбами. У берегов Еи, в окрестностях куреня Конелевского собирают на высыхающих озерах беловатый ил, который в пережженном состоянии идет вместо мела на побелку хат. Эта масса оказывается по испытанию пережженной магнезией, соединенной с известью и другими однородными с нею землями.

Осаживающийся на дне Тузловского соляного озера ил рыхлый и пушистый, как сажа, подобно Сакским грязям в Крыму. Один внутреннеслужащий казак, много лет страдавший ломотой в берцовых костях и колючим ревматизмом в подошвах ног, был в наряде для выноски соли из озера. В течение недели, что он открытыми ногами бродил по озеру, болезнь его совершенно прошла.

Из самого беглого обзора малых и больших вод Черноморья легко получить убеждение, что как те, так и другие одинаково осели и сократились. Независимо от причин более общих явление это может быть объяснено совершенным истреблением лесов в крае, рыхлостью и сыпучестью стен водоприемщиц и накоплением наносов в речных и озерных устьях. Берега Кубани и прочих речек, лиманов и гирл, равно как и берега Азовского моря, повсеместно песчано-глинисты, изредка содержат в себе ползучий щецень и нигде не скреплены скалами. Оттого они вечно обваливаются и засоряют водоемы. Азовское море обрезает войсковую землю от севера; Кубань гло-

жет черкесский берег и натачивает войсковую землю на юге, а черноморцы подвигаются все ближе к Кавказу... От засорения устьев органическая связь рек и гирл с бассейнами ослабляется и жизненный их пульс цепенеет.

Вода в степных речках, или мокрых балках, — что ближе к действительности, — задерживается с весны бесчисленными греблями (гатыми), похожими, по внутреннему составу и наружной отделке, на ласточкины гнезда. Эти незатейливые водовместилища заплывают илом, испаряются и превращаются в болота среди лета. К ним ко всем может быть приложено одно из вышепоказанных названий: Чолбасы, что значит по-русски "ковш воды"¹. К этой татарской насмешке над маловодьем мокрых балок черноморцы прибавили еще свою:

Питався шяху, йшовши, лин,
Де, братця, Келембетів млин;
Там не гуде, не буркотить:
Мені там добре будет жить.

Степные воды, насильственно задерживаемые и лениво перепадаящие с колеса одной мельницы на колесо другой, большей частью солощавы и горьковаты от содержащихся в них солено-кислого, серно-кислого натра и магнезии. Редко бывает лучше и подземная вода, получаемая из копаней и колодезей, которыми избуравлена всякая населенная местность, начиная от главного в крае города до последнего хутора.

Мокрые балки могли быть в старые времена каналами с живым течением. Этими каналами, как мы видели выше, вода набегала в котлованы, а котлованы были бассейны, в которых задерживались запасы пресной воды по всей приморской полосе. Нельзя думать, чтоб эти водохранилища были и прежде так тощи, как теперь, потому что стоки, которыми выходил избыток воды в морские заливы, оставили по себе большие русла, с широко разработанными устьями. Здесь теперь пасутся стада и табуны. Весной, однако ж, эти заимствованные пастбища заливаются не-

¹ Еще не простыл след монгольского обитания на земле черноморских казаков: за большей частью вод и урочищ остаются старинные татарские названия. Например, Ея, правильно Яйя, — Иван; Сасык — вонючий; Албаши — красная голова; Бейсу — беева, или, может быть, главная река; Керпили — мостовая; Кизилташ — красный камень; Бугаз — горло; Темрюк — собственное имя; Калаус — проводник.

надолго водой — и тогда столько находит сюда из морских заливов судака и тарани, что один нарочный, скакавший с нужными бумагами, при переезде через подобное наводненное пространство был опрокинут вместе с конем быстро двигавшимися колоннами рыб. Вот единственные в своем роде пространства, где попеременно разгуливают вол и судак, овца и тарань, где рыбак упирает свое длинное весло с челна и чумаки спускают с воза наконечник своего длинного батога.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Курганы и балки

Странное сравнение родится в воображении при общем виде степи с ее частыми продольными бороздами — балками. Это широкий лист, разлинеенный для музыки. И по этим линейкам действительно пестреют головки нот — курганы. Когда-то, Бог знает когда, звучала по ним игра труда и жизни человека. Курганы тянутся стройными вереницами по берегам балок, по всему протяжению берегов и все в мерном от них расстоянии. Это неразлучные спутники каждого углубления в гладкой степной поверхности. Где курганы, там и балки или котловины, с водой или без воды, где нет курганов, там чистая, сухая гладь. Замечательна еще одна особенность: где курганы редки, там они малы, а балки мелки, а где посажены густо, там величина их значительнее, и балки глубже. На Таманском острове они не вытянуты в струну, как по степным равнинам, — да там вовсе нет и балок, там встречаются впадины других очерков. Около этих впадин курганы сбиты в кучу — и здесь они являются в самых больших размерах.

Курганы много оживляют степь. На них отдыхает взор, освежается внимание. Они шевелят эти сонные балки и вместе с ними бегут. Без них пришлось бы тосковать от недостатка впечатлений в этой беспредельной, бесцветной и неподвижной пустоте.

Что ж они, эти бедные пирамидки степи, гвоздевые головки в сравнении с колоссами равнин египетских? Не подают ли они руку с берегов степных ручьев на берега Нила через пространства морей и тысячелетий? Ведь и с них смотрит, конечно, сорок веков, ведь и они тяготят землю в качестве таких же бесплодных и безответных сооружений, как пирамиды фараонов... Но нет, мы не пойдем в страну Мемфиса и Фив, не пойдем так далеко и на такой ученой почве искать разгадки такой скромной загадки, как наши курганы. Поищем ее дома, на месте. Остановим внимание на этом тесном сочетании курганов с балками. Да, из этого сочетания углублений и выпуклостей родится предположение — если хотите, очень смелое, но, кажется, близкое к здравому смыслу, — предположение, что балки и котловины, к которым они направлены, вырыты, а курганы насыпаны.

"Это что за новая, антиклассическая мысль такая? Коликократно..."

Позвольте, позвольте. Что курганы не вышли из рук Творца вселенной, это не требует доказательств. Еще менее они могли быть набросаны кротами или волнами всемирного потопа: они расположены с расчетом, по мерке и по линейке. Стало быть, это труд человека, труд разумный, долженствовавший окупаться положительной выгодой и пользой. Но тут, конечно, вопрос: что именно было целью этого труда — вырытие ли балок или насыпка курганов? Разумеется, и то, и другое вместе. Иначе не было бы этой гармонии между тем и другим. Балки вырывались для ускорения осушки низменных равнин и для усиления слабого естественного орошения пастбищных лугов, а курганы насыпались для жилищ, или, лучше сказать, для крепких убежищ троглодитам.

"Вот в какую даль вы на своем казацком скакуне махнули! И без дороги, *audacissime!* Но не желаете ли обратить внимание на то, что между шириной и глубиной балок и объемом соответствующих им курганов нет пропорции? *Non est modus*".

Так, действительно так. Да и не должно быть иначе. В первоначальном виде балки были легкие канавы. Человек понял мановение природы и помог ей действием вод, канавы углубились и расширились. Курганы же, напротив, от времени, виноват, под тяжелой пятой веков, осели и сократились.

"Однако, *attamen*, обретаемые в курганах предметы доказывают, что это были не жилища живых людей, а места вечного покоя умерших, — и на аргументах, из самых недр сих холмов извлеченных, утвердилось общее достопочтенное мнение, что курганы возводились над прахом героев, аки надгробные памятники, *tumuli...*"

Слушаю и присовокупаю: в недрах курганов находят также клады, по курганам направляются степные наездники, на курганы выставляется сторожа, но из этого еще не следует, чтоб курганы были сооружены как кладовые, как указатели дорог, как подмостки для наблюдательных постов. Все это значения вторичные, третичные, товар из третьих и четвертых рук. Обширный народный труд ископания балок и возведения курганов должен быть отнесен ко времени первоначального заселения этой местности людьми. Должны были поднять этот труд первые поселенцы, потому что им не посчастливилось найти на своем новоселье готовых пещер и готовых рек. Рыли же люди

тех времен Меридово озеро и возводили всякие сады Семирамидины. А здесь было гораздо легче и проще. Ручеек и водоскат служили ватерпасом. Одна работа давала материал для другой. Прошли, конечно, века. На последнем кургане человек начертал первый брульон башни, и явился город. Тогда-то первобытные убежища, земляные шатры и вместе крепкие замки людей — курганы — перешли от живых к покойникам. Поколения за поколениями входили и истлевали в них, тесноты не было. Любовь, уважение и суеверие хоронили в них, вместе с покойниками, золото и другие драгоценности, уцелевшие до ближайших к нам времен и явившиеся на свет доказательствами гробового значения курганов. И потом, когда курганы вошли в обычай в качестве хранилищ праха предков, нет ничего мудреного, что в подражание первобытным холмам насыпались над прахом героев и новые, прямо уже как надгробные памятники. Но эти вторичные, подражательные курганы не могли составить такой стройной осмысленной системы, в какой являются спутники балок Черноморья.

Итак, *itaque*, эти улицы курганов на балках Черноморья (на другие местности не смеем распространять наше торжественное *itaque*) были сперва колыбелью, а по времени сделались могилами смертных. Сколько в мире вещей и дел, испытавших подобные обороты! И в настоящее время, если встречаются курганы близ куреня и хутора, они бывают увенчаны надгробными крестами. Прах Тарасенка смешивается с прахом Набудонабоназара. И нередко с верхнего конца нового деревянного креста развевается белый плат. Это знак, что в кургане затворился на вечный покой казак военнослуживый. Скоро ветер оторвет белый плат и унесет в степь. Выйдет на курган казачка и без мысли про покойника будет грызть подсолнушки да выглядывать, не идет ли с поля ее овечка. А потом, при угрожающем набеге черкес, старый скупец там же схоронит свой кувшин с серебром. Найдут его через сорок веков, напишут сорок диссертаций, и стрелы гипотез будут лететь на тысячу лет в сторону от мишени.

Любопытство, алчность и религиозная нетерпимость поколений, прежде живших, почти уже ничего не оставили внутри курганов на память или, лучше сказать, — в поживу нынешнему населению. На Таманском острове предпринимаются, однако ж, и не без успеха, археографические раскопки курганов, наиболее кажущихся нетронутыми. Вид и положение находимых в них предметов показывают, что это лишь остатки, проскользнувшие сквозь

пальцы давнишних нарушителей безопасности последнего убежища человека. Эти остатки могли задержаться в могильных холмах от поспешной или неискусной разрывки их. Опустошение могил могло совершаться не открыто, а тайно, как действие, возмущающее человеческое сердце, или как такое действие, которое человек любит совершать без товарищей и свидетелей, чтобы избежать через то неприятности делиться находкой. Внутри одного кургана найдены были два скелета с остатками заступов. Положение скелетов и присутствие при них заступов показывали ясно, что это были обкрадыватели мертвецов, что, подкопавшись украдкой под курган, они погребены были живьем случившимся завалом штольни. Наконец, и то еще можно заметить, что на многие вещи, находимые в последнем покоеще человека, прежние курганокопатели смотрели не лучше, как басенный петух на жемчужное зерно. Так, в некоторых курганах найдены были удивительной работы глиняные сосуды (по большей части греческие *Ischyria*), разбитые в черепки. Разбила их обманутая алчность вандализма.

Ограбление курганов могло быть совершено или аравитянами VIII века, утверждавшими новую веру на развалинах алтарей и всего, что находилось в каком-либо соотношении с ними, или монголами XIII века, основывавшими свое господство на развалинах современной цивилизации и всего, что только служило ей каким-либо выражением. Верно, по крайней мере, то, что совершено оно давным-давно, ибо курганы после первого разрытия успели к нынешнему времени зарыть свои раны и вновь принять свою первобытную коническую форму.

Нельзя, кажется, ожидать этого после поисков нынешних искателей древностей. Эти минеры археологии, раздирая могильные холмы от маковки до подошвы, не берут на себя заботы возвращать им по возможности прежний вид. Жаль, что заступ науки искажает этак самую характеристическую черту Черноморского края. Трудно выразить тягостное впечатление, какое производит на проезжего отталкивающий вид этих возмущенных и перебурованных кладбищ, этих тысячелетних могил, выставляющих свою внутренность, разглашающих свою заветную тайну.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Почва. Естественные произведения

Исключая Таманский остров, земля черноморских казачков состоит из сплошного чернозема с глинистой подпочвой. Нигде ни песков, ни камня, ни других минералов. В южной полосе, где почва освежается живыми течениями Кубани и ее отраслей, слой чернозема глубже и жирнее, а в северной, напротив, мельче и черствее. Здесь, по маловодью и, может быть, по соседству соляных озер, лежащих на одном уровне с землей, почва проникнута солями и щелочами, сообщающими ей тягучесть и вялость. В южной полосе все растет скорее и в больших размерах, чем в северной. Зато в этой последней, у берегов Азовского моря и р. Еи, земле дана особенная способность производить пшеницу "арновку", известную в торговле под именем твердого хлеба (*ble dur*) и, преимущественно перед другими сортами, выдерживающую дальние перевозки через моря.

В земледельческом отношении весь Черноморский край имеет ту невыгоду, что он слишком открыт для северо-восточных ветров, летом палящих, зимой пронзительно холодных, вымораживающих посевы и насаждения. А потому подобную местность не должно разбивать и оценивать по одному составу и качеству почвы вне соотношений ее с воздухом. Что щедро производит и матерински живит земля, то неожиданно убивает воздух. И тогда выходит, что "земля есть поядающа живущия на ней".

На Таманском острове — чернозем серый, легкий и как бы очищенный. Здешняя почва несравненно нежнее грубой, хотя и сильной, почвы степного пространства, не спекается летом, не смерзается зимой до твердости камня, как наземная кора степи. Она растворена песком и согрета глубоко кроющейся в ее недрах горной нефтью. Снег на ней никогда не лежит долго. Как все вулканические почвы, таманская земля очень плодородна, и плодородие ее постоянное, надежнее, чем плодородие лимфатической почвы "на речках", как называется у казаков степное Черноморье. Там хлебородная сила земли — что соломенный огонь: даст обильный плод год-другой, а там и испарится на продолжительное время, и отощавшая нива гонит один бурьян. Таманская пшеница отличается жел-

тым, янтарным цветом и способностью сохраняться долго в амбарах и путешествовать далеко на кораблях. Таманские арбузы пользуются известностью даже в Крыму.

При обильных дождях с весны и под влиянием западных и южных ветров в продолжение лета земля черноморских казаков производит с успехом все роды хлебов, овощей, масляных и прядильных растений, свойственных южной полосе России. Исчисление их было бы бесполезно. Урожай хлебов бывает — "на речках" до сам-тринадцати, а на Таманском острове до сам-двадцати.

Но, будучи скорее лугом, чем пахотной полосой, Черноморье отличается силой и разнообразием своей флоры. На пространстве нескольких десятин вы можете встретить из луговых трав: разную дятлину или орешек, разного рода горошек и другие стручковые, разных видов колосистые травы, ковыль, ароматную сывороточную траву, козлятник, кровохлебку (*sanguisorba officinalis*), цикорию, ярутку, куколь, полевой шалфей, посконник, василисник, незабудку.

Желтоцветущий "бурунчик", то есть желтая дятлина, *trifolium campestre*, служит вестником созревания травы для покоса. Лишь показал он цвет, казак отбивает косу, набирает воду в бочонок и собирается на покос. Это бывает обыкновенно за две недели до Петрова дня. Пушистый и белый, как пена, ковыль покрывает большие пространства степи по рекам Бейсугам и Чолбасам. Это растение служит отличительным признаком земли девственной. Прасолы дают ему таинственное, покровительствующее их занятию значение и украшают им свои кибитки и становища.

Из растений, употребляемых в мануфактуре, медицине и на кухне, находятся: вайда, ворсянка, марена, кермек, солодковый корень, бузина, ромашка, сурепа, кунжут, горчица, спаржа, дикий чеснок и хрен. Последним особенно изобилует Таманский остров. Здесь корень хрена бывает такой толщины и уходит на такую глубину в недра земли, как якорный канат, брошенный в морскую пучину.

Скровища дубильного вещества, кермека кроются преимущественно в прикубанской полосе.

По сочно-черноземному пространству всей южной полосы встречаются терновники и других пород кустарники. Это слабая тень давно истребленных лесов и вместе указание на способность почвы к произращению новых. За лесоводством пошло бы успешно и садоводство. Чтоб

воспитывать виноградную лозу, надобно прежде иметь под рукой тычину. Виноградная лоза, ореховое дерево, персиковое дерево, черешня, шелковичное дерево и другие в этом роде растут с полным успехом. Нужен только заботливый уход за ними, пока они в младенчестве, надобно пеленать и кутать их на зиму, чтоб северо-восточные ветры не выморозили их корни, а зайцы не обгрызли их коры. Слабые опыты садоводства встречаются повсеместно. Лесоводство покамест ограничивается насаждением одних скорорастущих и недолговечных пород: тополя, вербы, ольхи и акации, которые осеняют заборы дворов, рубежи хуторских "левад" (дач), берега речек и окраины плотин, скрепляя рыхлый состав этих последних.

В нескольких местах по Кубани сбережены остатки лесов и кустарников; они взяты в войсковое ведомство. Под ними 11562 десят. земли. Господствующие в них породы: дуб, ясень и берест, или вяз. Около старых городищ, по правому берегу Кубани, попадаются кое-где остатки виноградников, в одичалом состоянии, — печальные следы существований, нынешним жильцам неведомых. Народы оставляют память по себе не в одних развалинах гордых сооружений, но и в скромных былинках царства растительного. На Таманском острове плуг казака проходит по бороздам, когда-то напаявшим виноградники. От этой благородной земли, подававшей на пиры греков чашу вдохновения, теперь требуют только куска насущного хлеба.

Когда-то Сицилия на Фракийских водах Понта Эвксинского, Таманский остров резко оттеняется от унылых степных равнин не только живописным видом своих холмов и вод, но и минеральным содержанием почвы. Господствующими в ней породами представляются глины и пески. Первые встречаются в соединении с илом, известью и слюдой и бывают желтого, красного, бурого и синечерного цветов. Пески большей частью являются с окислом железа, иногда спекшиеся в твердые массы, без видимого цемента, цветов преимущественно желтых, искрасна-бурых и чисто белых, блестящих. Между песками и глинами залегают второстепенные породы: известняк, песчаник, гипсовый шпат, алебастр, селенит, серный и железный колчедан и бурый железняк (водянистое, окисленное железо). Выше Таманского куреня, по направлению к мысу "Лысая гора", могут добываться известняк, совершенно годный для построек, и чугунная руда. Над Ахда nizовским лиманом, в недрах мыса "Дубовый рынок" и в

холмистых окрестностях Бугазского гирла, подозревается существование каменного угля.

Вершины высот около Ахданиза дышат сопками, извергающими тонкий, пепелистый ил и соленую воду с серно-водородным газом. Из сомкнувшихся кратеров потухших вулканов, по-казацки "горелых могил", около Фанатории, бывают по временам огненные извержения, которым предшествуют оглушительные, потрясающие окрестность взрывы. Тогда бедные жители не знают от страха, куда деваться. Но пробуждение вулканов не бывает продолжительно. Через несколько минут они снова погружаются в свой вековой сон, и все вокруг них приходит в обычный порядок. Спят вулканы, изредка возмущают их глубокий сон беспокойные грезы, — и кто из мудрецов истолкует нам значение их снов!

В окрестностях куреней Вышестеблиевского и Старотитаровского, также в урочище "Чижиковом пекле" и в северо-западном углу острова, на берегу Азовского моря, находятся источники нефти, черной и белой (горное масло, pétrole), которая добывается в первых трех местах из колодцев, со вставленными в них плетневыми втулками, а в последнем — из песку, посредством разности морского берега, имеющего здесь отвесной высоты более 25 саженей. Под этой высотой ниже разных песков, глин, щебня и мелких раковин залегает пласт песка серого, пересыщенного нефтью до состояния теста. Ширина флеца тринадцать, длина восемьдесят саженей. Это самый обширный прииск, занимающий до ста работников. Вообще же годовая добыча нефти во всех показанных месторождениях ее может простираться от 1000 до 3000 ведер, на сумму от 500 до 1500 руб. сер. Прииск скудный, едва окупающий труды и издержки операции.

Пред приходом казаков на Таманский остров нефтяные источники были заколочены и засыпаны прежними обитателями этой местности. Спустя уже тридцать почти лет были они вновь открыты.

В вековых болотах, прикубанских и приморских, лежат целые пространства торфа, на который не обращено еще никакого внимания, то есть на который не пришла еще нужда. Там же водятся пиявки, ловля которых давно уже вошла в область промышленности. Но о промышленности и ее предметах мы будем говорить в другом месте.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Климат. Народное здоровье. Старые годы

По географическому положению (45° с. ш.) и слабому возвышению своему над морским уровнем Черноморье должно считаться теплым краем. Действительно, здесь больше тепла, чем холода, больше солнца, чем облаков. Но вследствие своей гладкой поверхности и открытого положения на севере этот южный край вчастую испытывает холода северной зимы. Соседство двух морей и Кавказских гор делает климат его изменчивым и непостоянным в высшей степени. Одно время года впадает в другое, переходы от тепла к стуже, от ливня к засухе, от мертвой тишины к буре совершаются мгновенно, — и если где, то особенно здесь не следует хвалить день прежде вечера. Народ со всей точностью определил свой климат в поговорке: "До Святого Духа не кидайсь кожуха, а по Святом Дуси, у тому ж кожуси". Это значит: ни в какое время года не будь доверчив к климату.

Иногда гром прогремит в декабре, а на другой день ударит трескучий мороз. Иногда в январе стоит сухая и ясная погода, в феврале идут дожди, а в марте падает снег и свирепствует вьюга, а запоздалая стужа пришибает молодую, слишком рано вызванную из доверчивой почвы зелень в полях и почки в садах.

Виноградная лоза на зиму закрывается. По замечаниям, она боится холода только в марте, когда соки ее начинают приходить в движение. Из этого видно, что она могла бы зимовать на открытом воздухе, под одной естественной защитой своей коры, если б зима не переходила за указанную ей в календаре черту. А как это случается слишком часто, то весна бывает бурная, сырая и холодная. Потом вдруг наступают жары. В мае они доходят уже до 27°, а среди лета до 50°Р на солнце. В летнее время сильные грозы и град — явление самое обыкновенное. Летом от продолжительного зноя, зимой от бесснежной стужи земля спекается и расседается широкими трещинами. Самое приятное время года под небом Черноморья — осень. В сентябре и октябре бывает по большей части сухо, ясно, тепло и тихо. Лист на дереве держится долго. Солнце светит кротко и приветливо. *Esse phoebi dulcius lumen solet, jamjam cadentis...* Все, что им освещено, кажется прилас-

канным, пьющим наслаждение из его лучей и дремлющим в неге. Тогда и сам не ищешь тени, а желаешь быть облитым с головы до ног этим сладостным светом. И слышишь тогда во всех звуках природы любящий голос: "Дети мои, еще малое время я с вами..." Тихо идет это прекрасное время, а уходит скоро. Наступает ноябрь с его свинцовым небом, с его дождями и туманами, а там и Николин день с морозом и инеем. Самые сильные морозы (до 28°) бывают около Рождества. В эту пору становится Кубань. Стужа приходит обыкновенно на голую землю без снега. Взъерошенная и внезапно застывшая грязь представляет тогда из улиц, в местах населенных, и из дорог, в открытом поле, чудовищные терки, по которым ходьба или езда ни у кого не вызывает приятных восклицаний. Во всей силе слова бывают тогда *строптивые пути* на войсковой земле.

В продолжение зимы снег падает часто, но не лежит долго: или тает он от теплого солнца и сырого ветра с моря, или смывается дождями. Саням службы мало. Если зима несколько лет сряду была слабая и короткая, как говорят здесь, "сиротская", то потом непременно явится лютая и продолжительная, как бы наверстывающая за один раз недоимки и упущения многих лет. И тогда-то бывает гибель на стада у оплошных хозяев.

Атмосфера и народное здоровье, видимо, подчинены влиянию ветров. Среди зимы и среди лета дует с напряжением, как бы подобранный на короткие поводы, северо-восточный ветер (у черкас "негхкой"), провожатый всех невзгод для края: летом — засухи, зимой — резкого, глубоко проникающего холода.

Про него можно повторить здесь слова, сказанные под другим небом: "Из всех ветров, заключенных в мехах Эола, он самый злой, коварный и опасный. Как сила дурного глаза, губительно его влияние, как чаша испитой неблагодарности, снедает грудь ядовитое дуновение его. Верный союзник смерти, он вздувает парус Харона и носит на крыльях своих болезнь и заразу. Только угрюмого могильщика радует мрачный пришелец из стран далеких и пустынных. И слышатся в вое его стоны и вопли несчастных страдальцев. Безотрадно несется он несопутствуемый ни одним из сладких ароматов стран цветущих. Только печаль и уныние оставляет он на широком пути своем. Не защищают от него ни стены каменные, ни яркое пламя, ни одежда теплая..."

Северо-восточный ветер производит летом расслабление и отвращение от труда на воздухе, а зимой насыляет

катары, колотья, ревматизмы. На смену ему поднимается с Черного моря юго-западный ветер, теплый, порывистый, сырой, брызжущий дождями. Под его влиянием возникают лихорадки, горячки, рожистые воспаления лица. Переход юго-западного ветра в северо-западный сопровождается внезапным градом или снегом.

В течение лета и зимы тихие дни редки. Ветры дуют почти исключительно угловые и весьма редко прямые. Последние поднимаются не иначе, как в скоротечных и потрясающих бурях. Ртуть в барометре не поднимается выше 30 дюймов и не опускается ниже 28 дюймов и 8 линий. Высокое стояние ртути бывает при действии северо-восточного, а низкое — юго-западного ветра.

Воздух в составных своих частях по сделанным испытаниям не обнаруживает резких отклонений от обыкновенных пропорций, но нельзя не допустить в механико-химической его смеси присутствие посторонних частей как весомых, так и неулавливаемых орудиями науки. Присутствие водяных частей в воздухе отличается обыкновенной его сыростью. В кладовых господствуют затхлость, плесень, ржавчина. В закромах и погребах жизненные припасы подвергаются скорой порче, вина — окисанию. Дерево самое крепкое скоро гнивает в земле. Живые деревья в садах покрываются гусеницей, мхом, грибовидными наростами и язвами, истощающими их обильные соки, а в сердцевине поражаются чахоточной трухлястостью. К этим явлениям присоединяются частые туманы и весьма обильные росы. Наконец, последнее свидетельство о густоте воздуха является в летних маревах, или миражах, так здесь обыкновенных. Примесь водяных частей в воздухе происходит от близости гор, брызжущих водами, от смежности морей и болотистых пространств, которые постоянно бродят и испаряются, то нагреваясь после зимнего охлаждения, то остывая от глубоко проникнувшего их летнего жара. И притом глинистая подпочва степей не способна проводить далеко в глубину падающие на поверхность земли, в дождях и снегах, орошения.

Из болот, облегающих край с трех сторон и загроможденных сорными, разлагающимися на корне растениями, отделяются тлетворные вещества, производящие желчную лихорадку, на казацком языке "корчей", на черкесском "тхегхау". Эта тропическая на всем Подкавказье болезнь имеет здесь характер скорее эпидемический, чем спорадический. Она возникает по мере возвышения летних жаров и достигает своей апогеи в августе. Тогда уцелев-

шие от лихорадки составляют содержание к испытывавшим ее как 2:10. Полевые труды в поте чела под знойным небом, при недостатке здоровой воды распространяют и раздражают, а обильные сборы плодов и овощей, особенно дынь, питают болезнь в народе. Свежая рыба и раки степных прудов, раки — любимое *pois la bonne bouche* казацкой вечери — также не благоприятствуют народному здоровью.

Эпидемическая холера, посетившая Кавказ в 1832, 1847, 1848 годах, действовала на Черноморье не так сильно, как в местах, более здоровых. В курене Староджерелиевском, поселенном самым невыгодным образом для жизни, среди болот протоцкой полосы, и не имеющем среди лета годной для питья воды ближе, как верст за пять, холера вовсе не действовала. Не оттого ли, что жители пьют там воду не свежо почерпнутую, а подержанную в посуде известное время, требующееся для ее перевозки?

От лихорадок страдают наиболее жители болотной прикубанской полосы и войска, занимающие кордонную линию. Там по роду своей службы казак с днем и ночью подвергается влиянию открытого воздуха и держится в местах, выгодных в тактическом и невыгодных в гигиеническом отношении. В степной и приморской местности действия болезни не так сильны, а в возвышенной части Таманского острова почти незаметны.

Степь, поэтический удел казачьего житья-бытья, могла бы пользоваться лучшим воздухом, если бы не была засорена множеством добровольно созданных луж, из которых летняя атмосфера черпает свои миасмы. Это запруды на балках, о которых было уже говорено выше. Скудные степные водоскопища от застоя и тепла подергиваются зеленой плесенью, задвигаются илом и производят камыш — растение, вредное своими испарениями и разложением в воде своих пней, недоступных ни для косы, ни для огня. Грязные "ставы" (запруды), нередко разрушаемые весенними наводнениями, терпеливо восстанавливаются и поддерживаются для водопоя стад и для работы мельниц. Камыш не искореняется, а напротив поддерживается как необходимое в хозяйстве добро, как топливо, кровельный и городильный материал.

Не вдаваясь в рассуждение о том, больше ли выгод или больше лишений принесло бы народу отсутствие запруд и гатей на степных балках — не на всех, конечно, но на большей их части, — выполним печальную обязанность показанием еще одной болезни, свойственной обзрева-

емому нами краю. Это цинга, гнездящаяся в жилищах бедности и неопрятности, заносимая нередко служивыми казачками из закубанских укреплений, а иногда развивающаяся и действующая эпидемически. Лихорадка и цинга, эти два местные бича народного здоровья, если не истребляют, то заметно перерождают народонаселение, в основание которого призвано было племя крепкого закала.

Мирные черкесы, обитатели прикубанских болот левой стороны, предохраняют себя от цинги чрезвычайно воздержным и подвижным образом жизни, а также обильным употреблением в пищу перца, чеснока и лука. Мать, желая отвязаться от докучающего ей ребенка, сунет ему в руку луковицу, и тот ее съест без всего с утешенным и веселым видом, словно пряник.

Пока климат этого края улучшится мерами, зависящими от человеческой воли и предприимчивости, пока это будет,— а вот по сказке старожилков на их веку произошли в температуре местной атмосферы видимые изменения: зимы сделались гораздо суровее против старых годов. В те годы не знали, как на зиму припасать для стада сено, а для пастуха кожух, в те добрые годы озимые запашки полей оканчивались перед Рождеством, а яровые начинались после Крещенья.

Тогда житье было на казачине. Какое диво, что само небо было к нам ласковее! Мы величали друг друга братом, а кошевого атамана батьком. Так оно было и на самом деле. Мы не чувствовали тесноты в светличке о трех окнах, под низко спущенной камышовой крышей, где на светанье Божьего дня звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлег под одним с нами смиренным кровом. Наши матери и молодницы разъезжали в стародубовских кибитках, в которых только и роскоши было, что медные головки на "цвяшках" (гвоздиках), а мы-то, мы с пренебрежением смотрели на колеса — и нас носили стремена. Стремя было для казацкого чебота, что крыло для пяты Меркурия. На дружеских пирах мы пили свою родную варенуху, услаждали вкус мнишками, а слух цимбалами и под их разудалое, задирающее за живое бряцание отплясывали журавля да метелицу. Пуля и даже сабля не брали нас в бою, затем что никто из нас назад не оглядывался¹. У домашнего очага мы были недоступны ни для корчег, ни для

¹ По казацкому поверью, заговор от пули и сабли может быть действительным только для тех, кто в бою ни разу назад не оглянется. Условие, *sine gna pop*, и весьма основательно.

иной злой немочи — не было преждевременных морщин, за которые могли б они ухватиться. Все недоброе от нас, как мяч, отскакивало. Просто — житье было на казачине.

Оплакивающий оное доброе время не берется быть истолкователем изменения, восследовавшего в климате Черноморья, на памяти одного только поколения людей. Но из его собственной памяти не испарились еще повествования древних историков о том, что за пятьдесят лет до Рождества Христова таврические скифы, предприняв поход в Индию, переходили через Черное море по льду; что за сто лет до той же эры Митридат сражался со скифами на льдах того же моря и что наконец в XI веке русский удельный князь Глеб по льду Боспора Киммерийского, то есть Керченского пролива, измерял расстояние от Тмутаракани до Керчи. Выходит, что зима на Черноморье не есть явление новое. Ничто не ново под луной.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

**Народность. Религия. Населенность.
Жилища. Замечательные поселения. Следы
старинных селитеб. Отличительные черты
в быту общественном и семейном.
Отличительные качества нравственные.**

Черноморские казаки вышли из последней Запорожской Сечи и населили нынешний свой край в 1792 году. К первобытному их населению, состоявшему из двадцати тысяч "куренных" или служилых людей, присоединились по времени — горсть запорожцев, вышедших из Турции под именем Буджацких казаков, и два поселка добровольных выходцев из-за Кубани — черкес и татар. Сверх этих маловажных приселений сделаны были три раза значительные переселения на землю черноморцев малороссийских казаков из губерний Полтавской и Черниговской.¹

В позднейшее время возникли в пределах Черноморья два приморские поселения с особыми сословиями, не имеющими ничего сходного с сословием казачьим. Мы будем касаться их только в показании статистических цифр, общие же сведения и заметки о разных сторонах народного быта и характера будут относиться всегда к господствующему сословию казачьему.

¹ С самого начала, в 1792 году, перешло на Черноморье 13 тысяч строевых казаков и при них до 5 тысяч душ женского пола. Затем вследствие особых мер правительства подошло еще врастяжку в виде отсталых до 7 тысяч семейных и бессемейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Новороссийского края после упразднения Запорожской Сечи. Это население коренное.

К нему прибыло:

В 1808 году до 500 добровольно возвратившихся из Турции Буджацких казаков, старинных сечевых односумов черноморцев.

В 1809—1811 годах переселенцев из малороссийских губерний, Полтавской и Черниговской, 23089 мужского и 16672 женского пола душ.

В 1821—1825 годах вторых переселенцев из тех же губерний 20274 мужского и 19689 женского пола душ.

В пятилетие, 1845—1850 годах, третьих переселенцев из тех же и отчасти из Харьковской губернии да разных вольноприписных, все-таки из Малороссии, до 8500 мужского и 7000 женского пола душ.

Малороссийские казаки, из которых набиралась Запорожская Сечь во все время ее существования, — кровные родичи черноморцам, а потому приселения их, как ни были они значительны, не внесли никакой разноплеменности в население коренное, и в настоящее время весь войсковой состав черноморского народонаселения носит одну физиономию, запечатлен одной народностью — малороссийской. Самые инородцы (черкесы и татары), численность которых не простирается далее одной тысячи мужского пола душ, исчезая в массе господствующего населения, уже достаточно оказались. Немало удивляет захожего русского человека, когда черкес заговорит с ним языком Пырятинского уезда. "Что за диво! — думает русский человек. — Нельзя сказать, чтоб был хохол, а говорит — из рук вон".

Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились под их военной кавказской оболочкой черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях в быту домашнем и общественном. Напев на клиросе, веснянка на улице, щедраванье под окном, жениханье на вечерницах, и выбеленный угол хаты, и гребля с зелеными вербами, и вол в ярме, и конь под седлом — все напоминает вам на этой далекой кавказской Украине гетманскую Украину, Наливайка и Хмельницкого.

Мыслью, следственно, существую, — сказано о немцах, по крайней мере, сказано это у них. Пою, следственно, живу — может быть сказано о племенах славянских. Так, старая песня гетманской Украины живет неразлучно с поколениями народа, перенесшего своих пенатов с Днестра на Кубань, и звучит она тысячеустной повестью о славных делах и высоких качествах праотцов в завет правнукам, далеко ушедшим от предковских могил...

За исключением небольшого числа инородцев, все черноморские жители войскового состава исповедуют греко-русскую веру, за неприкосновенность которой их прадеды пролили потоки крови в борьбе с нетерпимостью польского католичества. Расколов нет. Жертвующая преданность народа к церкви беспредельна. Не бывает наследства, самого скромного, из которого бы какая-нибудь часть не постушила на церковь. В этом отношении черноморцы остаются верны святому обычаю своих предков: от всех приобретений меча и весла приносить лучшую часть храму Божию.

Инородцы, в войсковом составе находящиеся, принад-

лежат к последователям суннитского магометанства: татары — по задушевному верованию, черкесы — по имени. Здесь кстати будет заметить, что как шапсуги, к племени которых принадлежат черноморские черкесы, так и другие закубанские горцы слабо привязаны к исламу и недалеки от религиозного индефферентизма. Когда первый, еще не знавший, как взяться за свое дело, эмиссар Шамиля, Хажди-Магомет, явился среди абадзехов (в 1841 году) и заговорил к ним с высоты корана о правоверии, то дворяне, бывшие в числе первых его слушателей, пожали от недоумения плечами и холодно отозвались, что такие речи прилично выслушивать только муллам, а не благородным уоркам (дворянам). Не дженет и гурии корана, а страх стыда и желание известности в своем общежитии, — чтобы не сказать, чувство чести и жажда славы, — одушевляют черкесского уорка на битвы и опасности. В недавние годы умер у абадзехов стодвадцатилетний старец, последний представитель того времени, когда горцы не были еще мусульманами, даже и по имени. Позднейшая турецкая пропаганда, наложившая клеймо ислама на окружавшие старца поколения, не имела над ним никакого действия. Новое вино неудобно вмещается в старый мех. Наконец, в последние минуты жизни абадзехского Мафусаила муллы приступили к нему с увещанием, чтобы, по крайней мере, в другой мир явился он правоверным, если не хотел быть таковым на сем свете. Ветхий днями горец не сдавался, и служители корана решились испытать над ним последнее средство: пламенным словом стали они рисовать воображению умирающего картины рая и ада, до которых оставался ему один только шаг и между которым проход так узок, как лезвие шашки. Тогда умирающий пришел в волнение, закрыл глаза рукой и последним оставшимся у него голосом проговорил: "Не хочу в ваш ад, не хочу в ваш рай, дайте мне спокойно уйти в то место, куда ушли добрые и честные люди — мои сверстники". И через минуту ушел.

Всех жителей в пределах Черноморья, обоего пола:
Казачьего сословия — 165000¹
Городовых сословий портового города Ейска — 20000
Немецких колонистов — 220
Итого — 185220 душ

¹ В этом числе значится 860 душ обоего пола крепостных дворовых людей, большая часть которых предназначена к поступлению в казаки.

Оставляя в стороне город Ейск и немецкую колонию, войдем в особенное рассмотрение казачьего населения. В вышепоказанной общей цифре 165 тысяч заключается мужского 85000 и женского пола 80000 душ. Из двух миллионов трехсот тысяч удобной в пределах Черноморья земли — за указанными отводами ее для кордонной линии, портового города Ейска и немецкой колонии, для войскового дворянства и духовенства, для почтовых станций и скотопрогонных дорог, для рыболовных, соляных и нефтяных промыслов, для мельниц и других отдельных надобностей и, наконец, в запасе для имеющего увеличиться народонаселения — приходится в действительный надел казаков по шестнадцати десятина на душу мужского пола.

В естественном движении казачьего народонаселения средним числом рождается 5300 душ, браком сочетается 1250 пар, умирает 4000 лиц. Приращение составляет 1300 лиц в год.

Число умирающих к числу живущих относится как 1:41.

Число заключаемых браков к общему числу жителей относится как 1:132.

Число рождающихся к общему числу жителей относится как 1:31.

Все вообще жители Черноморья, как казачьего, так и других сословий, населяют три города, одну немецкую колонию, шестьдесят три куреня или станицы¹, пять поселков и до трех тысяч хуторов. Среди этого населения находятся две монашеские пустыни: мужская и женская.

У черноморцев старого времени, как равно и у запорожцев, куренем называлась казарма, не только в смысле здания, но еще более в смысле помещавшейся в ней самостоятельной части войска, поставленного на походную ногу, мобилизованного. Каждый курень имел приписанное к нему село или несколько сел, откуда снабжался жизненными припасами. С 1803 года, по заменении куреней, в смысле частей войска, полками, название это осталось при селах, которые в позднейшее время стали называться и станицами для сходства с другими казачьими войсками. За название станиц первые ухватились канцелярии, и с такой поспешностью, как за замену слова сей словом *этот*.

Курени носят те же названия, какие исстари существовали в Запорожском войске. Из них лежащие по Ку-

¹ В числе 63 куреней считаются и города Екатеринодар и Тамань, потому что они имеют двойное учреждение — городское и куренное.

бани, на линии, укреплены окопом и огорожею в защиту от нападений горцев. Число дворов в курене простирается обыкновенно от 200 до 1000.

Край заселен неровно: на одной полосе народонаселение легло слишком густо, на другой слишком редко. Первая из этих крайностей не представляет никакой соразмерности между числом жителей и подлежащим им по положению количеством земли.

Во всех показанных городах, куренях, поселках и хуторах состоит: церквей 70, с монастырскими, из них десять каменных, остальные деревянные, мечетей 3, войсковых домов каменных до 30, деревянных и турлучных 140¹, общественных запасных хлебных магазинов 60, соляных магазинов до 4, почтовых станций 25, лавок каменных до 100, деревянных до 600, трактиров 10, питейных домов до 200, бань публичных 14, кузниц 150, заводов рыбоспелных до 200, кирпичных до 30, черепичных 2, кожевенных 6, салотопенный 1 и маслобойных 3, мельниц водяных 70, ветряных 750, домов обывательских до 32000.

Между обывательскими казачьими строениями каменных не встречается почти вовсе, деревянные очень редки, земляные, то есть сложенные из землебитного кирпича или просто из просушенного дерна, находятя на Таманском острове да по берегам Азовского моря и р. Еи, где почва по своей сухости и тягучести оказывается годной для подобного рода строений. Господствующие же у черноморцев постройки суть турлучные или мазанковые, в состав которых входит гораздо меньше леса, чем глины. Врываются в землю столбы, называемые сохами, и на них накладываеся сверху "венец", то есть бревенчатая связь, служащая основанием кровельным стропилам и матице. Стенные промежутки между сохами заделываются плетенкой из камыша или хвороста. Редко положенные от матицы к венцу доски с камышовой поверх их настилкой образуют потолок. Этот остов здания получает плоть и кожу из глины, смешанной с навозом. Если это жилище пана, в нем будет окон очень много, вдвое больше против того, сколько нужно; если урядника, то при нем будут присенки, крылечко на двух столбиках, вроде козырька при фуражке. Новые присенки при старой хате показыва-

¹ Сверх войсковых зданий, состоящих в пределах войсковой земли, находятя в С.-Петербурге казармы с конюшнями, выстроенные из доходов Черноморского войска, для помещения лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона.

ют, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьим галуном. Если в хате порядок и довольство, то на дымовую трубу будет надет деревянный островерхий колпак с петушком вместо кисточки, поворачивающимся по ветру. "У богатого козака дымарь с крышкою, а в убогого лоб из шишкою". Турлучные постройки не должны быть, во-первых, обширные и высокие, а во-вторых, войсковые, или, что одно и то же, казенные. В первом случае они не будут иметь надлежащей прочности, а во втором — неудобны тем, что требуют непрерывного ремонта. Трещина показалась в потолке — мазка; косой дождь ударил в стену — еще большая мазка, а пропущена мазка — здание пошло валиться. Потом столбы, на которых держатся потолок и крыша, скоро подгнивают в основании, и здание косится, ползет врозь. Последнее неудобство могло бы быть устранено с помощью жидкого стекла, если бы покрывать этим стеклом концы столбов, врываемые в землю, что делало бы их недоступными гниению. Как бы то ни было, но турлучные жилища, особенно в этом непостоянном и нездоровом климате, тяжелы: всякая сырость и порча воздуха задерживаются в них долее, и многолюдная семья не может в них дышать так легко, как в деревянной избе. Четвероногие "черкесы" кладовых и чуланов предаются в них хищничеству с большим удобством, они прокладывают себе скрытые пути внутри самых стен, от основания до потолка. Да и самое производство постройки непривлекательно — что-то вроде горшечного дела, и если бы Диоген явился не в Афинах, а в Черноморье, то эмблемой человеческого приюта избрал бы он не бочку, а глиняную макитру¹. Но покамест еще только такие жилища доступны средствам черноморцев. Их безлесный край осужден снабжаться строевым лесом издалека: с Дона и из-за Кубани, от горцев. На Дон — далеко и дорого, а на Кубани, по военным обстоятельствам, не всегда бывает лес в привозе. Первые оседлые обитатели Черноморья, казаки екатерининского века, не находя приюта на поверхности обнаженной пустыни, зарывались в землянки — и эти мрачные, сырые

¹ Большой кувшин с широким отверстием. Замечательно, что у кубанских горцев архитектура тоже турлучная, хотя и живут они среди лесов. Подобные парадоксы можно объяснить не иначе, как застарелыми привычками народа, жившего когда-нибудь на другой местности, под другими условиями. В Закавказском крае встречаются поселения, которые, будучи расположены между лесами, употребляют на топливо кизяк, а не дрова.

убежища делались могилами для целых тысяч новосельцев.

Однако ж выгода глиняных жилищ та, что их нелегко берет огонь. Поэтому пожары довольно редки, не только в куренях, но и в городах, которых, как было уже упомянуто, три, а именно: Екатеринодар, Тамань и Ейск.

Екатеринодар — главный город в земле черноморских казаков, при реке Кубани, в 220 верстах выше ее устья, в 62 от крепости Усть-Лабинской, в 260 от Ставрополя и в 1400 верстах от Москвы. У горцев Екатеринодар называется "Бжедугскяль", то есть Бжедугский город, по ближайшему его соседству с бжедугским народом.

Местоположение города, болотистое и нездоровое, представляет мало удобств для обитания не только городского, цивилизованного, но даже самого простого и близкого к природе. Осенью и весной, нередко даже и среди зимы, улицы города бывают наполнены топями, почти непроходимыми. Тогда воз с тяжестью проехать по ним не может. Вследствие чего базары, на которые привозятся съестные припасы для пропитания городского населения, учреждаются вне города, и кому с какого угла надобно въехать в город, тот туда и направляется с поля, хоть бы для этого приходилось околесить верст десять. В то печальное время на главнейших площадях образуются озера, и люди, не любящие шутить, утверждают, что видят на них диких уток. Одна только привычка казаков ездить смело верхом по самым опасным, закрытым неровностям делает такое затруднительное положение городских сообщений выносимым. Но горе страннику, заброшенному судьбой или службой в войсковой город, во время растворения в нем пятой стихии! Извозчиков и заведений нет, да хотя б и были, все равно оставались бы без практики.

Общая всему краю климатическая болезнь — лихорадка, спорадическая и эпидемическая, преимущественно гнездится и развивается в главном городе, при основании которого, на виду хищного неприятеля, внимание казаков было поглощено одними тактическими соображениями. Спасибо, что попалось им в те поры место, обойденное с трех сторон болотами, за которыми можно было заснуть спокойно. Это же место было покрыто лесом. Лес рубили и около пней, без дальних хлопот, "будовали" хаты.

Много трудов было уложено на осушку города посредством канав, но это нисколько не помогло, потому что площадь, занимаемая городом, приподнята у краев и вдавле-

на середине. Вид ее поверхности сравнивают с блюдом и находят, что сколько она удобна для огорода, столько же невыгодна для города.

Екатеринодар, так названный во имя блаженной памяти Государыни Екатерины II, основан в 1794 году. В протоколе об основании его сказано: "Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов при реке Кубани, в Карасунском куте, воздвигнут град". Как видите, целью "воздвигнутя града" была опора кордонной стражи! Ныне в этом отставшем от современного значения граде насчитывается до 2000 домов, то есть хат, изваянных из глины вышеобъяснимым способом и покрытых камышом и соломой. Частных каменных зданий ни одного, деревянных под железной крышей несколько. Хаты стоят в таких положениях, как будто им скомандовано "вольно, ребята": они стоят и лицом, и спиной, и боком на улицу, какая в каком расположении духа или как какой выпало по приметам домостроительной ворожбы, предшествовавшей ее постановке. Одни из них выгадывают из-за плетня, другие из-за частокола, третьи, и немногие, из-за дощатого забора, но ни одна не выставится открыто в линию улицы. Напротив, большая их часть прячется в глубь двора, сколько можно догадываться, по сознанию своей некрасивой и бедной наружности. В хатах и дворах соблюдается чистота, на улицы выбрасывается сор, где и лежит он, пока поглотят его лужи. Эти улицы, кроме дарового света луны, когда он есть, не знают другого освещения. В начале нынешнего столетия они были очень широки и по бокам ровны. Теперь ширина их несколько сузилась и бока сделались зубчаты, словно речные берега, испытывавшие частые обвалы. И действительно, их непрочные заборы недалеко отошли от рыхлых берегов какой-нибудь степной речки. Эти частокольные и плетневые заборы, подгнивая в своем основании, часто требуют перестановки, а каждая перестановка, неизвестно для какого именно общего блага, выдвигает их вперед, все ближе и ближе к фарватеру улицы. Такое наступательное движение, совершаясь одинаково с обеих сторон, представляет печальную перспективу, или, лучше сказать, — уничтожает всякую перспективу в будущем развитии города¹. Если городиль-

¹ Нельзя ли из этого современного нам явления объяснить необыкновенное сужение улиц в азиатских городах?

ный материал будет оставаться надолго один и тот же, в чем неуместно было бы сомневаться, то легко можно высчитать время, когда обе линии той или другой улицы достигнут желаемого соединения, сольются как половинки затворенной двери. Тогда, что ж тогда будет с этим бедным бурьяном, который, не подозревая возможности подобного события, беспечно и простодушно растет на улицах к особенному удовольствию разгуливающих по ним животных, ненавидимых черкесами? До первой холеры произрастал на улицах войсковой резиденции, равно как и всех подчиненных ей куреней, бурьян мягких пород; с показанного же времени не только на улицах и площадях, но даже на выгонах и на всех больших дорогах появилась острая колючка, занесенная на Черноморье из Крыма, как полагают, в мычках извозчичьих лошадей. Этот растительный лишай с чрезвычайной быстротой распространился по всему лицу войсковой земли. Крапива любит развалины и запустение, крымская колючка, напротив, избирает для себя места жилые и усыпает своими иглами свежие следы человека.

Чтобы сократить дальнейшее описание Екатеринодара — через что он ничего не потеряет, — довольно сказать, что этот город имеет вид большого села, главная особенность которого состоит в том, что оно служит вывеской всех остальных сел в крае. Кто видел Екатеринодар, тому не для чего смотреть Черноморье.

Войсковой город Екатеринодар не подходит под общее учреждение городов в губерниях. Люди торговые, промышленные и ремесленные, люди собственно городских сословий, могут иметь в нем временное пребывание, могут быть только гостями, но прав оседлости и гражданства в нем не получают. Оседлое же его население состоит исключительно из одних казаков, общество которых и составляет курень Екатеринодарский, несколько не отличающийся в своем учреждении и быте от других куреней. Именуется этот курень городом потому, что в нем находятся власти, присутственные места и заведения, приличные городам, и потому, что имеет он герб, которого символы знаменуют сторожевое поселение у ворот государства. Жителей в Екатеринодаре до 8000 душ обоего пола. В том числе: генералов 2, штаб- и обер-офицеров до 150, урядников более 300 и казаков 3500. Лиц духовного звания 25. Временные гости и посетители города суть: русские люди податных состояний, армяне, жидаы и черкесы.

В Екатеринодаре имеет пребывание войсковой наказ-

ной атаман с главным войсковым управлением, военным и гражданским. Из общественных зданий города могут быть упомянуты 4 церкви православные, а 1 армянская. Из них одна только православная церковь, устроенная в здании войсковой богадельни, каменная, все остальные деревянные. Возведенная в городской крепости в первые годы нынешнего столетия войсковая соборная церковь есть редкое по сложному и громадному своему составу деревянное здание, покоящееся на деревянных же столбах. Один архитектор назвал оное дерзостью архитектуры. В этой церкви три алтаря. Иконостасы алтарей величественны. Это не постройка мастера, а создание художника. Колонны, карнизы, резьба, живопись — все изящно. В левом приделе, с краю от дверей, стоит большая икона, представляющая сон Иакова. Не насмотришься на это высокое произведение неизвестной, но недоужинной кисти. Лик спящего патриарха — страница из книги Бытия. В лицах и воздушной постановке крылатых небожителей, сходящих и восходящих по лестнице между небом и землей, отсвечивает тайное помышление: к чему нам эти ступени?..

Проспектом на соборную церковь проходит через весь город главная улица, называемая Красной. Никогда эпитет не был помещен так неудачно. На этой улице и еще на двух торговых площадях находится 160 лавок, из коих до 50 каменных, остальные деревянные. Вне города, на ярмарочной площади, устроено 248 лавок деревянных, принадлежащих войску и клонящихся к падению. Торговля имеет большое содержание и малое содержимое.

Войсковая гимназия и первоначальное училище, духовное уездное училище, войсковой госпиталь, два провиантских магазина, войсковой и казенный, два пороховых парка и два арсенала, войсковая богадельня — единственное в городе двухэтажное здание, войсковой острог, огороженный высоким дубовым тыном, как в старину огораживались наши города, и имеющий вид зверинца, карантинная застава, меновой двор для торговых сношений с горцами, паромная переправа через Кубань, два или три завода кирпичных, один пивоваренный и один салотопенный, остатки дубового палисада со стороны горцев и множество ветряных мельниц со стороны мирного населения, обозоруженная крепость, ровесница городу, и, наконец, рывины и холмы старинного городища, над которым в качестве позднейшей иеремиады поместилась кордонная казацкая вышка, — вот все примечательности Екатерино-

дара, устройство которого как нельзя больше выражает старинное казацкое правило: "На границе не строй светлицы".

Однако ж как богатство и бедность составляет понятия относительные, не подчиненные одному всеобщему мерилу, то и Бжедугскяль, в свою очередь, пользуясь славою великолепнейшего города в мире, пользуется он этой славой между обитателями бедных закубанских аулов, в глазах которых стекло в окне есть величайшая роскошь и по сокращенной географии которых Русское государство не простирается от Кубани далее Дона.

Изменяется обстановка, изменится и войсковой город к лучшему. На этом пути начнет он с того, что перейдет на лучшее место, где не была бы затруднена не только органическая, но и промышленно-торговая жизнь. Таким местом могла бы быть *Тамань*, древняя Фанагория, Таматарха, Тмутаракань, — в эпоху завоевания края нашим оружием, — турецкая крепость Хункала, — ныне одна из небогатых и немногочисленных станиц Черноморского войска. Она лежит под 45° сев. шир. и 36° вост. долг., при восточной бухте Керченского пролива, на сообщении Подкавказья с Крымом. В 1848 году учреждено пароходное сообщение между Таманью и Керчью. В Тамани одна пристань для мелких судов, одна церковь каменная, 10 лавок и 150 домов, большей частью земляных и сложенных из обломков старинных каменных зданий, отрываемых из-под земли. Эти приземистые домики покрыты черепицей и землей. Под земляную кровельную насыпь подстилают морскую траву камку, выбрасываемую из пролива на берег. Камка имеет ту особенность, что никогда не гниет под землей. Общественных заведений, кроме убогой гостиницы и первоначального училища, никаких. Жителей до 1500 душ обоего пола. Из них 32 офицера.

Тамань носит название и имеет герб города по одним лишь историческим воспоминаниям, по настоящему же своему учреждению, это курень, как и все остальные. Герб Тамани заключает в себе, сверх эмблем рыболовства и соляного промысла, великокняжескую шапку, в память существовавшего здесь в одиннадцатом веке русского удельного княжества. По положению своему на соединении двух морей, Тамань может *встать из своего векового праха* и сделаться для Черноморья тем же, что наша северная столица для всего государства. Здесь войско "прорубило бы окно" для Феодосийской железной дороги и цивилизации внутренних провинций. Но для этого, да и

вообще для приведения в надлежащий вид главного сухопутного сообщения Кавказа с Крымом, необходимо прежде всего подумать об устройстве прочной шоссейной дороги через болото, отделяющее Таманский остров от степного Черноморья.

Тамань лежит на песчаной равнине, у подошвы потухшего вулкана. Прежние обитатели этой местности умели заставить песок лежать смирно, не смел он шевелиться под виноградной лозой, курагой и другими садовыми насаждениями. При казаках же выходит, что в Екатеринодаре за грязью, а в Тамани за песком пройти трудно. Особенного сожаления заслуживают разорение и запустение водопроводов, обильно снабжавших Тамань пресной водой в прежнее время. Вода двух уцелевших фонтанов чрезвычайно приятна и здорова. Посередине города лежит обширный резервуар. Когда-то был он выложен камнем и наполнялся водой из окружавших его водометов, теперь он разорен и запущен, и если набирается иногда водой, так от одних лишь дождей или тающих снегов.

Смежно с Таманью лежит крепость Фанагория, построенная Суворовым в 1792 году. Она составляла последнее звено в цепи крепостей, возведенных на Кубани при основании здесь нашей линии, и в настоящее время уразднена, как и остальные ее сверстницы.

От города отжившего перейдем к городу, начинающему жить, к портовому городу *Ейску*. Этот, как обыкновенно пишут теперь, юный город лежит у Ейской косы Азовского моря. Ейская коса, ближайшая к устьям Дона, вдается в море на семь верст и имеет вид искусственного мола, которого раздвоенная оконечность образует гавань, удобную для стоянки и нагрузки больших судов. Ейск учрежден 6 марта 1848 года с целью доставить ближайший сбыт за границу произведениям Черноморья, Ставропольской губернии и земли кавказских казаков. Он населяется людьми свободных податных состояний без причисления их к казачьему сословию и с дарованием новосельцам льгот от податей и повинностей на пятнадцать лет. Из войскового сословия предоставлено селиться в нем только чиновным лицам да казакам торгового общества. Устройство города идет быстро и правильно. Самые скромные домики возводятся из приличных материалов и с соблюдением всех условий городской архитектуры. До настоящего времени (1857 г.) возведено уже: фасадных домов 700, надворных жилых строений до 800 и лавок до 150, открыто магазинов 60, устроено заводов: кирпичных 20, черепичных 2, кожевенных 6 и маслобойных 3.

В числе двадцати тысяч городских жителей (как показано выше) состоит купеческих капиталов: первой гильдии 144, второй гильдии 37 и третьей — 225.

Судов из-за границы бывает в приходе до 120 и в отходе около того же числа. Привоз заграничных товаров произрастает на сумму до 51500 руб., отпуск за границу произведений Подкавказья — до 330000 руб. сер. Привозятся: маслины, орехи, олифа, рожки, перец, сыр. Отпускаются: пшеница, льняное семя, свекла, шерсть, кожи.

Между городом Ейском и куренем Долгим, на берегу Азовского моря, в урочище "Широкая падина", поселена в 1852 году немецкая колония Михельсталь. В ней домов 32 и жителей 220 душ обою пола. Жители эти переведены сюда из Острогожского уезда Воронежской губернии с целью служить казакам образцом добропорядочного хозяйства.

Из казачьих поселков, лежащих у берегов Азовского моря и обязанных своим происхождением рыболовному промыслу, заслуживает внимания Ачуевская усадьба, находящаяся при болотистом устье Протоки. Здесь самый богатый рыболовный завод, истари принадлежащий войсковой казне и приносящий ей 30 тысяч рублей серебром годового дохода. Он помещается на остатках турецкой крепости, которая когда-то замыкала вход в кубанские воды из Азовского моря. В этом месте, наиболее посещаемом судами рыбопромышленников, войско соорудило каменную церковь и на своем иждивении содержит ее причет.

По всему Азовскому поморью и по берегам Ахданиза, Кизилташа, Бугаза и Таманского залива лежат в холмах и рывтинах остатки крепостей, пристаней и селитеб татарских, геноуэзских, греческих — широкая нива для археолога. По Каракубанскому острову и вниз оттуда по протяжению правого берега Кубани до самого Бугаза тянется цепь опустелых, поросших травой городков, в которых жили некрасовские казаки, служившие султану за иудины серебряники. С приходом сюда черноморцев, против которых дрались они как неприятели, некрасовцы перебравшись за Кубань, к Анапе, а когда Пустошкин в 1807 году взял и Анапу, они ушли за море в Турцию. Распространяющееся могущество отечества гналось за отступниками грозным преследователем. Настигаемые им всюду, они могли восклицать: куда уйду от духа твоего и от лица твоего куда убегу?.. Понесусь ли на крыльях зари, переселюсь ли на край моря — и там рука твоя поведет меня...

Поселения живые, нынешние курени, большей частью

многолюдны, выражаясь точнее, — многодворны, и только. Говорить о каждом из них значило бы повторять непривлекательное и тем не менее с подлинным верное изображение главного войскового города. Из шестидесяти трех куреней только два инородческих непохожи на все остальные. Это Гривинский — Черкесский, при устье ерика Энгелика, и Адынский — Татарский, близ Ясенских соляных озер. Первый населен в 1798 году шапсугами, выведенными из-за Кубани уорком (дворянином) Али-Шеретлуком. Этот Али-Шеретлук, с немногими приверженными к нему подвластными, искал у казаков убежища от озлобленной против него демократической партии, которая в то время, по милости турецкого шариата, усилилась в шапсугском обществе до того, что ниспровергла древнее его феодальное устройство. Адынский курень населен в 1801 году крымскими татарами, жившими хуторами около Анапы, откуда грабежи и насилия горцев принудили их перебраться к черноморцам. В числе позднейших выходцев из-за Кубани приселились к Гривинскому куреню несколько десятков семей очеркесившихся армян и греков, предки которых завлечены были торговлей из Турции в ущелья Кавказа.

Местом первоначального поселения куреня Адынского был северный берег Таманского залива, но недостаток земли и другие причины заставили войсковое начальство перевести его отсюда на теперешнее место в 1850 году. В то же время несколько десятков черкесских семейств с потомками уорка Али-Шеретлука отделились от Гривинского куреня и перешли в низовье Керпилей, к куреню Новоджерелиевскому, где составили особый поселок. Разом с ними армянские и греческие семейства отселились к куреням Брюховецкому и Переясловскому.

Оба инородческих куреня имеют общее со всеми прочими учреждение и управление, но в отбывании службы пользуются особыми льготами. Об отличительных свойствах их обитателей можно сказать, что черкесы самый беспокойный народ в собственном общежитии и в соседстве с казаками, а татары самые лучшие работники на соляных озерах.

Относительно всей совокупности куреней можно высказать два общих замечания: в куренях, прилегающих к рыбопромышленным водам, больше жизни, благоустройства и довольства, больше добрых нравов, — и самые казаки, взятые в смысле военных людей, бодрее, развязнее и смысленнее; напротив, в куренях степных, где преоблада-

ет пастушеский быт, меньше предметов, на которых глазам отрадно было бы остановиться, казаки менее развиты и более склонны к конокрадству и волократству, более подвержены этой нравственной болезни беднейшего класса войскового народонаселения. Те, наконец, из степных куреней, на полях которых меньше хуторов, имеют лучший вид и лучшую нравственность перед теми, которые сжаты хуторами. Все вообще курени населены простыми и малодостаточными казаками. На пятьдесят домохозяев едва приходится один, который имел бы свой плуг, то есть мог бы пахать землю собственными средствами, не делая складчины с другими домохозяевами, не *спрягаясь*. Чиновные и сколько-нибудь состоятельные жители рассеяны в одиночку по хуторам. Эти тучные отростки от тощего дерева разносят соки и глушат корни жизни общественной. Может быть, при степном скотоводстве хутор, поселенный у места, столько же необходим, как кочевая кибитка, но нельзя не заметить, что казацкое общество тяготеет больше к своей окружности, чем к средоточию, что раздробление, особничество или, как сами казаки говорят, "показанщина" (от слова казан, котел) составляют отличительную черту характера черноморцев. Им все как-то тесно, и в самом куренном поселении они отодвигаются, сколько можно дальше, один от другого. Они не сливаются в обществе, как камни в здании. У них каждая отдельная личность обчеркнута резко, угловато — не скоро подберешь и приставишь одну к другой, — и если у кого, так это у них *крайности соприкасаются*. Умственные способности и нравственные свойства не поделены в народе с приблизительно уравнительностью, — что в обществе человеческого так же благотворно, как ровная температура в воздухе, и чем Бог одарил великорусский народ, не поделены, а брошены в толпу полными пригоршнями, назахват и наудачу. Сюда попало слишком много, туда слишком мало. Овому талант, овому пять талант. Можно сказать, что природа, засеяв поле умственно-нравственной жизни двух единокровных народов — великорусского и малорусского, в первом народе свой посев заборонила и поровняла, а в последнем оставила так. Нет народа в великом племени славянском более способного и готового, как народ малорусский, открыть в самом себе смешные и слабые стороны и осмеять их с беспощадным сарказмом. Все живущие в устах великорусского народа насмешки над простодушным хохлом, над упругостью их практического смысла, над неповоротливостью их соображения и эксцентричны-

ми странностями характера суть не что иное, как бледные переводы с малороссийского. Что и показывает в одном и том же народе и силу, и немощь разума, избыток и нищету духа на таких близких между собой расстояниях, что столкновения и разногласия между этими противоречиями неизбежны. Непечатаных Гоголей между черноморцами много. Москаль себе на уме — подсмеивается над хохлом, над немцем и татаринном, а над собой нет. Черноморец, когда он создан с головой светлой и сердцем возвышенным, осмеет недостатки и слабости в отце родном, разругает низкое свойство и гадкий поступок в родном брате. Умственно-нравственные симпатии в его природе берут верх над симпатиями плоти и крови, соседства и товарищества. Нельзя ручаться, чтоб он прикрыл упившегося Ноя.

К особничеству присоединяется наследованное казаками от отдаленнейших их предков расположение к "байдикам" и "баглаям". Эти славянские или куфические слова, по глубокой своей древности, сделались ныне непереводаемыми, а смысл имеют точно тот же, что итальянское *dolce fare niente* и турецкий кейф¹.

От соединения показанщины с баглаями рождается бедность, а от бедности происходит забвение различия между мое и твоё. Впрочем, этот беспорядок обнаруживается только на степных табунах и стадах. Плохо лежит, брюхо болит². Но кражи со взломом редки. От времени до времени, на больших промежутках, вспыхнет застрявшая где-нибудь в глуши искра бывшего запорожского гайдамацтва и составится шайка разбойников. Укрываясь в камышах и захоlustьях степных балок, они нападают на беспечные хутора, пекут растопленной серой денежных людей, чтоб исторгнуть у них заветную кубышку с карбованцами, преследуются вооруженной силой и гибнут на виселицах.

За особничеством следует или ему предшествует дроб-

¹ По народной поговорке баглаи бывают трех родов: школярские — поутру, бурлацкие — среди дня и панские — ввечеру.

² Из ведомостей, по особенному случаю доставленных войсковому атаману от всех станичных правлений за 1847 год, видно, что в течение того года число покраж, о которых поданы были письменные объявления, было следующее: лошадей 681, рабочих волов 541, коров и быков 1111, разного гулевого скота 410 голов. Но по этим цифрам нельзя еще определить настоящую степень скотокрадства, потому что далеко не обо всех случаях кражи подаются письменные объявления, которые обыкновенно не приносят никакой пользы.

ление семейств и дележ хозяйств. В черноморской казацкой хате, не то что в великороссийской крестьянской избе, вы не найдете трех и четырех поколений на одних полах. Здесь семьи вообще малолюдны, их не связывают в большие снопы ни рекрутская сказка, ни подушный оклад. Два-три сына старого казака, вступая в тот возраст, когда войско зовет их на службу Государеву, когда особенно должны бы они подать друг другу руку, чтобы отсутствие из дома одного вознаграждалось присутствием при домохозяйстве другого, разрываются, роятся из отцовской хаты, следуя пословице: "Не кайся рано вставши, а молод оженившись", — и каждый городит себе особый двор. Потом, покидая свою молодницу одинокой и беспомощной и напевая себе вполголоса:

Котилися вози з гори,
Поламались спиці,
Да вже ж міні не ходити
На ті вечерниці,—

самобытный казак выезжает на службу, а в новой его хате, прежде чем паук успел раскинуть свой ткацкий прибор, поселяются бедность и нужда. Эти непрошенные жильцы встречают доброго молодца, когда он лихо, с пистолетным выстрелом, возвращается со служебной очереди, и они же — *male suada fames* — в ночной темноте направляют его аркан на статного коня в панском табуне. Поучительно-печальная истина басни о молодом деревце, домогавшемся отдела от старого леса, является здесь в бесчисленных примерах. Справедливость требует, однако, сказать, что если обитатель Черноморья не любит сносить тяготы своего ближнего, то с удивительным терпением несет свое собственное бремя; товарищу, протянувшему к нему руку, отдает последний грош, не подумавши, за односума, оплошавшего в бою, умирает не колеблясь и сокрытою от взоров людских горячей слезой кропит давно заросшую могилу брата, друга, благодетеля.

Непонятная натура. Что есть в ней лучшего, то скрыто, а пустяки и глупости снаружи.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Земельный уряд. Хозяйство. Промыслы

Перестань меня кормить, иди меня защищать.

Еще в недавние времена казак вне военной службы был табунщиком, охотником и рыболовом. Эти промыслы, пропитывая и снаряжая воинственного сына степей, вместе с тем служили ему приуготовительными упражнениями для его казацкого военного призвания. Около табунов, незнакомых со стойлом, он делался наездником, около стада, угрожаемых зверем, — стрелком, бойцом. Он свыкался с невзгодами пастушеского и охотнического кочевания для перенесения трудностей и лишений бивака. В поисках, без дорог, за похищенными или затерявшимися животными он изоощрял память мест и способность ориентироваться в ясный день и в темную ночь, в дождь и в туман, — а от степного одиночества приобретал он терпение и чуткость, которые так нужны были ему для военных засад, для отводных одиночных караулов, разъездов, поисков. В рыбацьем дощанике знакомился он с бурной стихией, чтоб на другом поприще смело и ловко владеть веслом канонирской лодки. Таков был, таков и теперь еще отчасти домашний быт казака на Черноморье. Но это быт устарелый, опадающий лист с дерева, — его вытесняет новый земледельческий быт.

Как семейный и земский поселянин, приуроченный к своему водворению и повинностью, стучащей на заре к нему в окно, и колыбелью, зыблющейся подле прятки его молодицы, нынешний казак сдружился с плугом и в нем ищет твердой опоры своему существованию. По изречению одного из семи мудрецов, он молится Богу о хлебе насущном, держась за плуг.

Впрочем, хлебопашество Черноморского края составляет для народа предмет насущного только труда, а не богатства и даже не довольства. Оно чуждо всякого полеводного порядка и не всегда достаточно для пропитания местного народонаселения. Привоз хлеба из Ставропольской губернии обратился в существенную потребность екатеринодарских рынков и станичных ярмарок. Для продовольствия казаков на линии и в войсковом гарнизоне хлеб закупается за пределами войсковой земли, чаще всего в Воронеже.

Обыкновенным количеством засеваются на полях Черноморья озимых и яровых хлебов 50 тысяч четвертей; собирается 300 тысяч четвертей (сам-шест). Причитается на душу около двух четвертей.

Сбор картофеля от посадки в одну весну простирается до 15 тысяч четвертей. Разведение его сообщается от казаков и к мирным черкесам.

Значительная часть земледельческого труда посвящается огородам и бакшам, где и подсолнечнику дано право гражданства. По части огородничества больше видно внимания к свекле, чем к капусте. Табак, кунжут, сурепа, мак, лен и конопля могли бы возделываться с особенной выгодой, если бы для них оставались руки от земледельческого труда первой необходимости.

В обеспечение народного продовольствия, на случай неурожая хлебов, устроено по куреням до шестидесяти запасных хлебных магазинов, в которых нормальная засыпка должна состоять не менее как из 160 тысяч четвертей, но по ограниченности посевов и сборов наличный состав ее редко доходит и до 50 тысяч четвертей.

Независимо от особенностей почвы и климата успехам земледелия не вполне покровительствует тревожный быт жителей, которые обязаны не только в урочное для службы, но и во всякое другое время соблюдать боевую готовность для происходящей у них на пороге войны с горцами. Разрядив ружье и снарядив плуг, льготный казак не успеет иногда дотянуть починной борозды, как безочередной наряд отрывает его от мирного труда и переносит с поля пахотного на поле ратное. От этого происходит, что летние полевые работы в крае чаще отправляются женщинами, чем мужчинами. Если в Риме был воздвигнут храм женскому счастью, то на Черноморье, бесспорно, заслуживало бы этой почести женское трудолюбие.

К высказанному более или менее случайному и преходящему неудобству присоединяется неудобство существенное, не только присоединяется развитие и усовершенствование земледелия, со всеми его отраслями, но вообще противодействующее утверждению общности и благосостояния в крае на прочных основаниях. Это, чтоб не сказать более, неудобство заключается в отсутствии уравнительного и положительного распределения земли.

Земля, населяемая казаками, есть земля войсковая, или подвижная, *terre mouvante*. Все казаки ей крепки, но она никому из них не крепка. На ней невозможно никакое частное потомственное владение, на ней допускается толь-

ко пожизненное пользование. Это один из трех видов жалования, производимого государством казакам за службу. Остальные два вида заключаются в денежной даче и льготе. Условия, размеры и порядок пользования войсковою землей до позднейшего времени не были определены законом, и самая земля не была приведена в точную известность межевым порядком, — земля же бе невидима. Предоставлено было каждому члену войсковой семьи, как чиновному, так и простому, пользоваться землей по мере надобности. Такое патриархальное правило могло быть хорошо только в прежней отчизне черноморцев — на Запорожье, где все без изъятия казаки были равны по правам состояния, где военные чины имели значение должностей, в которые достойнейшие из казаков избирались свободными голосами куреней, на потребное время, и по сложении которых чиновные избранники опять становились в общий ряд с остальными членами своего сословия. Это были Цинцинаты, которые вчера ехали в триумфальной колеснице, а сегодня тянули из воды рыболовную сеть. Но на Черноморье, где уже служба казачья соединилась с заслугой и выслугой, где поэтому явились бригадиры, полковники, премьер-майоры и секунд-майоры и где от войскового "товарищества" резко отделилось новое, более требовательное сословие, "панство", патриархальное поземельное правило, очевидно, не могло больше иметь места. Однако оно осталось во всей своей запорожской простоте и неопределенности. В первые десять-двадцать лет новой жизни войска на Кубани, пока еще земли было слишком много, а оседлого и зажиточного населения слишком мало, отсталая неуместность упомянутого правила не была замечается ни правительством, ни самими казаками. Но когда оседлая жизнь в краю утвердилась, население увеличилось и разжилось, тогда заметно стало, какой разгул произволу и насилию открывала пустота, оставленная в вышесказанном поземельном правиле. Тогда патриархальное "по мере надобности" обратилось в феодальное "по мере возможности".

Как между пользующимися и предметом пользования не было поставлено никакой посредствующей управы, то облеченные властью и чинами члены войсковой семьи сколько хотели и могли, настолько и расширяли размеры своего земельного пользования, не заботясь о том, что остается на долю их нечиновных собратьев, и не принимая в руководство другого правила, кроме правила тройного прямого, выражающего известную истину, что по брюху

и хлеб, что большому кораблю большое и плавание. Такое направление родилось из самых приемов первоначально-го заселения земли. В то время, чтоб придать пользованию характер владения, чиновные члены войскового общества обособились от своих нечиновных сочленов и водворились хуторами в одиночку по глухим степным займам. Материальными удобствам существования пожертвованы были обязанности и нравственные выгоды общезжития. Расположились жить на вольной земле так, как бы пред словом жить не стоял слог: слу. Такой образ основного расселения войскового общества должен был иметь потом свое особенное влияние и на воспитание народа, и на дух войска, и на цивилизацию страны.

Призвав казаков на новое поселение, правительство дало землю вообще *войску*, сказать яснее — обществу, отнюдь не допуская каких-либо исключений или привилегий в пользу отдельных классов, рангов и лиц. Никаких даже намеков на это не встречается в старых актах о войсковой земле. По естественному порядку вещей, отличные рангами лица могли и должны были иметь свои преимущества в земельном пользовании, не покидая народа одного с ними призвания и не уклоняясь за круг общинного пользования, как это и указано в позднейшее время и как это истари велось в Кавказском войске. Трудно дойти, по каким феодальным преданиям при первоначальном заселении черноморцами войсковой земли общинное пользование ею и самое даже призвание составлять общество оставлены были одним только простым казакам, чиновные же старшины, *яко вожди и наставники народа*¹, наложили руку на лучшие земельные дачи и сказали: наше!

А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

Они жаловали землю друг другу письменными актами, в которых явилось во всей ясности буквы "вечно-потомственное владение". После того название войсковой осталось при земле как почетное титуло. Жалованные акты не предъявлялись правительству и потому не могли иметь той

¹ Видеть ниже эпилог.

Утешительно сказать, что такие распоряжения при нынешних мерах благоустройства края можно уже считать делами давно минувших дней, преданьем старины глубокой.

прочности, какую воображали видеть в них и жалователи, и жалуемые. Главное дело в том, что связанные с ними отдельные земельные жалованья, под названием хуторов, не сопровождалось никакими межевыми действиями и освещениями и никакими даже полицейскими ограничениями. Единственным ограничением служили им пределы влияния и авторитета того или другого высокочинового старшины. А потому, когда высокочиновный и далеко раздвигавший границы своего земельного довольствия старшина сходил в могилу и сам превращался в глыбу войсковой земли, тогда широкие границы его довольствия, потесненные новым, поднявшимся на верх лестницы войсковой иерархии чиновным старшиной, суживались с быстротой утренней тени, — и оставленное первым движимое имение в рогах, гривах, рунах и скирдах превращалось в прах, как червонцы фортуны, прорвавшие ветхую суму нищего. Исполнялся со всей строгостью известный приговор, равно общий царствам, обществам и отдельным лицам.

Так возникли первые хутора, известные под именем "панских".

В течение времени сами куренные общества, другими словами — нечиновые члены войсковой семьи, увлекшись примером произвола войсковых патрициев, объявили за собой право жаловать хуторами своих собратьев, плебеев. Кому было тесно в курене, кому было нужно отодвинуться от его полиции и повинностей, тот ставил угощение куренному обществу и под единственным влиянием угощения получал от этого общества письменное, запечатленное бесчисленными рукоприкладствами дозволение выселиться из слободы в поле, "сесть хутором". Народное мы потешалось тем, что из нечиновой массы выдвигались вперед люди, способные сидеть хуторами не хуже себялюбивого панского эгоизма. Но как печально было разочарование недальновидной толпы, когда созданный ею особняк-хуторянин, дослужившись чином, делался паном и обыкновенно становился самым неумеренным притеснителем прежних своих сотоварищей в земельном пользовании, или когда хуторок простого бедного человека посредством продажи, дара и наследования переходил во владение "заможного" пана, и когда этот новый заможный владелец на отведенный для нескольких десятков животных лоскут земли переводил огромную худобу (четвероногое хозяйство), в игольное ухо вводил верблюда. Тут уж просто повторялась уловка Дидоны, которая, по

словам исторического предания, выпросила себе под усадьбу земли столько, сколько могла занять одна воловья кожа, потом изрезала кожу на тонкие ремни и, приставляя их один к другому, захватила обширную площадь.

В нынешнее время различие между хуторами панскими и куренными исчезло. И те, и другие, раздвигая свои земельные дачи произвольно, почти в самые улицы куреней, расширенных увеличившимся народонаселением, равно сделались несносны куренным обществам. Завязалась неугомонная, недостойная благоустроенного края борьба между куренями и хуторами. Чтоб остановить и сократить земельные захваты хуторов, курени выдвигают против них свои плуги, подходят под них траншеями, ископанными ралом; а хутора в виде усиленных вылазок напускают на куренные пашни свои стада и табуны. Борьба, как видите, земледельческого быта с пастушеским. Неурядам, жалобам и искам, самым нелепым, нет числа. Казаки "оборали" пана, а пан порубил казачьи плуги и вытоптал посев казачий. Урядник посеял жито, а сотник по его житу взял да посеял пшеницу, и тому подобное. Бог знает, как бы далеко зашла эта поземельная усобица, если бы не подоспело войсковое положение 1842 года. Напомнив казакам общинное значение войсковой земли, оно взялось сделать то, чего дотоле не доставало и в чем была ощущаема в среднем и низшем слое войскового населения настоятельная потребность — определить условия, размеры и порядок пользования землей, постановить строгую управу между пользовщиками и предметом пользования. Немногих особняков, приверженцев бездоказательного дела хуторов, оно смутило; народ и большинство войскового дворянства его благословили и нетерпеливо ждут дня, когда будут введены в обетованную землю, когда новый земельный порядок из книги перейдет в дело.

Войсковым положением указано учинить межевое измерение и распределение войсковой земли и отвести в пожизненное пользование: на каждого казака по 30¹, обер-

¹ По нынешнему числу жителей приходится только по 16 десятин на душу мужского пола. Недостачу земли легко пополнить водой, которой здесь так много. То есть можно наделить рыболовными водами станицы Таманского острова и другие приморские. Дав простор станицам степным, эта мера оживила бы население и промышленным трудом речные устья и морские берега, которые при тридцатидесятичном наделе землей по необходимости должны оставаться пустыней. Эта же мера воспитывала бы способных людей для службы на флотилии, в которой была и может еще быть надобность.

офицера по 200, штаб-офицера по 400 и генерала по 1500 десятин. Приведение сей Высочайшей воли в исполнение составляет одно из текущих распоряжений настоящего времени. Туман неизвестности, со времен Чингисхана носившийся над курганами и балками войсковой степи, редеет перед планшетом съемщика, веха землемера маячит объявлением: *pes plus ultra*, а цепь его звучит радостной вестью: на земле мир...

При вышеизъясненном положении обитаемой и обрабатываемой земли на Черноморье земледелие занимает второстепенное место в ряду предметов народного хозяйства, на первом же плане находится худобоводство, то есть скотоводство, овцеводство и коневодство. Худобоводство принадлежит преимущественно панскому сословию.

Равнинные пространства Черноморья расстилаются одним необъятным пастбищем, где по всем направлениям движутся худобы рогатого скота, овец и лошадей, род которых переведен на Кубань с Днепра, из богатых зимовников Запорожья — последнего, уже не любившего рыцарской нищеты, Запорожья. Рогатый скот отличается крупным ростом и дородством, шерсть имеет сивую и принадлежит к известной породе украинской, или черкасской, овцы молдавской породы замечательны своей длинной, но жестковатой шерстью, лошади составляют поколение, конечно, уже переродившееся степных запорожских заводов. Масти их преимущественно темные.

Для улучшения степного коневодства был учрежден на реке Керпиях в 1811 году войсковой конный завод. Существовал он более двадцати лет, но без заметной пользы для края, и перевелся сам собой. В бедственный 1833 год все состоявшие в нем матки, сосуны и производители погибли от неурожая кормов — так, по крайней мере, гласят официальные отчеты того времени.

При двух или трех частных отарах простых овец имеются в небольших количествах тонкорунные цигаи. Это обломки существовавшего здесь войскового овчарного тонкошерстного завода. В 1816 году был учрежден, тоже на реке Керпиях, сказанный завод и при нем фабрика для выделки сукон, годных казакам на обмундировку. И завод, и фабрика шли не так-то хорошо: войсковая казна тратилась, не покрывая расхода приходом, и потому оба заведения проданы в 1846 году на слом.

По последним сведениям, насчитывается в пределах Черноморья, независимо от езжалых или рабочих животных, рогатого скота до 200 тысяч, овец простых до 500

тысяч и тонкошерстных около 2 тысяч, лошадей до 50 тысяч поголовья¹.

Для прокормления этих масс животных заготавливается на каждую зиму сена средним числом 85000 стогов, или 21250000 пудов на сумму до 700000 рублей². (Как здесь, так и во всех дальнейших случаях счет денег — на серебро.)

Для обозначения принадлежности мелкие животные имеют клейма на ушах и рогах, а крупные тавра (тамга) на ляжках. Тавро обыкновенно состоит из начальных букв имени и прозвания худобовладельца, но попадают и особенные иероглифы. Буквы берутся из русского алфавита, который поэтому осужден бродить в беспорядке и врассыпную по всей степи. Иногда из сближения разнотаврных животных выходят забавные каламбуры. Из тавр составляется своего рода геральдика, изучение которой обязательно для пастухов и табунщиков больших худоб.

Каждый год закупается в Черноморье наибольшим количеством рогатого скота 30 тысяч, овец 150 тысяч и лошадей 5 тысяч голов на сумму от 800 тысяч до миллиона рублей. Шерсти, кож и сала вывозится на 100 тысяч рублей. За пару волов платится на месте 30—125, за корову 10—20, за овцу 2—3 $\frac{1}{2}$ и за лошадь 20—80 рублей. За пуд

кож бычьих 5, за пуд шерсти простой 2 и за пуд сала 3 руб.

Рогатый скот и овцы выгоняются из Черноморья в Воронежскую губернию, откуда большая их часть живьем или в продуктах идет в обе столицы. Лошадей гоняют на ярмарки в Ростов и Бахмут, откуда лучшие из вторых или третьих рук достигают Бердичевской ярмарки. За удовлетворением домашних требований в дивизион лейб-гвардии, в конные полки и войсковую артиллерию, черноморские табуны снабжают лошадьми артиллерию, конно-подвижные парки и полковые обозы кавказской армии. Эти же лошадьми ремонтируется отчасти и нижегородский драгунский полк. За подъемную лошадь платят до 40, за ремонтную до 80 руб., редко дороже. Черноморская лошадь имеет шею плотную и короткую, голову большую — что отнимает у нее статность, легкость и способность собираться на мундштуке. Зато она крепко сложена, сильна, тверда на ногах, крайне переносчива, неразборчива в корме, чутка и памятлива, при всем этом, однако ж, дика и

¹ Домашних свиней насчитывается в крае до 60 тысяч голов.

² Добывается в год соломы до 2 миллионов пудов. Заготавливается для топлива бурьяна 50 тысяч и камыша 80 тысяч кубических саженьей.

своенравна и больше имеет нужды в узде, чем в шпоре. На это у казаков ведется поговорка: "Киньску голову знайди и ту зануздай". В горах Грузии долго сохраняет она память о своих родных равнинах и по ним тоскует, вообще же не скоро свыкается и скоро раззнакомливается с седлом и упряжью, но, когда не выходит из-под седла и из упряжи, трудно найти коня, более способного к походам продолжительным, сопряженным с недостатками и лишениями. Наконец, лошадь черноморская, как и все вообще лошади глубоких степей, недоверчива и пуглива. Последний недостаток вселяют в нее с самого раннего возраста ночные нападения волков на табуны¹. Впрочем, у казаков это еще не большой недостаток, потому что он граничит с качеством, в высшей степени похвальным: эта же самая полохливость, подавляя в коне беспечность и сонливость, поддерживает в нем чуткость и осторожность — а что казаку больше нужно, как не это?

Донская лошадь отличается от черноморской тем, что она выше на ногах и легче и что шея у нее длиннее и гибче. Черкесская же лошадь превосходит и ту и другую легкостью, соединенной с силой, умеренностью в корме и пойле, добронравием и смелостью. Впрочем, два последние качества в черкесской лошади не столько врожденные, сколько приобретенные. Под оплошным седоком и эта лошадь пуглива. Черкес в седле не спустит рукавов и не оставит нагайки без дела ни на одну минуту. Черкес в седле безжалостный тиран коня, но как скоро вынул ногу из стремени, он делается рабом и нянькой своего усталого скакуна. После арабов, никто не школит лошадей так жестоко и вместе не ухаживает за ними с такой заботливостью и нежностью, как черкесы².

¹ Раны, нанесенные волками жеребятam, лечат промываниями из майской дождевой воды, которой для этого и запасаются в мае на все лето.

² Кавалеристам любопытно будет знать две вещи: первое, что черкесы считают большим вредом для лошади постоянно содержать ее в хорошем теле. Лошадь, как луна, — говорят они, — должна то и дело переходить от полноты к ущербу и обратно. Второе, что скребница и щетка никогда не должны касаться лошади. Вместо этих грубых орудий черкес употребляет собственную пятерню и как летом, так и зимой моет коня на реке водой с мылом, после чего держит его в реке так, чтобы вода доставала до брюха и холодным своим прикосновением заставляла коня вбирать живот внутрь, как можно глубже. Конюшня у черкеса всегда темная, темнейшая.

Ничего похожего на это нельзя сказать про уход за худобами на Черноморье. Их не укрывают от ненастья, им не оказывают никаких пособий, когда губит их зараза. Круглый год скитаются они на подножном корме и довольствуются сеном только в случае сильных морозов, глубоких снегов и гололедицы. Вследствие скудного питания животные выходят из зимы — кости да кожа (хурда), весной набирают тело, из которого теряют половину среди лета от нужи — комара и мухи — и только осенью достигают полной сытости, которая и служит им запасом самопитания в зиму.

Плохое содержание, водопой из стоячих вод, гнилостные испарения из болот, злокачественные росы, самое даже скопление животных в большие гурты и другие, еще недознанные причины производят в худобах, а больше всего в рогатом скоте, повальные болезни и падежи. Чума, сибирская язва, или карбункул, рак на языке, воспаление легких и кровавая дизентерия опустошают стада рогатых, а оспа, парши и мотлица (*tabes hepatis*) пуще волчьих поборов сокращают отары овец. Замечено, что в местах, где нет речек со стоячей водой и где скот поят из копаней, как, например, по хуторам "Гречаной балки", падежи бывают слабые.

К козам не пристаёт зараза, и самые волки их обходят не из страха, но единственно из желания не заводить шума. Лошади подвержены болезням гораздо меньше, чем другая худоба, но зато гибнут они иногда целыми косяками от внезапных катастроф зимы, каковы метель и гололедица.

Зимние метели в открытых степях ужасны. Они бурлят иногда по нескольку дней сряду. Среди теплого, ясного и тихого дня воздух вдруг начинает холодеть и мутиться. Небо из синего делается серым. Курганы, пригорки, дороги являются не на тех местах, где вы их привыкли видеть. Знакомые предметы кажутся незнакомыми. Былинка вдали представляется деревом, собака конем. Не задумывайтесь в эти минуты, а то как раз заблудитесь. Потом показываются и медленно кружатся в воздухе легкие снеговые пушинки, и воздух как будто колышется. Потом вдруг — фрррр, — самый большой мех Эола лопнул, и снег начинает сыпаться хлопьями. Наконец, небо и земля исчезают, все воздушное между ними пространство наполняется густой снежной пылью, которая забивает человеку зрение и дыхание. Теперь уж не до езды — поверните коня из-за ветра и стойте. И слышно ли вам, как ревут

где-то недалеко стада?.. Буря срывает их со становищ, крутит и мечет на все стороны. Над курганами, оказывающими сопротивление стремительному потоку воздуха, вздымаются смерчи. В эту недобрую годину волки рыщут стаями и беспощадно режут отбившихся от кучи животных. Рогатая скотина и овца стоят крепче против наисков непогоды, они сколько-нибудь свычны с базом, за ними могут следовать пастух и собака. Верный пес идет за стадом и тогда, как уж оно разбито бурей и покинуто пастухом. Но лошадей, гуляющих вольными табунами по широкому раздолью, буря, случается, заносит без вести, иногда сбрасывает с обрывистых берегов в море и в лиманы, где они идут под лед, или гибнут от голода в снежных сугробах, сбившись в кучу и обгрызая одна другой гривы и хвосты.

Другое губительное для худоб явление зимы в степи — гололедица. Ее производит мороз, прервавший шедший дождь, — что так обыкновенно под этим изменчивым небом. От гололедицы особенно терпят лошади. На их долю заготавливаются на зиму самые скудные запасы сена, потому что природа дала коню способность добывать себе сухой подножный корм, "калдан", копытом из-под снега. Но эта способность оказывается недействительной, когда посохшая на корне трава покрывается ледяной корой, не уступающей ударам твердого копыта. Тогда глаз видит, да зуб не имеет, и бедный конь, набив себе без пути ноги и понуриив голову, испытывает мучения Мидаса.

Назависимо от невзгод метеорологических бывают бедственные годы — засуха, повсеместный неурожай трав. Тогда крайность доходит среди зимы до того, что сдирают с хат старые соломенные крыши и обращают их в корм голодающим животным. Бывают и частные случаи, свергающие худобохозяев в отчаянное положение. Осенний пожар, запущенный в степи для очищения старых полей от сорных растений, возьмет иногда направление к сеннику и уничтожит сотни тысяч пудов сена — обеспечение существования нескольких тысяч животных. Так, в недавние годы погиб богатейший в Ейском округе скотный завод Бардака, преемника Цымбала, славившегося рогатой худобой еще в Запорожье. Уже в позднюю осень степной пожар истребил обширные бардаковские сенники. На ту же беду подскочила жестокая и продолжительная зима. Надобно было приобретать сено и солому по неслыханно дорогим ценам, а под конец зимы не было уже возможности достать их ни за какие сокровища. Худоба начала ва-

литься, и конец был тот, что из двух тысяч голов рогатого скота отборной известной на весь округ породы вышло из зимы только двести штук. Несчастье это сразило и самого худобовода: сильный человек запорожского закала и покроя, человек, которому стоило только схватить дикого быка за рога, чтоб смять его, как козленка, запечалился, слег и больше не вставал.

Про неурожайные годы сама природа учредила на Черноморье запасные магазины кормов, большая часть которых замкнута, однако ж, для удоб на все время, пока будет оставаться отворенным храм Януса на границе. Эта плавни, или глубокие болотистые займища, загроможденные всяким растительным хламом, на который нет засухи и неурожая и которым можно не побрезговать в нужде. Плавни Кубани, как театр линейной казацкой войны, театр с самым слабым освещением, неприступны для мирных стад и табунов. Но в другие плавни, отодвинутые от линии и от хищничества горцев, крупные худобы приходят искать спасения от голодного мора. Особенно сбиваются они в низовьях Протоки и около заливов Ахтарского и Бейсужского. И тогда сходятся на одной черте два столь различные промысла — худобоводство и рыболовство. Чем пользуясь, мы перейдем к рыболовству.

В морских и речных угодьях Черноморья ловятся: осетр, как величали его сластолюбцы Древнего Рима, — юпитеров мозг, севрюга, визг, или шип, — помесь осетра и севрюги, белуга, сула, иначе судак, чабак, иначе лещ, тарань, сазан, населяющий лиманские и речные воды и поражаемый слепотою, когда буря или охота странствовать завлекут его в горько-соленые пучины моря; сом, долговечный жилец кубанских суводей, сельдь, редкий гость восточных берегов Азовского моря, селява, или шамая, рыбец, кефаль, которой икра высоко ценится константинопольскими греками; камбула¹, тучный скат (*pasa pastinaca*) и дельфин.

Как около пастбищ хищный зверь, так около рыболовных вод промышляет шумными стаями хищная птица: пеликан (баба-птица), баклан, цапля, нырок и мартышка — *martin pêcheur*. В нравах этих крылатых рыболовов подмечаются черты, достойные внимания естествоиспытателя или, по крайней мере, естествонаблюдателя. Пеликан и баклан соперники по ремеслу, отличаются, к удивлению,

¹ Новогреческое слово, происшедшее от эллинского *кимбали* — древнее музыкальное орудие, на которое камбула похожа видом.

дружбой и взаимной услужливостью. Когда при холодном ветре и пасмурной погоде рыба сбивается в колоды и опускается ко дну, когда тяжелый и важный пеликан безуспешно погружает в мутные волны свой нос, длинный и закругленный, как щипцы кузнеца, тогда проворный и ловкий баклан ныряет на дно, выносит оттуда добычу и поделается ею со своим высокостепенным, но голодным соседом. После завтрака благородный пеликан принимает под свое широкое и теплое крыло и обогревает промокшего до костей водолаза. Увидев из камыша эту странную чету: неподвижного, невозмутимо-важного пеликана в огромном жабо и торчащую из-под его крыла вертящую голову баклана с красными плутовскими глазами, охотник позабудет о выстреле и покатится со смеху. Вот они: меценат и сочинитель похвальных од — в перьях! И не правда ли, что человеку, стоит только заменить своим разумным покровительством уютное крыло тяжелой птицы, чтобы сделать баклана для рыболовства тем же, чем делается на рукавице охотника сокол и ястреб для птицеводства? Если верить путешественникам — да как же, впрочем, им не верить? — в Китае действительно существует подобный род рыболовной охоты.

Во всех рыболовных местах, лежащих в черте морских, приморских и речных вод, находится рыбопромышленных заведений, называемых забрами, более 300. Из них рыбоспетных заводов до 200. По этим заведениям действует: кармаков, или крючьев, 700 тысяч, волокуш 80, неводов 30 (самая большая длина невода тысяча сажень), сетей 500, лодок разной величины и под разными наименованиями, как-то: дубов, баркасов, дощаников и каюков 300 и рыбаков 3000 человек. На приготовление рыбы потребляется до 200 тысяч пудов соли в год¹.

Рыболовный завод составляют: помещение для рабочих, магазин продовольственных и других необходимых для них запасов, амбар для соли, кояги, или солила, устроенные в виде больших закров, рыболовные снасти и приборы, как-то: для открытых вод — невода, волокуши и кармаки, для гирл, устьев и вообще малых и тесных вод — сети, вентери, сандови и разных родов самоловы, сверх того для зимних подледных тоней — топоры, ломы, багры,

¹ Для просола одной тысячи штук сулы требуется соли 20, а тарани 5 пудов. На просол одного пуда красной рыбы идет 10 фунтов соли, т. е. четвертая часть веса рыбы. Крымской соли, как более крепкой, может быть употреблено меньше.

бузулуки — подвязные подковы к сапогам для твердой ходьбы по льду. Производство рыбной ловли посредством показанных снастей общеизвестно. Мы скажем несколько слов о тех только рыболовных способах, которые не везде известны или которых употребление не слишком обширно. Вот, например, способ, составляющий скорее удаливость охотника, чем работу промышленника, и подходящий к тем способам, какими китов ловят.

В безоблачные летние дни при совершенном спокойствии в воздухе и на море, морская рыба, преимущественно белуга, подходит к устьям рек и гирлам лиманов "обмывать жабры пресной водой"¹ и, всплывая на зеркальную поверхность взморья, приходит в неподвижное, сонное состояние. Вооружаясь сандовьями, то есть железными трезубцами, насаженными на шесты, к которым прикреплена длинная бечева, ловкие рыболовы тихо подплывают на лодках к дремлющим рыбам и, сколько есть силы, пускают в них сандовьями. Ощувив удар, рыба стремительно идет в глубину, унося в своем туловище железо сандови, которой привязь между тем свободно попускается с лодки. Через короткое время пораженная рыба лишается сил и без труда притягивается к лодке. Этот род рыболовства требует меткости и силы в ударе (здесь-то казацкая рука наметывалась когда-то на удары пикой) и глубокой тишины в подъезде; не только от малейшего шума, всплеска, но даже от тени, упавшей от лодки на поверхность воды, рыба пробуждается и, вострепнувшись, исчезает в морской пучине.

В Таманском заливе ловят рыбу камбалу с помощью огня. Выбрав темную и тихую ночь, отправляются на промысел в двух лодках, между которыми, от борта одной до борта другой, протянута при самой поверхности воды рогожа. На лодках зажигается яркий огонь. Рыба всплывает на свет, вспрыгивает над водой и падает на рогожу, а оттуда, разумеется, поступает в мешок.

В устьях мелких степных речек большими количествами ловится по весне тарань. Эта скромная рыба, приготовляемая впрок, составляет для казака такую же насущную потребность в быту домашнем, как добрый друг русского воина — сухарь, в быту походном. Вяленая и копченая тарань расходуется с весны сотнями тысяч по всему

¹ В жабрах ее заводятся от горько-соленой воды тонкие и длинные черви, которые ее беспокоят, пока не выпадут от действия на них пресной воды.

Черноморью и составляет запас здоровой пищи для косарей на время летних постов. Для лова тарани употребляется вентерь¹. Это огромный самолет, устроенный из нити и обручей так, что зашедшая в него нехитрая и смиренная рыбка, какова тарань, не может найти обратного выхода. Тарань в море то же, что овца на суше: стоит только одной войти с простоты в самолет, за ней ввалится целый табун. Вентерю ставятся один за другим вдоль речного устья. От каждого из них раскинуты на обе стороны крылья, направляющие рыбу в ловушку. Рыба идет сперва вверх, против течения реки, стало быть, из моря в степь, а потом, когда вымечет икру, отходит назад, в море, уже по течению реки. В первом случае она называется "ходовик", а в последнем "утекач". Само собой разумеется, что ходовик наполняет вентерю передние, а утекач, в свою очередь, задние, делающиеся передними. В средние же ставки попадает лишь то, что не попало ни в передний, ни в задний вентерь. По-видимому, средние ставки должны быть самые невыгодные. Но как они по своему срединному положению не остаются без дела ни при наступательном, ни при попятном походе рыбы, то двойной, хотя и умеренный лов приводит их выгоды в равновесие с выгодами крайних ставок. Горациева золотая середина и здесь не остается внакладе. Однако, в отклонение споров да перекоров, рыболовы разбирают места для вентерных ставок по жребию.

Чернь морских рыб — тарань — никогда не поступает на рыбоспетные заводы. Легионы ее, попадающие в морские неводы и волокуши, выпускаются обратно в море или отдаются за дешевую цену прямо из волокуш и неводов жителям приморских куреней и поселков. Сотни семейств, не имеющих достатка для производства лова собственными средствами, являются к чужим тоням с подвижными солилами и, забирая тарань из снастей, солят и спеют ее мелкими партиями. Этот второстепенный промысел называется "толовирством". Само собой разумеется, что забродчик смотрит с некоторым неуважением на толовирщика, который является с поклоном только туда, где есть удача, а от несчастливых тоней идет дальше, как муравей от пустой житницы.

¹ Не от латинского ли *venter*, чрево? Устройство и самое действие вентерю действительно схоже с брюхом и его пищеварительным каналом. В один раз набирается в вентерь до 15 тысяч тарани.

Все рыбопромышленные воды принадлежат войсковой казне и отдаются на откуп, от которого получается доход в год 82 тысячи рублей¹.

Лов рыбы разделяется по числу годовых времен на четыре периода: "веснянный", с ранней весны до мая, "меженный", с мая до сентября, "просольный", с сентября до замерзания заливов и взморьев, и "подледный", от замерзания до вскрытия лиманных и морских вод. Первый из этих периодов, начинающийся в минуту пробуждения от зимнего замирания всех жизненных сил природы, разлития рек и вторжения пресных вод в морские лиманы, составляет золотое время для рыболовов. Тогда белая морская рыба подходит к берегам для помета икры, она ищет теплых, мелких и спокойных вод и несметными полчищами заходит в ерики и лиманы в естественные садки и ловушки. Противоположную крайность представляет период меженный. Рыба перемежается, заброды пустеют, и немногих забродчиков, остающихся верными своим мрежам, народная поговорка относит к разряду людей сомнительного трудолюбия "на межень иде лежень".

Осенний период называется просольным потому, что вылавливаемая в продолжение его рыба не спеется и не в корень, а слегка просаливается. Уловы просольного и подледного периодов отличаются не столько количеством, сколько качеством рыбы, в это время бывает она особенно вкусна. Лучшие балыки приготавливаются из февральской и мартовской рыбы.

Для подледных тоней вырубаются две большие полыньи на расстоянии нескольких сот сажен одна от другой. На обе стороны от той и другой полыньи пробивается полукругом множество малых и частых прорубей, охватывающих своим расположением обширную площадь. На поверхности этой площади стараются как можно меньше ходить и шуметь, чтоб рыба подо льдом не полошилась. Совокупность полоней с прорубями имеет вид вместительного знака и называется "сал". (На открытой воде так называется всякое пространство, захваченное снастью.) В одну из полоней невод погружается, а в другую вытягивается. Полукруговые линии боковых прорубей служат путями для провода неводных урезов, с помощью шестов и

¹ Ныне составляются правила для взимания прямого дохода с производителей рыболовного промысла, без посредства откупа. Одни только устья Протоки, на которых существует богатейший заброд ачуевский, будут оставаться в откупном содержании.

багров, подо льдом от полоньи погрузной до высыпной. Подледный лов дело нелегкое. Чтоб управиться с одной неводной тоней, дня мало.

Во всякое время года благоприятно действует на производство лова умеренный северо-западный ветер "горбатов", правильное арабатов (от Арабатской косы Азовского моря). Как бы ни устали рыболовы в течение дня, но, если добрый их союзник, горбатов, потянул ночью, они и ночь еще проработают. Сильный ветер затрудняет и даже останавливает неводной и волокушный лов. Волнение спутывает и ссучивает снасти. Если море разыгралось после засыпки невода, то забродчики прекращают тягу и спешат убрать невод в дуб, что нелегко сделать с двухверстным протяжением бечевы и нити. Приходится иногда для спасения снасти резать ее и кусками выхватывать из бушующих волн. Кармачному лову, напротив, непогода на море благоприятствует. Волнение раскачивает крючья и насаживает на них самую осторожную рыбу. Но как кармаки становятся в открытом море не ближе пяти верст от берегов, то надобно, чтобы забродчики не боялись гнева моря и молодецки пускались через горы и пропасти волнения к обуреваемым снастям. Трусы просидят непогоду на берегу, и та же самая зыбь, которая набила рыбу на крючья, посрывает ее с них и унесет за кармачную линию, нередко даже расстроит и разрушит самую снасть.

В те времена, как казаки свободно промышляли, по их выражению, добывались в войсковых рыболовных водах, порядок в рыболовном деле был такой: забродчики не договаривались на денежную плату, как наемники, но работали на долю, "на добычь", разделяя с производителем промысла успех и неудачу пополам. Для них этот промысел был тираж лотереи, положенной в закрытую урну моря. Черноморские, так же точно, как запорожские казаки, не принимали на свой язык обыкновенного выражения: ловить рыбу, вместо того они живописно изъяснялись: "добываться, идти на добычь". Они возвышали в своем взгляде и в своей речи трудный, опасный и неверный, как сама война, рыболовный промысел. Вооружась веслом и неводом, они проникались молодецким одушевлением, как бы шли на победу и завоевание, и действительно, окончание каждого рыболовного периода праздновалось у них как возвращение из похода с победой и завоеванием. Свежее предание свидетельствует, что, доколе казаки, а не "городовики" работали на забродах, рыбы вылавливалось несравненно больше и что как на Запорожье, так и на Чер-

номорье в былое время самые сильные, расторопные и храбрые казаки выходили из забродов. Один такой казак тянул за собой в бой десять других, взявших пику после пастушеской укрючины.

Каждый из четырех рыболовных периодов оканчивался на забродах дележом вылова, "дуваном добычи", между заводчиком и забродчиками. Отложив из всей добычи одну долю на покрытие издержек, употребленных хозяином на содержание ватаги, и другую на уплату в войсковую казну пошлинного налога, чистый затем прибыль делили на две половины, из которых одну забирал забродоозяин, а другую ватага. Последняя вела потом свой частный дуван. Атаман ватаги, как указчик и предводитель промысла, брал двойной пай против рядового забродчика. Этот старинный обычай сохраняется на некоторых забродах и донныне, но откупщики предпочитают ему простой способ найма работников за деньги в тех губерниях, где рабочие руки не дороги.

На всем пространстве рыбопромышленных вод годовой вылов рыбы средними количествами простирается: сулы до 4 миллионов, тарани 5 миллионов, сазана 200 тысяч, чабака 50 тысяч, рыбаца 30 тысяч, сельявы (шаман) 300 тысяч штук, красной рыбы до 40 тысяч пудов, икры из белой рыбы, или галагану, до 40 тысяч, икры из красной рыбы до 4 тысяч, клею до 100 и визиги до 200 пудов, жиру до 2 тысяч ведер.

Лов сельдей незначителен, и для приготовления их не употребляется никаких усовершенствованных способов, как, например, способ корнваллийский.

Средняя на местах лова продажная цена рыбы спетой и в корень соленой: красной 3 руб. за пуд, белой от 10 до 60 руб. за тысячу. Рыба и произведения ее вывозятся водой в Ростов, Таганрог, Бердянск и Одессу, сухим путем — в землю Кавказского войска и Ставропольскую губернию. Сбыт рыбы последним путем доставляет извозчицъему промыслу работы на 2000 подвод в год. Из Ростова и Таганрога рыба расходуется по южной полосе России и Польше, а из Одессы отправляется в Константинополь и Афины.

Как худобоводство подвержено неотвратимым утратам от эпизоотических зараз и климатических невзгод, так и рыболовство испытывает потери и убытки от наводнений. Эти явления, не слишком, впрочем, частые, бывают в начале весны, когда бассейны морских лиманов наполняются прибылой водой из степных речек, а с моря в то же

время поднимаются продолжительные ветры, в упор на лиманные гирла. Большая часть азовских забродов помещаются на береговых, вдающихся в море отлогостях — косах. Северо-западный ветер, налегая на юго-восточный берег моря, набивает большой бурун на косы. В продолжение нескольких дней море незаметно приходит в напряженное состояние у берегов, наконец в несколько минут вскипает оно и хлынет на косы, покроев их и унесет от забродов наловленную рыбу, лодки, снасти и запасы. Наводнение приходит и уходит с быстротой набега морских разбойников.

В изъятых от откупов и доставляющих пропитание народу степных речках водятся: окунь, тот окунь, которого Авзоний в своих стансах величал услаждением стола, карась и щука, которых взаимные отношения известны из русской пословицы; сазан, как выше замечено, охотник до путешествий, и линь, домосед, лентяй, полагающий истинное счастье в домашней тине... Господствующие же обитатели сих смиренных и бурь не ведающих вод — раки.

Опасное соседство горцев делает недоступными для рыбопромышленников передовые воды Кубани, которые, по казацкому поверью, "вечно с кровью текут". Только боевые люди с кордонных постов или из пограничных куреней отваживаются бросать в эти заветные воды кармак и сеть. И случается, что пуля горца неприятно просвистит над головой рыболова, но нужда говорит: "Это не больше как точка — продолжай".

Приливы Кубани, возобновляющиеся с каждым ливнем, падающим на горы, приносят на Черноморье плавучий лес, сложенный или исторгнутый с корнем по лесистым берегам горных речек, впадающих в Кубань. Эти кажущиеся остатки плотов, потерпевших крушение, также составляют для побережных прикубанских жителей предмет ловли.

Между морскими рыболовными угожьями природа или рука человека — это вопрос — предусмотрительно расположила неисчерпаемые запасы соли, которая, как известно, составляет предмет первой потребности в рыболовном промысле. Это знакомые уже нам соляные озера. Войсковым жителям предоставлено добывать соль с озер в определенных количествах: казаку пятьдесят, а офицеру сто пудов в год на семью с платой акциза в пользу войсковой казны по 4 $\frac{2}{7}$ коп. сер. от пуда. Главный же сбор и распродажа соли принадлежат войсковой казне. За напол-

нением войсковых запасных магазинов соль идет значительными отпусками в рыболовные заводы и в аулы закубанских горцев — в ту и другую сторону не менее 300 тысяч пудов в год. При благоприятных обстоятельствах сбор соли со всех озер за лето мог бы быть доведен до трех миллионов пудов, если еще не более, но он не доходит и до одного как по ограниченности местных способов, так и по краткости существования соляных садов. Для уничтожения их довольно одного дождя. В видах особенной пользы войсковой казны принято не допускать жителей к сбору соли, пока войсковая казна не возведет при озерах своих "кагатов" (соляных бугров), но дождь не всегда ждет, пока войсковая казна управится со своим делом, и жители не всегда уезжают от озер с "молодой солью".

В войсковую казну, в эту, можно сказать, артельную складчину целого войска, несут оброк даже самые неудобные участки войсковой земли — болота. В некоторых из них водятся пиявки. Сбор этих полезных пресмыкающихся ограничен для жителей чертой домашней потребности, все же, что вне ее, отдается на откуп, прибавляющий к годовому итогу войсковых доходов иногда тысячу рублей, иногда половину этого. Пиявки идут в Турцию, где кровопускание в таком обширном употреблении.

Как домостроительная хозяйка, войсковая казна берет в одном месте, чтоб отдать в другом. Для развития и улучшения садоводства в сельском хозяйстве казаков заведен при городе Екатеринодаре на войсковом иждивении общепользный рассадник, в котором насчитывается 25 тысяч кустов виноградных лоз и 19 тысяч фруктовых деревьев. Породы тех и других взяты из Крыма. При рассматривании почвы Черноморья мы уже имели случай говорить о садоводстве, теперь прибавим, что этой статье суждена здесь прекрасная будущность, более или менее отдаленная. Изображения на древних фанагорийских монетах, древнее название этого края "Пандикапея", что значит всесадие, и некоторые признаки, не совсем сглаженные с поверхности степи кочевой ногайской кибиткой, свидетельствуют, что нынешнее степное Черноморье когда-то, быть может, пред нашествием на Кавказ монголов, было одним обширным садом, как ныне степные поляны Бессарабии. Сделанные до настоящего времени опыты и начатки, изданные постановления о земле и, наконец, частные меры со стороны высшего кавказского начальства поощряют, более всякого другого труда и промысла, народную предприимчивость к распространению и усовершенствованию

ванию в крае садоводства. Но садоводство требует больше рук, чем худобоводство, а потому последнее и остается преобладающей статьей в казачьем хозяйстве.

В пользу лесоводства также предначертаны полезные правила, долженствующие прийти в действие, когда курени будут ограждены в своих земельных дольствиях межевыми распоряжениями. В то время, не говоря уж об улучшении климата и степных вод, пойдет успешнее и пчеловодство, которому благоприятствует богатство флоры, но вредит безлесье и скудоводье. Как к садоводству с лесоводством, так и к пчеловодству заметна в казаках врожденная охота. Любят они посадить около хаты деревцо и кустик и потом оживить их жужжанием пасеки. Но покуда еще не со всей точностью исполняется живущее в их поговорке обещание пчелы: "Прогодуй мене до купала — я зроблю из тебе пана". Одной летней засухи или запоздалой весенней стужи на беззащитной местности достаточно, чтобы трудолюбивое насекомое унесло свое обитание в гроб, которым делается для него улей. Недоброкачество степных вод и рос также оказывает вредное влияние на пчеловодство, иногда при самом обильном нанесе в улей пчела вымирает как будто от отравы, источник которой, конечно, скрывается в загнившей и проникнутой солями воде. В немногих лесистых пространствах по Кубани эта ветвь сельского хозяйства держится прочно и развивается успешно.

Всех пасек (пчельников) считается более 600, в них ульев до 4 тысяч. Получается меду до 12 тысяч и воску до 4 тысяч пудов.

Там же, на Кубани, по всему ее протяжению и по всем разделениям ее вод существует охота, достойная рыцарских полеваний средних веков. Кабан, олень, дикая коза, тетерев, порешня, волк, лиса, заяц, фазан, лебедь — вот дичь глубоких прикубанских захолустьев. Любимая охота казаков — это отважная охота за кабаном, противником чутким, неустрашимым, коварным и свирепым. Действуют против него засадой и винтовкой. На волка ставят капкан, на фазанов силки. С борзыми охотятся по хуторам степных пространств, где также нет недостатка в дичи, четвероногой и летающей, особенно последней. С ранней весны и до самой зимы по лиманам, речкам и полям стадаются дикие гуси и утки, дрохвы, стрепеты, колпы, куропатки. В молодой траве бьет на заре перепел, в синеве поднебесья раздается веселый крик журавлей — этот светлый, далеко слышный крик, которого запорожцы желали

своим предводителям, когда поздравляли их с принятием атаманской булавы¹.

Черноморский казак — охотник от природы. Охота с винтовкой и капканом занимала в прежнее время, как исключительный промысел, значительную часть жителей прикубанской и протоцкой полосы. Но теперь на службе война, а дома работа мало времени оставляет черноморцу для любимого его охотничьего промысла и произведения этого промысла, за удовлетворением домашних нужд, входят в торговлю незначущей статьей. Только заячьих кож вывозится за пределы края до 25 тысяч штук в год.

¹ Дай тоби, Боже, лебединий вик, а журавлиний крик.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

Промышленность. Торговля. Меновые сношения с черкесами. Торговое общество

В краю, не так давно заселенном, в климате негостеприимном и в соседстве с народами дикими, дышащими разбоем и "охотнее проливающими кровь, чем пот", промышленность не могла еще сделать больших успехов. О младенчестве ее можно судить уже потому, что все почти предметы производительности края сбываются в самых местах их происхождения. Даже сельский производящий труд и сельские ремесла большей частью отправляются сторонними руками. Рассеянные по куреням и хуторам работники, плотники, каменщики, тележники, колесники, бондари, шаповалы, дубильщики кож и даже между ними цыган со своей бродячей наковальной — весь этот народ, смысленный и деятельный, не возлагающий железа ни на браду, ни на плечо, весь он нахожий, велико- и малороссийский — "москаль" и "городовик"¹.

Из ремесленных гостей края обращают на себя внимание тележники, колесники и бондари. Основав свои мастерские в Екатеринодаре и некоторых прикубанских куренях, где во всякое время можно иметь под рукой свежий берест, дуб и другое, пригодное для их дела дерево, привозимое на Кубань горцами, они снабжают Черноморье изделиями своего ремесла и отправляют с ними целые обозы на отдаленнейшие ярмарки Ставропольской губернии.

Одно гончарное дело остается исключительно за казаками и держится наследственно в известных только местах, где свойство земли ему благоприятствует. Разнообразными произведениями его горнов славится курень Пашковский на Кубани. Не только круглолицая казачка, но и худощавая черкешенка снимает сметану с пашковского муравленого глечика (кувшина). Кроме гончарства, удерживается еще за казаками, как родовое наследие от пра-

¹ Городовиками называют черноморцы малороссиян, в которых хотя и видят они своих единоплеменников, но слово "городовик" звучит у них некоторым пренебрежением, обозначая не полевого и боевого человека, как казак, а мирного гражданина, пользующегося безопасностью и другими удобствами внутренней цивилизованной провинции.

дедов, промысел чумацкий, но его эклиптика и поворотные круги, его "цоб" и "цобе" не простираются далее Георгиевска и Ростова.

На казацкой украине, где, можно сказать без гиперболы, расходуется больше пороху, чем семян, но труд нуждается в капитале, а капитал в труде. Жатвы много, делателей мало. Недостаток рабочих рук даже для черного труда слишком ощутителен. Огромные заготовки сена для зимнего корма худоб производятся по большей части приехавшими косарями из губерний: Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Орловской, Курской, Тамбовской, Рязанской. Одного этого, вооруженного косами народа на Черноморье не меньше 15 тысяч человек в лето. Косарь получает до одного рубля в день, когда работает поденно, и до 20 рублей от скирды, когда подражается на урок, на скошение известного займища, "становится от скирды". В обоих случаях имеет он косу собственную, а продовольствие от хозяина. Тяжелый труд сенокосения под неблагоприятным небом обыкновенно сопровождается желчными лихорадками — и не всякий из ретивых работников уносит домой в добром здоровье свой летний сторублевый заработок, воспетый поэтом-прасолом. В рыболовные заводы приходит, или, как казаки на известном им основании выражаются, "забегает" рабочих людей каждогодно до 3 тысяч человек. Здоровье рабочих этого звания сберегает свежий морской воздух. Здесь добрый забродчик может приобрести в год 150 руб. чистого заработка. Но по этой части работают все пришельцы из Малой и Новой России, "бурлаки", а у этих людей есть одна заунывная песня, в которой судьба, оскорбленная жалобой на ее якобы к ним несправедливость, обращается к начинщику жалобы со следующим довольно справедливым упреком:

Що ти загорюеш,
Марно прогайнуеш;
А що й заробляеш,
Зараз пропиваеш.

Наконец, если к показанным временно приходящим рабочим присоединить еще множество иногородних людей, обращающихся по хуторам и куреням в годовых и других сроках услугах, равно ремесленников, почтовых ямщиков, промышленников, приказчиков, служителей войсковых откупов и прочих, то окажется, что всех вообще

сторонних, зашибающих деньгу людей перебивает на Черноморье в продолжение года более 25 тысяч человек и что выносимая ими ежегодно за пределы края сумма при самых ограниченных заработках должна простираться до полумиллиона рублей.

Итак, если значительнейшие выгоды промышленного и даже простого труда ускользают из рук местного населения, то по естественному порядку вещей и торговля края должна иметь ту же участь. Казак не то что московский стрелец, никогда не любил и не уважал торгового дела. (Так точно чуждаются его и закубанские горцы.) Деды черноморцев говаривали: "Як хочешь мене уживай, аби б не крамарем (торгашом), за те полоаю (побраню)". Если не в силу подобных, уже отживших свой век мнений, так потому, что в казацком войске не существует среднего сословия, торговля Черноморского края находится в руках иногородних людей. Исключение ничтожно.

Нет в этом крае людей, которые, прежде чем сделались торговцами, были в своей стороне сельскими производителями, которые, возделав известную отрасль хозяйства, сорвали с нее золотое яблоко, которым курица в их деревне нанесла золотых яиц и которые поэтому ведут торговлю в уголку глубоко изученном ими в производительно-промышленном отношении, как золотоискатели ведут свои мины в земле, с внутренним содержанием которой наперед хорошо ознакомились. Таких людей нет, оттого и торговое движение в пределах этого края является не торговлей, органически развивающеюся из наличного, возделанного на месте капитала, а каким-то эфемерным, налетным торгашеством, начинающимся векселем и оканчивающимся конкурсом. Производители такого поверхностного и шаткого торгова — армяне нахичеванские (с Дону) и закубанские. Не пускаются они с прочно оснащенным неводом в открытое море торговли, а сидят на берегу с блеснами и самоловами собственного изобретения и ловят мелкую рыбку. Так торгуют их родоначальники по второстепенным городам Турции, где торговые уставы и учреждения заменяет простая полиция. Дай нам, говорят безнадежные черноморские торговцы денежному пану-хуторянину, дай чем наживить крючок: мы поймаем большую рыбу и с тобой поделимся. Пан и даст, но по окончании лова выходит, что ловец в своем Нахичеване хлебает жирную уху, состряпанную умышленным банкротством, а пан, доверчиво расстегнувший заветную калиту, постится в своем мрачном хуторе и гневается, когда

ему напомним родную нравоучительную пословицу: "Не прoderешь очей, так прoderешь калиту".

Пускаясь в торговое дело без основной копейки по единой благодати удивительного московского кредита и не имея поэтому произвольного предызбранного направления нахичеванские армяне на Черноморье бросают друг другу камень под ноги и делают местную внутреннюю торговлю не только мелочной, но и бесхарактерной. Случается видеть у них за прилавками такие вещи, которые по роду местных потребностей могут пролежать без спроса целое столетие. Сами торговцы, конечно, не думали о них, когда набирались товаром, но на них навязано это бремя из залежи кредитора.

Армянская лавка на Черноморье — это товарная энциклопедия, изданная в шестнадцатую долю листа. Редкую из них не забрал бы русский ходебщик в свою коробку. За немногими исключениями, которые справедливость требует сделать, черноморские торговцы из Нахичевана слишком мало дают места на своих полках товару полезному, но скромному, не трубящему о самом себе. Напротив, они любят вести торг товарами мишурными, бросающимися в глаза и по своей легкости легко сходящими с рук. Это вечные продавцы игрушек для взрослых детей и лучшие проводники между плохими фабриками и невзыскательными потребителями. Вот образчик их языка и тонкого обхождения с покупателями. Бедный чиновник торговал у армянина плохую шубу, сшитую из волчьих хвостов. Запрос был слишком высок, покупатель не сошелся в цене и стал выходить из лавки. Тогда армянин обратился к нему с последним словом: "Паштенна, последну слову — тебе не волком ходить, а овцом ходить".

Сии красноречивые торговцы украшают своим присутствием торговые ряды Екатеринодара и лавочки всех куреней Черноморья. Они же являются первые и на все ярмарки этого края. Те, которые торгуют по куреням во время стрижки овец и мору скота, поспешно оставляют свои прилавки и с запасом ножигов, зеркальцев, колечек, пряжек, огнив, игор, шильев, табаку, деревянных трубок с медными колпачками пускаются в степи, к пастушеским кишлам, где посредством мелочной, но весьма прибыточной для них мены делают значительные приобретения шерсти, кож, сала и заячьих шкур. Армяне закубанские действуют в том же роде по закубанским аулам, только размеры их действий гораздо обширнее. Спекулятивные пути и обороты или извороты тех и других закрыты не-

проницаемой завесой для остального торгового мира, и только Нахичевань на Дону, где неожиданно из не пользующихся известностью промышленных источников скопляются целые горы шерсти, сала, кож, воску и мехов, покачивает головой с восклицанием: "Вай, вай, какой наш умна человек", — и всячески дивится большим приобретением при малых средствах.

Как армян, так и других иногородних постоянных торговцев в пределах края считается до трехсот. Их торговля оценивается в полмиллиона рублей. Кроме того, с каждой весной посещает курени и хутора странствующая промышленность Ярославской и Владимирской губерний: коробейник (афеня) с бакалейным и сельско-галантерейным товарцем, чаще имеющий дело с нежным, чем с грубым полом казацкого народонаселения и охотно променяющий свои мануфактурные вещицы на прядево, щетину, перья, воск, клыки дикого кабана, заячьи шкурки, раковые жерновки, из которых, как он уверяет своих покупателей, делаются тарелки, — что жерновка, то-де и тарелка, — и другие неблестящие произведения; продавец кос, кое-как, по-русски, сидящий на облучке своей телеги с рогоженной кибиткой и звонко клеплющий в косу, чтоб имеющий уши слышати — слышал, обходительный продавец восковых свечей, ладону, парчи и церковной утвари, увлекающий к набожной щедрости отставных казаков блестящей выставкой своего товара у церковной ограды и приличными изречениями из писания, наконец, и наш пашковский гончар с таким громоздким возом, как адмиральский корабль сухопутного флота Игорева, и с грубыми, почти повелительными воззваниями: "Молодичи, по-горшки, ану ж мерщий, по-горшки..."

До каких ухищрений дошла сметливость странствующих мелких промышленников, можно видеть из того, что многие из них во время весенней стрижки овец откупают на срыв щетину, произрастающую на хребтах тех животных, угрюмыми звуками которых никогда не оглашается Турция. Когда торг слажен, щетиноносные животные, под предлогом корма, собираются в особую загородь и вероломно отдаются своими корыстолюбивыми хозяевами в безжалостные руки коробейников, которые их связывают и потом не ножницами, а деревянными лещотками снимают с них жесткие руна. По выдержании операции обезображенные, но по-прежнему здоровые пациенты отдаются обратно своим обладательницам с насмешливым пожеланием, чтобы на оголенной ниве вырос им к будущей весне

новый доход. Пожелания, несмотря на их иронический тон, осуществляются: через год новая жатва осеняет хребты тех же животных, и к ней являются те же жнецы. Невозможность ощипать курицу, без того чтоб она не кричала, обратилась в поговорку; легко же представить себе оглушительный крик, сопровождающий вышеизъясненную операцию, тем более что коробейникам вовсе неизвестно употребление хлороформа.

В видах споспешествования сбыту главного богатства края: лошадей, рогатого скота и овец — учреждены в разных местах Черноморья ярмарки. Важнейшие из них: в Екатеринодаре, на Кубани, и в курене Старошербиновском, на реке Ее, — в том и другом месте по три. Всех же ярмарок в крае до тридцати. Привозимых на них товаров продается на сумму до одного миллиона рублей. Эта же цифра может служить приблизительным мерилom и ценности сбыта на ярмарках местных произведений. На первом плане ярмарок рисуются прасолы, или, как их называют здесь, сгонщики, то есть скупщики скота, лошадей и овец. Второе после них место занимают наезжие продавцы образов, деревянной посуды, сундуков, окон, решет, веретен, волюнок, мелких железных изделий, дегтю, российских азбук, прописей и лубочных картин *a la brosse grosse*, с текстом увеселительного содержания. На екатеринодарских ярмарках, когда бывает дозволено, являются целевые таборы черкесских скрипучих арб со строевым лесом, частоколом, обручами, осями, каюками, корытами, лопатками, вилами, одеждой из домашнего горского сукна, медом, воском, салом и кожами. Сбыв свои скромные произведения, черкесы не везут полученных денег домой, но тут же на ярмарке запасаются на эти деньги бумажными и шелковыми материями, сафьяном, посудой, расписанными сундуками и мылом. По недоверчивости, никогда их не покидающей, и по незнанию цен на мануфактурные товары они торгуются бесконечно долго, употребляя притом свой, диаметрально противоположный нашему способ торга, а именно: спросив в лавке нужный им товар, они не спрашивают потом, какой суммы денег стоит известное количество товара, напротив, они предъявляют наперед известную сумму денег и потом спрашивают купца, какое количество товара даст он на предъявленные деньги. Ответ продавца служит исходной точкой торга, в дальнейшем развитии и окончании которого играет роль не монета, представительница ценности вещи, а, наоборот, оцениваемая и подлежащая торгу вещь.

Торгуясь таким странным для нас и естественным для них образом, почтенные соседи черноморцев умеют ловко стянуть, что им приглянется и что будет плохо лежать, поэтому не дозволяется им входить в торговые ряды в бурках. Были примеры, что князь изобличался в похищении зеркальца или апельсина.

По множеству ярмарок в Черноморье далеко не все они имеют большое торговое значение, но народ их любит и поддерживает своими съездами. Казачки первые желают ехать на ярмарку, чтоб видеть большой свет, чтоб полюбоваться на большое собрание предметов роскоши и запастись предметами для беседы на целые месяцы, а казаки, как ни тяжелы на подъем, не смеют противоречить обладательницам своих сердец и следуют с ними, имея в виду не пыль и толкотню большого света и не ситцевую пестроту предметов роскоши, а что-то другое, до чего нет дела дражайшим их спутницам, и что веселит сердце человека. Казацкая ярмарка имеет свои местные оттенки. Ее окружают скотные и конские гурты, которых голодный рев и ржание как будто вопиют против высоких запросов и низких предложений цены. В самой середине ярмарки "тичок" — толкучий рынок рабочего скота и езжалых лошадей. Здесь являются героями вертлявый цыган на старой кляче, которую он, "пидвахлював", подогрел и подмолодил по-своему, и удалый "комонник"¹ с волосяным арканом на руке, с гордо откинутой назад головой, с молодецки подкрученным усом и с самодеянно-небрежной посадкой на молодом неуке, беснующемся и выходящем седока из седла. Вы любуетесь этим спокойствием, этим как бы простодушным мужеством, столько свойственным черноморскому казаку даже в пылу боя, и вы соглашаетесь с остроумнейшей из женщин, что человек на диком коне прекрасен. Поодаль от этого кипучего и шумного торжища слепец в ветхом подряснике читает псалтырь на память. Его певучее чтение прерывается частыми подаяниями. Ощувив в руке лепту, он останавливается в ту же секунду, спрашивает имя сделавшего подаяние, молится о нем и потом продолжает чтение от того именно слова, на котором был прерван. Внимание и память ему не изменяют. В самом многолюдном месте, око-

¹ Наездник, способный вырвать арканом из табуна пылкого неука (неезженного коня) и уломать его под седло. Слово "комонник" замечательно по своему древнеславянскому корню — комон, откуда вышел нынешний конь. Комон встречается в "Слове о полку Игореве".

ло "яток", шатров с орехами и пряниками, слепые нищие, усевшись в ряд, без шапок, под палящим солнцем, с запыленными лицами и с деревянными чашечками в руках, поют лазаря, под плаксивую игру "кобзы". Лишенные Божьего света то и дело слышат стук в своих чашечках от падающих в них старых грошей и новых однокопеечников. Здесь повеяло вам на душу грустью, но вот послышались гудение бубна и визг скрипки. За ними толпа хлбпцев и молодиц, а впереди их чабан (овчар) с загорелым лицом, с усаженным пуговицами поясом и привешенным к нему на длинной портупее ножом, со сбитой на ухо шапкой, с цветным платком через плечо и флягой в руке скачет гопака до упаду. Этот мешковатый гуляка "водит музыки" и угощает встречного и поперечного напрапалу. Кто не желает его угощения, бежит подальше...

Кроме ярмарок и базаров города Екатеринодара, торговые сношения черкес с казаками поддерживаются меновыми дворами, существующими на Кубаџи по черте кордонной линии. Чтоб не показалось странным, как могут происходить на одном и том же рубеже и война, и торговля, довольно сказать, что у горцев нет соли, а у казаков нет лесу. Первым нечем посолить свою пасту (кашу), а последним не из чего возвести хату. Так вот вследствие обоюдного лишения в предметах первой потребности для существования меновой торг между казаками и горцами завязался с первых дней поселения Черноморского войска на Кубани. Кошевой атаман этого войска Котляревский во всеподданнейшем представлении своем Государю Павлу Петровичу от 21 июля 1799 года, между прочим, излагал: "По неотпуску каждому черкесскому владению из войска Черноморского соли, там, где ему способно, оные владения, злбствуя на войско, причиняют ему хищническим грабежом людей немалые обиды, говоря тако: давай нам соль там, где надобно, — не будем воровать, ибо нам без соли не пропадать, и мы у вас зато воруем, что в Анапе дорого соль купуем". По воспоследовавшему тогда же Высочайшему соизволению учреждены "сатовки", или меновые дворы, по правому берегу Кубани, на разных пунктах. В настоящее время их более десяти.

Кроме леса, господствующей привозной статьи, переходят через меновые дворы на нашу сторону: лубок, называемый горцами "кожа дерева", черная нефть, пиявки, алебастр, разные кожи и меха в сыром виде, лошади и рогатый скот, особенно буйволы, хлеб, сало, масло, мед, воск, бурки, горская одежда, ножи, циновки и некоторые

изделия из дерева. С нашей стороны сверх соли, главной статьи отпуска, идут меновыми стезями в горы: разные бумажные и шелковые ткани невысокого достоинства, шелк и канитель для делания галунов, холсты, сафьяны, войлоки, посуда, сундуки, мыло.

По военным обстоятельствам края торговые сношения казаков с горцами подвержены частым переворотам, то они возрастают, то ослабевают, то и вовсе прерываются. Кроме того, впереди значительного протяжения меновой черты лежит для торговли порог в одной из привилегий земли, обитаемой бжедугами. В этом ближайшем к нашей линии народе демократия еще не подавила феодализма, как у дальнейших горцев, и потому земля остается поделенной между многими мелкими владельцами — князьками и дворянами (пши и уорк), к старинным привилегиям которых принадлежит право "курмука"¹ — феодальное право взимать транзитную пошлину со всего, что привозится через их владения из гор на Кубань и обратно. Нередко жадность этих нищих князьков делает из курмука препятствие для торговли гораздо важнее, чем дурное состояние, или — точнее сказать — несуществование путей сообщения по закубанской стороне.

Но доскажем, что осталось еще сказать о внутренней промышленно-торговой жизни края. Мы знаем уже, что промышленный и ремесленный труд в пределах Черноморья наибольшей частью принадлежит временным пришельцам и что на долю местного народонаселения, составляющего одно служивое сословие, остается простой труд производительный, и тот не весь. По общему разделению сословий и труда в государстве, казалось бы, иначе и быть не должно: всякому свое. Но здесь по особенному положению края является неудобство, не существующее для Кавказского казачьего войска, где сословие, ратующее с оружием в руках, на границе поддержано сзади другими, неслужащими сословиями — податными сословиями Ставропольской губернии. В Черноморский самостоятельный край, отброшенный на оконечность цивилизованного русского мира, в край недостаточно гостеприимный как в климатическом, так и военном отношении, и отказывающий в правах гражданства всему, что не носит оружия, промышленные, ремесленные и вообще рабочие гости могут находить различно: или в таких, сколько нужно, или в гораздо меньших численных силах, или тогда, когда нуж-

¹ Испорченное турецкое слово "гюмрю" — таможня.

но, или тогда, когда не нужно, или же, наконец, при действии известных препятствий вовсе могут не приходить. Невыгоды такой зависимости слишком ощутительны для местного казачьего населения. И между тем этому населению недостает поощрения, руководства и поддержки, чтоб ослабить сколько-нибудь эту зависимость. Казаки, знающие ремесла, отбывают службу не оружием, а ремеслами своими: то они записываются в особо учрежденную "войсковую мастеровую сотню", то работают в составе полков, батальонов и батарей. Находя легче и почетнее этой трудовой службы службу общерядовую, службу с шашкой и пальником, а не с долотом и кузнечным мехом в руках, молодое казачье поколение не имеет никакой охоты к изучению ремесел. Для удаления невыгодных случайностей зависимости местной ремесленной промышленности не будет ли вызвано среди казачьего сословия свободное "ремесленное общество" подобно тому, как уже учреждено в войске, с последним преобразованием его, "торговое общество" в составе двухсот лиц.

Это благодетельное нововведение вознаграждает, по крайней мере, имеет целью вознаградить для войска отсутствие среднего сословия. Вступив в торговое общество и внося погодно в войсковую казну купеческую подать по третьей гильдии, казак ставит себя в независимость от всяких служб и пользуется правом торговли как в пределах, так и вне своей земли. Но как местное богатство, если есть оно, находится в руках чиновного класса, а торговое общество учреждено для одних только рядовых казаков, то и благодетельная мера, предпринятая для организации промышленно-торгового класса из самых же служивых обитателей края, не достигает предназначенной ей цели: двухсотное по штату торговое общество оказывается односотным в действительности, из двухсот званых только половина избранных — да и из тех очень немногие посвящают себя торговому делу. Свободно дышит черноморец в военной засаде, но за прилавком он не в своих санях: скуп на слова и неспособен к двум главнейшим в торговле вещам: показать товар лицом и делать два дела разом.

Более утешительных видов и упований на водворение в Черноморском войске промышленности и торговли, коренной, не увлекающей капиталов за пределы края, но притягивающей в край и развивающей их на месте, промышленности и торговли, благодарной к краю, подает новонаселяемый в пределах Черноморья портовый город

Ейск. Черноморские казаки встречают с хлебом-солью и со всяким вспомоществованием свой новый, промышленно-торговый город, который станет им в поддержку, как Ставрополь и Пятигорск, с их трудолюбивыми округами, стоят в поддержке за кавказскими казаками.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

Пути сообщения. Почтовые учреждения

Bonne terre, mauvais chemins

Черноморье может располагать множеством естественных пособий к сбыту и внутреннему обороту предметов промышленности и торговли. Для внешних водяных сообщений край открыт с юго-запада, запада и севера: через Черное море — с Анапой, Новороссийском, Феодосией, Одессой, через Керченский пролив — с Керчью и Еникале, через Азовское море — с Бердянском, Мариуполем, Таганрогом и Ростовом. Для внутренних сообщений могли бы служить: лиманы Кизилташский и Ахданизовский, рукав Протока и многие ее ерики и лиманы, Кара-Кубань и каналы Энгелик и Калаус. Но эти пустынные и запущенные воды могут сделаться путями сообщения не прежде того времени, как кордонная вышка обратится в каланчу мирной полиции, а около вежи, возвещающей ночную тревогу на Кубани, обовьется причал сплавной барки. При всем своем непостоянстве и шаткости низовая Кубань может со временем, с водворением безопасности на ее берегах, подчиниться судоходству, по крайней мере, нисходящему сплавному судоходству. Тогда же по большим притокам ее — Белой, Пшишу, Афипису и другим будут скатываться с гор на Черноморье строевой лес, камень, алебастр и проч.

По сухопутным сообщениям края со Ставрополем, Ростовом, Анапой и Керчью проходят три почтовые дороги, которых исходной точкой служит город Екатеринодар. Тракты ставропольский и ростовский, с ветвью этого последнего на портовый город Ейск, не представляют никаких естественных препятствий, если не относить к препятствиям множества балок и речек, пересекающих ростовский тракт, но во всякое время года удобно переезжаемых через постоянные мосты и плотины. От куреня Старощербиновского, лежащего на границе Черноморья с Ростовским уездом, до посада Ейский городок, на протяжении семи верст, дорога идет по низменности, принадлежащей к широкому устью Еи. Большая часть этой низменности во время весенних разливов Еи или проливных осенних дождей заливадается водой, и тогда везут вас верст

пять непрерывно по воде. Но как дно наводненного пространства довольно твердо (оно состоит из песка и ракушки, плотно спаянных илом), то и переезд совершается без особенных затруднений. Надобно одного только смотреть — не подмочилась бы кладь в повозке.¹

Таманский тракт, ведущий в Керчь и Анапу, пересекается сперва рукавом Протокой, потом двумя ахданизовскими гирлами, наконец, к стороне Анапы — бугазским гирлом и к стороне Керчи — Керченским проливом. На этих пересечениях Черноморское войско содержит переправы: на Протоке и двух ахданизовских гирлах — паромную, на бугазском и Керченском проливе — лодочную. Бугазское гирло имеет ширины 60 сажений, а Керченский пролив между Таманью и Керчью, по бухте, 23 версты. Но должно заметить, что по обе стороны Таманской бухты вдаются в пролив два мыса, отбрасывающие от себя длинные и узкие песчаные косы. Это как будто бы поваленные геркулесовы столбы в Керченском Гибралтаре. Из них северная коса Чушка вытягивается к Еникале, а южная Тузла к Павловской батарее. Между оконечностями кос и берегом Тавриды не более пяти верст. На оконечности Тузлы войско содержит переправу на дубах (больших лодках) для зимы, во время же навигации существует парходное, между Таманью и Керчью, сообщение.²

Переправы бывают сопряжены с затруднениями, когда дует сильный ветер от севера к югу, — причем лодка может быть вынесена в открытое море, — а также, когда происходит замерзание и вскрытие вод.

Дорога через обозначенный Протокой низменный поперечник между степным континентом и Таманским островом на протяжении сорока верст подвержена наводнениям из Кубани, и езда по ней бывает очень затруднительна. Наводнениям противопоставляются земляные насыпи, поддержание и возобновление которых лежит на жителях натуральной повинностью и составляет для них бесконечный труд Сизифа. Насыпи из рыхлого болотного чернозема и подстилка под ними из камыша и хвороста

¹ Такой же брод приходится проезжать весной на Таманском острове, по узкому пространству, пролегающему между лиманом Ахданизовским и морем Азовским. Это Темрюкский брод, простирающийся верст на пять. Дно его песчанисто и довольно твердо, но при проходе больших обозов разбивается, и тогда работают над ним сотни рук.

² В содержании этого сообщения войско участвует ежегодным отпуском из своей казны 1700 руб.

расползаются и каждый год исчезают в болотах, что и заставляет ожидать, в замену им, правильного и прочного шоссе, для которого камень мог бы быть доставлен водой с берегов Тамани или Керчи. Кроме этого неудобства, как таманский, так и ставропольский тракты, пролегая вдоль военной кубанской границы, не считаются безопасными от нападений горцев. Вместо приятного и полезного совета — брать в дорогу одного дня хлеба на три дня — существует здесь несносное правило — брать во всякую дорогу оружие.

В разных местах военной кубанской границы устроены через Кубань четыре паромные переправы и один мост на плашкотах, снимающийся на зиму. Впрочем, переправы эти относятся не столько к коммуникационным, сколько к операционным линиям для наступательных действий против горцев.

На всех трех почтовых трактах войско содержит из своих доходов 25 станций и на них 150 троек лошадей из местных пород, в превосходной степени годных для почтовой гоньбы. Почтовые станции расположены в степных пространствах, вне населенных мест из-за подножного корма для лошадей. Помещения их более чем скромны. За исключением приюта, нагретого санными объедками, проезжающий напрасно будет искать в них других дорожных удобств. Вместо бархатного воротника, в четырнадцатом классе, пред него предстанет и спросит подорожную стриженный в скобку малый с издающими запах сапогами и заспанным в высшей степени лицом. Развернув подорожный документ для прописки, будет он углубляться в него с таким сосредоточенным видом и столько раз оттряхнет к затылку свои неприглаженные волосы, как бы пред его глазами была хартия, никогда в жизни им не виданная и писанная при царе Горохе. И даже на привычный зов проезжающего не всегда явится самовар, худой, толстый, искалеченный, пышущий здоровьем, вымытый, замусоленный, улыбающийся, угрюмый — какой бы ни был. Необозримый и неисчислимый ряд этих официальных сосудов, проливающих ободрение ослабевшим и утешение задержанным путникам, на всем почтовом протяжении, от Москвы до Ейского городка, здесь прерывается. Остается только жалобная книга на привязи у стола, всегда белая, да темное расписание на стене, и еще хилые часы у дверей с привешенными к одной из гирь в виде добавочного жалованья старой подковой и таковым же наперстком от косы. Несмотря на это сугубое поощрение,

старослуживые часы идут вяло и совсем не в ногу с временем. Не нужно иметь большой проницательности, чтоб прочесть на их мрачном челе, что им уж не до службы у Сатурна и что одно только жестокосердие кондиций удерживает их на столь трудном месте. Но видимые недостатки черноморских станций окупаются одним, сокрытым под их камышовой крышей, нравственным достоинством: здесь вы никогда не услышите неблагозвучного, потрясающего желчь путешественника в самом ее основании и вызывающего наружу все дурные его свойства: "Нет лошадей!" И потом лошади, которых дают вам, лихие черноморские лошади мчат вас с быстротой, равной вашему нетерпению, а иногда даже превосходящею оное, — что уж бывает не вполне приятно, ибо тогда от полного состава повозки достигает следующей станции одна только тачка с передними колесами. Если на тройке черноморец, он не будет кричать и растабаривать, как ямщик чисто русский, но, как удивительный человек, который не хочет петь в один голос с другим, который по доброй воле никогда ничего не делает против внутреннего убеждения и который, безусловно, убежден, что лошадь не понимает слов, он — свистит. А свистит так, что в пределах Ростовского уезда слышно. На первой от границы Черноморья станции названного уезда ямской староста, у которого были на руках докучливые проезжающие, нетерпеливо ожидал возврата своих троек, выпущенных с тяжелой почтой на черноморскую станцию. Послышался колокольчик с черноморской стороны, и озабоченный староста послал мальчика выглянуть за ворота — свои ли обратные идут или, чего доброго, черноморец скачет с новым гоном. "Еще далече, — обозвался мальчишка за воротами, — не видать гораздо, а слышно свистит". — "Коли свистит, так черноморец", — произнес староста с уверенностью, которую не сильны были бы поколебать никакие громы, и почесал в затылке.

Почтовые дороги так же пустынно, как и станции. Они не обозначены ни рвом, ни деревцом. В темную осеннюю ночь или в зимнюю метель вся надежда на редкие поверстные столбы и еще более на чуткость и памятьливость степной тройки. Основательный страх остается тогда скорее всего за переезды через мосты, которых насчитывается на почтовых, чумацких и проселочных дорогах до 170. Из них три только каменные, а все остальные деревянные, по безлесью сколоченные кое-как. В них часто усматриваются ненужные отверстия, а перила их обыкно-

венно расходуются чумаками для варения каши с салом в мокрую погоду, когда подручное топливо, бурьян и камыш, не хочет гореть. Той же участи подвергаются и дощечки, прибываемые к поперстным столбам для показа числа верст.

Не слишком удовлетворительное состояние сооружений по части путей сообщения воспето даже в народной поэзии казаков. Черноусый "паробок"¹ требует объяснения от чернобровой дивчины, по каким причинам она забарилась (замешкалась) явиться на "юлицу". Оробевшая несколько ответчица приводит в свое оправдание дурное состояние войскового моста, через который следуя, она завалилась и оттого забарилась.² Статься может, что этого совсем и не было. Но что неудобства на мостах и переездах действительно существуют, так это ясно видно из самых наименований некоторых урочищ сухопутных сообщений. Например, на ростовском чумацком тракте есть балка "Вырвихвост", каковое название доставил ей следующий случай, рассказываемый старожилами. Некоторый путешественник, следуя через нее по собственной надобности в ненастное время и в тяжело нагруженной кибитке, увяз на самой середине черноземной насыпи, перекинутой через дно балки. Когда усталые кони всеми усилиями грудью вызволить кибитку из грязи не могли, путешественник нашел себя вынужденным прибегнуть к последнему средству: приладить упряжь вместо груди к хвостам лошадей. (Способ и в позднейшее время употребляемый в отчаянных обстоятельствах.) Затем вследствие новых жесточайших понуканий кони рванули так сильно, что хвосты немедленно отделились от остального их организма, и это странное событие увековечило за балкой вышеупомянутое прозвище. Потом существует балка "Малевана", название которой проистекло из того, что экипажи и лошади путешественников выходят из нее размалеванными краской темного цвета. Наконец, есть еще балка "Загубичебот" — но это в глуши на одной из проселочных дорог.

¹ Холостой человек. "Па" — пол, "робок" — работник, выходит — полуработник.

² — Ой, де ж ти була.

Забарилася?

— На дияривим мосту

Провалилася я, —

и проч., не относящееся до путей сообщения.

В городе Екатеринодаре находится войсковая почтовая контора. В городах Тамани и Ейске, а также в куренях Полтавском и Уманьском, где имеют пребывание окружные власти, учреждены почтовые отделения, подведомственные войсковой конторе. Почтовый сбор в них составляется преимущественно от денежных посылок и старых паспортов, отправляемых иногородними людьми ко двору, в Россию.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

Войсковая казна. Сравнение быта казака с бытом поселянина

Казаки несут военную службу Государеву, для которой исключительно и занимает место в государстве. Солдат делается воином, казак рождается им. Воин от пазухи матери и до могильной ямы, он по преимуществу природный слуга Царю и Родине. Недремлющим стражем обходит он любезное отечество кругом в дни мира. А в дни брани то же отечество говорит ему: "Перестань меня кормить, иди меня защищать"¹. И когда новые успехи оружия усыновили новую землю отечеству, он первый ставит свое копьё и свой очаг на новой земле. В таком положении, при таком призвании казак свободен от всяких денежных окладов, не только государственных, но и земских. Неразлучные с земской оседлостью повинности он отбывает натурой, насколько возможно их отбыть в таком виде, то есть в виде личной и имущественной услуги, а не денежного взноса². Но как, во-первых, не все повинности могут быть отправлены натурой, и для отправления остальных требуются денежные способы, и, во-вторых, как каждая отдельная в государстве область должна своими местными способами покрывать денежные издержки, потребные на ее управление и на водворение в ней благоустройства, гражданского и общественного: для этого в крае, казаками заселенном, существует войсковая казна.

Каким образом войсковая казна составляется?

Для составления ее казак, личность которого освобождена, по прекрасному нашему старинному выражению — обелена, от всяких денежных налогов и взносов, отчужда-

¹ Cesse de me nourrir, viens me defendre. Noë.

² Годичная стоимость натуральных повинностей: квартирной, подводной и по устройству дорог — оценивается в Черноморском войске до 100 тысяч рублей.

Для исправления натуральных повинностей подводной и по устройству дорог выражается в год: подвод до 11 тысяч, с таким же числом проводников, и сверх того рабочих до 400 человек.

Исправление повинностей подводной и по устройству дорог падает преимущественно на отставных, а квартирной и этапной на всех вообще казаков.

ет от своего частного пользования в принадлежность общественную, в войсковую артель, те из естественных произведений и промысловых угодьев или другого рода выгод обитаемой им земли, которые он может удалить от себя, не впадая через то в скудость или затруднение относительно содержания своей семьи и снаряжения себя на службу царскую. Таким способом составляется войсковое, или, если угодно, общественное хозяйство, а из войскового хозяйства истекает войсковая казна.

Из сказанного видно, что учреждение в населенном черноморскими казаками крае денежных общественных способов или казенных интересов ничего не имеет сходного с существующими в губерниях учреждениями этого рода. В казацкой земле, по единству сословия или общества, все денежные общественные источники направлены в один ящик, которым располагает одно ведомство. Такому единению общественных интересов подлежит даже денежное достояние церкви: церковные суммы прибыльных разрядов (исключая приношения на алтарь) ведаются войсковым начальством. По войсковому положению определены в куренях станичные доходы, но в действительности их не существует по той причине, что не существует еще правильного распределения земли. Вследствие чего войсковая казна нашлась в необходимости уделить часть своего дохода от рыболовного промысла в особые, общественные доходы куреней.

Вот главные статьи войскового хозяйства, или иначе — источники войсковой казны.

Продажа в пределах Черноморья горячего вина, заготовляемого войском на свои капиталы и сбываемого общепринятым в государстве акцизно-комиссионерным способом. Отсюда годового дохода в войсковую казну 400 000 р.

Денежный капитал в два миллиона рублей, составившийся в прежние годы из остатков войсковых доходов против расходов и потом из процентов от обращения этих сбережений в кредитных установлениях. От него указных процентов в год 60 000 р.

Рыболовный промысел вообще и Ачужевский рыболовный завод в частности. Годового дохода 82 000 р.¹

Соляной промысел по войсковым соляным озерам. Годового дохода до 25 000 р.

¹ Доход этот показан в том виде, как давал его откуп, который в настоящее время должен быть заменен другим способом взимания дохода. Правила на это еще не состоялись. Один Ачужевский завод будет оставаться по-прежнему в откупном содержании. Он дает 30 тыс. руб.

Нефтяные источники и пиявочные болота. От них дохода в год до 1000 р.

Пастьба на войсковой земле скота, лошадей и овец, испуленных прасолами, и выгон их за пределы Черноморья, равно как и вывоз разных от них произведений. От этой статьи пошлинного, в роде таможенного сбора в год до 8000 р.

Войсковые лавки и торговые на ярмарках места. Годового сбора до 8000 р.

Сбор с иногородних торговцев за право торговли и с казаков, состоящих в войсковом торговом обществе, до 12 000 р.

Разные мелкие статьи, из которых некоторые принадлежат к городovým доходам в губерниях. Годового от них дохода до 30 000 р.

Наконец, к разряду доходных статей причисляется "жалованье войсковое", установленное Императрицей Екатериной II из государственного казначейства, в годовом окладе 5714 р. 28 к.¹

Всего поступает в войсковую казну дохода в год 631 714 р. 28 к.

Годовой расход из войсковой казны приводится обыкновенно в равновесие с доходом. Главные статьи расхода.

Содержание присутственных мест и других штатных учреждений, равно как и лиц в отдельных должностях по частям: военной, гражданской, медицинской, училищной, духовной и др. до 330 000 р.

Поставка провианта для полков и других частей, содержащих кордонную линию, а также провианта и фуража для внутреннослужащих в войске нижних чинов до 100 000 р.

Содержание артиллерии и конно-ракетных команд до 12 000 р.

Содержание войсковых хоров музыки и певчих 2300 р.

Содержание врачебных и богоугодных заведений до 40 000 р.

Содержание на почтовых трактах почт до 60 000 р.

Содержание переправ на кордонной линии и на почтовых трактах, равно как и пароходного сообщения через Керченский пролив до 9000 р.

¹ В грамоте Екатерины II Черноморскому войску от 30 июня 1792 года изображено: "На производство жалованья кошевому атаману с войсковыми старшинами, на употребляемые к содержанию стражи отряды и на прочие, по войску нужные, расходы повелели Мы отпустить из казны Нашей по двадцати тысяч рублей на год".

Содержание войскового общепольного рассадника и при нем сада 335 р.

Содержание войсковых пансионеров и пансионерок в разных учебных заведениях до 10 000 р.

На разные мелкие и случайные расходы по военной и гражданской частям 50 000 р.

Всего расхода из войсковой казны в год 613 635 р.

Само собой разумеется, что большая часть приведенных цифр по годам изменяется, но из представленного перечня статей дохода и расхода можно видеть их приблизительный объем и значение.

Покойный генерал Вельяминов, командовавший войсками на Кавказской линии и в Черноморье, полагал, что казак не должен быть богат, потому что богатство изнеживает воина. Беспристрастное воззрение на дело обязывает добавить, что казак не должен быть и беден. Казаки никогда не были бедны в действительном значении этого слова. Как ни суров кажется их старинный степной быт, но нужд у них было всегда меньше против средств удовлетворять нуждам. Этот-то перевес средств над нуждами и делал их военными людьми, потому что всегда оставлял им, сколько было нужно, досуга для военного воспитания, для "гулевщины". По мере того, как казак начал подвигаться под общие обязательства гражданственности и цивилизации, нужды его начали увеличиваться, и, если нужды обгонят средства, тогда явится действительная бедность. А бедность с ее непрерывной работой и заботой не даст казаку приготовиться и развиться ни нравственно, ни гимнастически для военного молодечества. Это возможно только при некотором досуге, а досуг возможен только при некотором довольстве, то есть при перевесе средств над нуждами. У противников казаков, кавказских горцев, молодой возраст посвящен наполовину работе и наполовину гимнастическому воспитанию. То же самое должно быть и у казаков, иначе их молодежь не будет знать, как горит на полке порох и как седлается конь, до самого того времени, как нужно стать ей в строй. А она должна знать это гораздо раньше, потому что никакой рекрутской школы или переходного состояния между поселянским бытом и боевой службой для казацкого недоросля не существует. По крайней мере, так это здесь, на линии. Переночевав в последний раз в пастушеском кишле или на гумне, следующую ночь он уже проводит в секрете и разъезде на Кубани. Тут уж учиться владеть оружием и конем поздно. С того возраста, как государственный поселянин становит-

ся работником, а казак служакой, потребности последнего значительно превышают потребности первого, включая даже сюда все, что первый обязан отдать государству. Конечно, казак может выехать на службу и плохо одетый, и плохо обутый, и на коняшке каком-нибудь, но лучше, если все это и многое другое будет у него из хорошего достатка. Тогда и он смотрит бодрее, и на него смотрят с большим доверием. Тогда он будет служить и не тужить, и уличные зеваки не посмеют швырнуть в него прибауткой: "Семеро в кувшине одной мыши не задушили". А потом, сколько в быту казацком случаев вдовства и осиротения и сколько черных дней, про которые не иметь запаса худо. Этих случаев не бывает в быту государственных поселян и наполовину. Всякую, наконец, хозяйственную и промысловую работу государственный поселянин выполняет лучше и, следовательно, с большей для себя пользой, чем казак: он лучше вспашет, лучше засеет и лучше скосит. Казак не дойдет до него в этом, потому что казак делает от этого отвычку на службе.

Очень желательно, чтобы в боевых рядах казаков было сколько можно больше исправных и удалых молодцов, в такой же точно мере желательно, чтобы в домашнем их быту было сколько можно меньше бедняков.

Вот соображения, полагающие известную черту между доходами войсковой казны и домашними потребностями существования, воспитания и снаряжения казаков.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

Степень образованности. Способы к ней. Взгляд на воспитание казачки. Черкесский язык как предмет изучения. Хаджи Нотаук—Шеретлук

Можно ли ожидать благородных и справедливых дел там, где нет в обращении идей, им предшествующих и их вызывающих? Где права и интересы мысли не возбуждают ни в ком сочувствия, где человек, влачась рабски от насущной заботы одного дня к заботе другого, ниспадает до инстинкта животной смысленности и самоохранения?..

Профессор Никитенко

Поучившись грамоте на медные деньги, мужик берет-ся за книгу Бытия, читает, читает и начитывается, а иногда и "зачитывается"¹.

Совершив трудное путешествие, с указкой в руке, до последних пределов псалтыри, где начертано: конец и Богу слава, казак вооружается пером, пишет, пишет и дописывается до чина, или же "записывается". Грамотность в таком роде довольно обширна между черноморскими казаками, и они известны в Кавказской армии как писаки и дельцы. Но эта грамотность, пишущая *без препинаний* и читающая с трудом, точнее должна быть названа письменностью, про которую некоторый писатель пишет: "Чернильная ржавчина точит булат, когда-то страшный туркам и татарам". Просто грамотный человек зовется у казаков "письменным", а пишущий с крючками и без препинаний величается "бумажным" человеком. Бумажных людей в войсковых присутствиях, канцеляриях и комиссиях и даже в станичных правлениях — много, и перья их скрипят неутомимо, мало уступают скрипу арб, слышному на закубанской стороне, но печальный опыт показывает, что дело скрипа их не боится и совсем не торопится скрыться во

¹ Явление, известное в простом народе как болезнь вроде горячки.

мраке архива, что несравненно лучше быть человеком сведущим, чем бумажно-скрипящим, и несравненно полезнее было бы для общества, если бы молодые годы, посвященные скорописанию, мы отдали учению. Высказывающий эту истину совершенно далекий от мысли сказать через нее: *несмы яко же прочии человецы*. Нет, он прямодушно сознает, что создан из персти недостатков своего общества, что он сам — "того же теста кныш". И его мелкое и мелкое самолюбие хватают судороги, когда уважение к истине и любовь к родине — одной малой, как муравейник, и другой великой, как мир, — предписывают ему не брать на кисть светлой краски для изображения вещи темной. Как же мы сделаемся лучшими и как наше положение сделается лучшим, если разумно не сознаем и с честным прямодушием воинов не обличим того, что в нас и у нас дурно? Отцы наши думали сами благоденствовать и нам передать обеспеченное благоденствие в одиночку и втихомолку, в отделе от общества и в тени один от другого, но мы ясно видим ныне, как велика была их ошибка. Вместо благоденствия в одиночку мы наследовали от них убеждение на опыте, что прочное, переходящее из рода в род, благоденствие зиждется только в обществе, а общество скрепляется только обогащением ума сведениями и облагородствованием сердца добрыми стремлениями — образованием и воспитанием. Неуспешный ход дел в местах, где заключена высшая наша умственная и нравственная деятельность, мы взваливаем на штаты, мы обвиняем их в ограниченности. Но если бы штаты вдруг получили способность оправдываться, что бы они сказали в свою очередь про нашу ограниченность? Будем же мало-мальски беспристрастны; пусть стихнет самолюбие, этот недобрый северо-восточный ветер нашей доброй, плодотворной природы, — пусть стихнет и даст нам прислушаться к голосу воспоминаний нашего детства. Слава Богу и Царю-Отцу — теперь не то, но тогда путь к просвещению, что ныне мерцает отчасти в наших канцеляриях и присутствиях, лежал через школу приходского дьяка и через писарню земского поветья, где наше робкое детское перо погружалось в обломок бутылки, заменявший чернильницу. Не был он длинен, этот путь, но шел по скалистой и крутой стороне Парнаса и был усеян тернием титл, словотитл и кавык. От цветущей долины первых игр детства до чернильной вершины войскового Парнаса считалось три поприща: грама́тка, часловец и псалтырь. Последний шаг на каждом из этих трех поприщ ознаменовывался триумфом.

Школяр, делавший победоносный переходный шаг, являлся в бибель науку в праздничном кафтане и с таким большим, как сам почти, горшком каши, приготовленной с роскошью не в пример обыкновенным кашам. На поверхности горшка возлежали дары наставнику: кусок шелковой материи и медный ключ к дверям дальнейшей грамотности — гривна медных денег¹.

Это лакомое приношение как для питомцев, так и для воспитателя, без сомнения, осуществляло изречение, приводимое в пример периода уступительного: хотя корень учения горек, но плоды его сладки. Сблаговоллив принять дары и совершив обряд поднятия дароносного отрока за уши выше стола с пожеланием: "Вот какой расти", учитель повелевал ученикам закрыть книги (что исполнялось с живейшим удовольствием), ставил между невкусной умственной пищей вкусную кашу и погружал в недра символического яства ложку — сам и птенцы его. Яство сие снедалось столь благоговейно, что каждая оброненная из ложки крупинка призывала на небрежно ядущего удар грозной тройчатки, каковая для сей именно цели возвышалась в левой руке наставника над головами детей как меч Дамокла. Бедные невинные существа получали урок, который, конечно, не удерживался у них в памяти, пока наступало время приложить его к делу, урок, с какой осторожностью и умеренностью надлежит пользоваться благами жизни. По окончании трапезы сам наставник возглашал: "Едят убозии и насытятся" — и выходил из храма Минервы; за ним в шумном шествии ученики выносили пустой горшок и вешали его на самый высокий кол плетня, охраняющего вертоград просвещения от нашествий невежественных животных. Потом из того же плетня запасались они палками, и с расстояния, указанного перстом наставника, разбивали сосуд, еще так недавно услаждавший их вкус. По совершении такого, по-видимому, неблагоприятного поступка будущие казаки бросались подбирать черепки, и кто успел нахватать их побольше, тот вящего достаивался одобрения из уст педагога. И черепки летели в воздух, один выше другого: испытывались упругость и метательная сила детской руки. О, где та творческая кисть, которая воспроизвела бы нам сияющий гор-

¹ Это называлось в старой Франции Minervals. Описываемый обычай мог зайти на Украину, конечно, через Польшу. Но замечательно, что этот же горшок с кашей и дарами встречается за Кавказом, в народных школах армян.

дым и вместе добродушным самодовольствием лик куренного ментора — корифея и Пиндара этих олимпийских игр, теперь так далеких от нас, казаков стареющего поколения!..

И под грубой внешностью этого школьного обряда не была ли сокрыта разумная мысль о необходимости для детей, призванных к славному поприщу военному, о необходимости образования нравственно-умственного неразлучно и неразрывно с развитием внешним, с образованием гимнастическим?

На таких именно началах учреждена в Черноморском войске с 1849 года гимназия с благородным при ней пансионом. Сверх общеустановленного курса введены в старшие классы войсковой гимназии военные науки, фехтование, маршировка, стрельба, верховая езда и плавание. В зависимости от этого среднего учебного заведения, благотворительно приспособленного к военному призванию общества, существует в Черноморье восемь заведений низших. Из них при двух окружных училищах, в куренях Уманьском и Полтавском, учреждены благородные пансионы. Заведение для воспитания детей женского пола предназначено учредить при недавно открытой Мариинской женской пустыни.

Высший класс начинает живо чувствовать потребность воспитания женского пола. Это в естественном порядке и ходе дел. Но как должно быть составлено и направлено общественное воспитание женщин в высшем сословии черноморских казаков? Этот вопрос был затронут и решен еще недавно. При учреждении в Донском войске института для воспитания благородных девиц, в 1850 году, было предназначено в нем до десяти вакансий для дочерей дворян Черноморского войска. Так как дело касалось войсковой казны, из которой должна была производиться плата за черноморских пансионеров, то войсковому начальству сделан был запрос: нужно ли и полезно ли предположенное для дочерей черноморского дворянства институтское воспитание? Тогдашний начальник войска, знавший край и общество как никто другой и любивший говорить правду с истинно военным прямодушием и беспристрастием, отвечал следующим замечательным мнением¹:

¹ Рапорт исправлявшего должность наказного атамана Черноморского войска генерал-лейтенанта Рашпиля командовавшему войсками Кавказской линии и Черномории генералу от кавалерии Заводовскому от 22 февраля 1851 г. за № 643.

“Дворяне Черноморского войска не обладают недвижимыми именными, крестьянами населенными, и не имеют никаких фондов, от которых могли бы получать доходы без личного труда. Напротив, дворянин в Черноморском войске поставлен в обязательство быть лично земледельцем и сельским хозяином, точно так же, как и простой казак, с той только разницей, что первый обязан, соразмерно с большинством своих нужд и потребностей, более трудиться, чем последний: потому-то и для того-то первому дается более земли, чем последнему. В этом и состоит некоторое различие, но отнюдь не отличие в быте дворянина и казака. В сущности же быт обоих одинаков: как тот, так и другой получают только в пожизненное пользование землю, но никаких, кроме личного труда, посредствующих пособий к извлечению для себя пользы из земли.

Таким образом, беспоместное вообще, дворянство Черноморского войска не имеет других к своему пропитанию и к снаряжениям на службу источников, кроме земледелия и скотоводства, или, одним словом, сельского, в теснейшем значении, хозяйства, потому что все прочие промысловые статьи в этом краю принадлежат исключительно войсковой казне — источнику удовлетворения нужд войсковых или общественных. Из сего явствует, что дворянин вне службы обязан снискивать себе пропитание тем же самым путем, что и простой казак. А как по роду своей казачьей службы дворянин часто покидает свое хозяйство и даже свой край, то от этого происходит, что дворянки, или женский вообще пол дворянства, несут большие обязательства по части труда и хозяйства, чем служилый пол мужской. Уходя на далекую или близкую службу Государеву, здешний казачий дворянин оставляет на единственном попечении своей жены сбережение, поддержание и развитие своего хозяйства, равно как и воспитание детей, будущих казаков Государевых. От трудолюбия и рачительности жены исключительно и безусловно зависит благосостояние дворянина и его семьи. Это показывает насущный опыт. Тот же опыт показывает, что если здешний казачий дворянин, разбогатев, начинает уклоняться от нормального своего земледельческого быта, начинает забывать простоту нравов и образа жизни своих отцов и жить на барскую статью, то в скором времени разоряется и ближайшему своему поколению оставляет нищету. Все почти войсковые аристократические, богатейшие фамилии 1800-х годов ныне низошли на низшую степень убожества. Не

приученные к простоте и трудностям своего быта, потомки таковых разорившихся дворянских фамилий, а по их примеру и многие другие, в позднейшее время достатки свои расточившие или же вовсе нажить их не старавшиеся, войсковые чиновники начинают ныне делаться тягостным бременем для начальства и общества. Уклоняясь от своего земледельческого быта, они вне служебных очередей не находят употребления своему свободному времени и чрезмерно докучают войсковому начальству просьбами, на словах и на бумаге, о том, чтоб им давали должности и службу — не для должностей и службы собственно, а дабы в должностях и службе обрести им способы к жизни за неимением других к тому способов. Это явление, постепенно принимающее обширнейшие размеры, я не знаю, до чего доведет так называемый дворянский здешний класс народа, если класс этот совсем выйдет из своей колеи. Первоначальная же причина этого неутешительного явления кроется в недрах семейств, где священное имя матери и хозяйки утратило свое значение. Вообще, мы, казаки, до тех пор только можем быть счастливы для себя и полезны для царских служб, пока наш женский пол не предъявит претензий на барство.

Все это высказано мной к тому только; чтоб показать особенность назначения женщины в быту дворян Черноморского войска, назначения, которое прямо и положительно заключается в воспитании и приготовлении здешнего дворянского юношества женского пола для труда, хозяйства и рачительного призрения своих семейств, а не для парадов и удовольствий так называемого изящного света. В таком убеждении, не умозрениями, но действительностью и опытом во мне поселенном, я с глубочайшим благоговением читал в копии отношения г. Военного Министра к г. Главнокомандующему Кавказским корпусом от 6 августа 1850 года за № 678, священные слова **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**: *воспитательное для девиц заведение на Дону должно иметь главнейшей целью образовать для края как бы рассадник благоразумно просвещенных жен, хозяек и в особенности матерей, которые, будучи первыми наставницами детей, поселили бы в юных сердцах чувства христианского смирения и благоговения к воле Господней, искреннюю приверженность к православной церкви и неограниченную преданность к престолу; приучали бы дочерей своих к хозяйству, рукоделиям и порядку согласно с бытом и обычаями казаков.*

Вот действительное определение назначения женщины в быту народа, которому суждено оружием снискивать воинские доблести, а сохой способы к жизни. Такие христианские качества именно и преимущественно должны быть усвоены сердцем казачек, которые каждый раз, как провожают своих мужей и сыновей на службу, находятся в опасении остаться вдовами и сиротами. И если это было сказано для донцов, которые веками упрочили свое благосостояние, для которых существуют права потомственной земельной собственности, у которых собственного рабочего крепостного народа в полтора раза более, чем всех вообще жителей в Черноморском войске, и которых край находится несравненно в выгоднейшем положении, то тем более должны применить вышесказанное к своему положению и своему быту мы, черноморцы, которые еще так недавно заселили дикий и негостеприимный край, у которых даже нет других рабочих средств, кроме собственных рук, у которых нет еще ни одного рекомендательного памятника общественного благоустройства. В теперешнем нашем положении и в отношении к тому быту, какой нам Государем Императором указан, дочерям нашим высшего институтского образования не надобно. А тем более не приходится войску на счет своей казны, которая нужна на другие, существеннее важные предметы, доставлять таковое образование юным казачкам в Донском институте. Следственно, и предлагаемые для Черноморского войска в том институте вакансии войску сему не нужны. Если же кто из немногих зажиточных здешних дворян пожелает образовать своих дочерей в сказанном институте, таковой волен это сделать на собственный счет. Принимать же на войсковое иждивение образование в оном институте дочерей войсковых дворян — бедных бесполезно и даже вредно, а богатых несправедливо. Когда же окончательно устроится наша Мариинская женская обитель, в то время, на основании Высочайшего указания, мы будем ходатайствовать об учреждении под священной сенью той обители образовательного для нашего казачьего женского юношества заведения, на таких началах, какие Государем Императором в духе истинной мудрости предначертаны (выше оные изъяснены) и какие нашему домашнему быту, служебному призванию и степени нашей цивилизации действительно соответствуют”.

Мнение было принято, и проект об институтском воспитании дочерей черноморских дворян оставлен. Конечно, не будет это мнение забыто и при учреждении воспитательного заведения в Мариинской обители.

Для первоначального обучения детей войскового духовенства существует в городе Екатеринодаре уездное духовное училище, подчиненное Ставропольской семинарии.

Гимназия с принадлежащими к ней низшими училищами составляет *Дирекцию училищ Черноморского казачьего войска*, подведомственную попечителю Кавказского учебного округа и содержимую на счет войсковой казны с некоторой добавкой из станичных доходов всех сообща куреней¹.

На счет той же казны войско содержит из детей своего дворянства: 10 воспитанников в отделении восточных языков при Новочеркасской гимназии, 5 в Харьковской гимназии и тамошнем университете, 2 в одной из с.-петербургских гимназий, 14 в военно-учебных заведениях, 1 в инженерном училище, 2 в лесном институте, 1 в горном и 1 в институте корпуса путей сообщения.

Всех учащихся в заведениях, как в войске, так и на стороне, средним числом 600 собственно казачьего сословия. По числу жителей мужского пола того же сословия приходится один учащийся на 141 человека.

Юные казаки даровиты и восприимчивы, но несколько расположены чувствовать духоту в стенах школы и "тикать" в степь — *faire l'école buissonnière*, может быть, оттого, что растут они в одиночку, по глухим хуторам. Мудрому воспитателю предлежит внимательный уход за этими освещенными южным солнцем и рано расцветающими воображениями.

В пансионах при гимназии и двух окружных училищах учреждены особые вакансии для детей мирных черкесских дворян. Мера благотворная и совпадающая с нравами закубанских горцев. У них дети людей, отличенных родом, воспитываются не там, где родились, но на стороне, в чужих семействах и как можно дальше от родительской нежности. Отец, когда бывает в том ауле, где воспитываются его дети, не войдет в дом их аталыка (воспитателя), если не захочет покрыть себя стыдом.

Школьное сотоварищество казаков и горцев молодого возраста помогает первым изучать язык последних, преподавание которого введено в гимназический курс. Изучение этого языка для черноморских казаков, поставленных в самые близкие и разнородные сношения с горцами, совершенно необходимо. И надобно сказать, что оно вполне доступно только для детского возраста. Язык горцев черкесского, или адигского, племени очень небогат числом

¹ Училище в п. г. Ейске содержится из городских доходов.

слов, но очень труден для изучения по выговору. Частые придыхания, скудость гласных и огромное стечение согласных букв в слогах — вот что делает выговор его трудным, для взрослого человека непобедимым. Этот язык без звуков, кажется, создан только для таинственных переговоров листьев прикубанского осокора с полуночным ветром да закубанских хищников между собой, когда они располагают ночное нападение. В пример бедности языка приведем осложнение простого слова *ахгхо* — пастух: *шсш-ахгхо* — табунщик, *мел-ахгхо* — овчар, *чем-ахгхо* — скотарь, *кхгг-ахгхо* — свинопас, *бсж-ахгхо* — пчеловод, буквально — *пастух пчел!* И из подобных, одно к другому за волосы притянутых слов большая половина языка составлена. Буйвол и петух в одно ярмо заложены. Редкое существительное не в кумовстве и свойстве со всеми остальными существительными, к чему много способствует малоколичественность слогов в словах — естественное следствие скудости гласных букв в них.

Адигский язык не имеет письменности, и нелегко передать все оттенки его звуков, дыханий и шипений посредством какого бы то ни было алфавита. В этом отношении он сродни неудобоизобразимому языку Серединного государства. Однако сделаны уже опыты составления для языка закубанских горцев алфавита и грамматики. В какой степени они удачны, покажет само дело. Но замечательно, что еще задолго до того, как язык адигского племени обратил на себя внимание ученых, та же мысль — сделать его письменным — занимала долго и глубоко одного природного шапсуга, жившего в верховье речки Богундыра, среди населения в превосходной степени разбойнического. Дворянин Хаджи Нотаук-Шеретлук (так звали этого замечательного горца, приятельски известного передающему нижеследующий факт) был старый человек, с обширной и белой, как крыло богундырского лебедя, бородой, с добрым и задумчивым взглядом и, что важнее всего, с миролюбивыми идеями, за которые, как сам сознавался, не был он любим в своем околотке. В ранней молодости совершил он путешествие в Мекку со своим отцом, который, лишившись двух ребер и одного глаза на долголетнем промысле около русских дорог и хуторов, удостоился скончаться под сенью колыбели ислама немедленно после поклонения. Оставшись сиротой на чужбине, молодой Хаджи Нотаук приютился в одном из медресе правовернейшего города и там провел пять лет в книжном учении. Наконец вернулся он на родину и женился.

Война, слава, добыча не имели уже для него ни малейшей прелести. Предоставив своей наследственной винтовке ржаветь в чехле, Хаджи зарылся в книги и сделался муллой, к удивлению всех, ближних и дальних уорков. "Клянусь, что во всю мою жизнь, — собственные слова Нотаука, — я не выпустил против русских ни одного заряда и не похитил у них ни одного барашка". Хоть трудно, а надо верить. Под старость Хаджи Нотаук завел на Богундыре медресе, забывал для него пашню и покос, но видел с прискорбием, что его адигские питомцы, прочитывая нараспев арабские книги, не выносят из них ни одной мысли по той простой причине, что книги те писаны не при них, не на их языке. Тогда сеятель просвещения в богундырском терновнике задумал перевести арабские книги на адигский язык и стал сочинять адигский букварь. Но его долгий и упорный труд был прерван и превращен в пепел странным событием, напоминающим повествование о разбитой чернильнице Лютера, когда он трудился над переводом латинской библии.

"Долго ломал я свою грешную голову, — личная речь Хаджи Нотаука, — над сочинением букваря для моего родного языка, лучшие звуки которого, звуки песен и преданий богатырских, льются и исчезают по глухим лесам и ущельям, не попадая в сосуд книги. Не так ли гремучие ключи наших гор, не уловленные фонтаном и водоемом, льются и исчезают в камыше и тине ваших прикубанских болот? Но я не ожидал, чтоб мой труд, приветливо улыбавшийся мне в замысле, был так тяжел и неподатлив в исполнении. Сознаюсь, что не раз я ворочался назад, пройдя большую половину пути, и искал новой дороги, трогая другие струны, и искал других ключей к дверям сокровищницы знаков и начертаний для этих неуловимых, не осязаемых ухом отзвуков от звуков. В минуты отчаянного недоумения я молился. И потом мне чудилось, что мне пособляли и подсказывали и утреннее щебетанье ласточки, и вечерний шум старого дуба у порога моей уны (хижины), и ночное фыркание коня, увозящего наездника в набег. Мне уже оставалось уломать один только звук, на один только артачливый звук оставалось мне наложить бразды буквы, но здесь-то я и не мог ничего сделать; на этом препятствии я упал и больше не поднимался. Дослушай. В один ненастный осенний вечер тоска меня гнетила, тоска ума это не то что сердечная кручина, это жгучей и злей. Я уединился в свою уну, крепко запер за собой дверь и стал молиться. Буря врывалась в трубу очага и возмущала разложенный на нем огонь. Я молился и пла-

кал, вся душа выходила из меня в молитве, молился я до последнего остатка телесных сил и там же, на ветхом килиме молитвенном, заснул. И вот посетило меня видение грозное. Дух ли света, дух ли тьмы стал прямо передо мной и, вонзив в меня две молнии страшных очей, вещал громовым словом: "Нотаук, дерзкий сын праха! Кто призвал тебя, кто подал тебе млат на скование цепей вольному языку вольного народа адигов? Где твой смысл, о человек, возмечтавший уловить и удержать в тенетах клочок горного потока, свист стрелы, топот бранного скакуна? Ведай, Хаджи, что на твой труд нет благословения там, где твоя молитва и твой плач в нынешний вечер услышаны; ведай, что мрак морщин не падает на ясное чело народа, доколе не заключил он своих поколений в высокоминаретных городах, а мыслей, и чувств, и песен, и сказаний своих в многолиственных книгах. Есть на земле одна книга, книга книг — и довольно. Повелеваю тебе — встань и предай пламени нечестивые твои начертания и пеплом их посыпь осужденную твою голову, да не будешь предан неугасающему пламени джехеннема..." Я почувствовал толчок и вскочил, объятый ужасом. Холод и темнота могилы наполняли мою уну. Дверь ее была отворена, качалась на петлях и уныло скрипела — и мне чудились шаги, поспешно от нее удаляющиеся. Буря выла на крыше. На очаге ни искры. Дрожа всеми членами, я развел огонь, устроил костер и возложил на него мои дорогие свитки. Я приготовил к закланию моего Исхака, но не имел ни веры, ни твердости Ибрагима. Что за тревога, что за борьба бушевали в моей душе! То хотел я бежать вон, то порывался к очагу, чтоб спасти мое умственное сокровище, и еще было время. И между тем я оставался на одном месте, как придавленный невидимой рукой. Я уподоблялся безумцу, который из своих рук зажег собственное здание и не имел больше сил ни остановить пожара, ни оторвать глаз от потрясающего зрелища. И вот огонь уже коснулся, уже вкусил моей жертвы. В мое сердце вонзился раскаленный гвоздь; я упал на колени и вне себя вскрикнул: "Джехеннем мне, но только пощади, злая и добрая стихия, отпусти трудно рожденное детище моей мысли!..." Но буря, врываясь с грохотом в широкую трубу очага, волновала пламя и ускоряла горение моего полночного жертвоприношения. Я долго оставался в одном и том же положении, рыдал и ломал себе руки...

На другой день уже весь Богундырь знал о моем ночном приключении, хоть я сам и не говорил про него никому ни слова..."

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

Заведения врачебные и богоугодные. Учреждения, посвященные подвигам спасения

В Запорожском и старого времени Черноморском войске по всем необходимейшим в строении общества должностям, или званиям, были особые представители, носившие одинаковый с предводителем войска титул: *войсковой*, то есть один изо всего и для всего войска. Был войсковой судья, который чинил суд и расправу; был войсковой писарь, который хранил войсковую печать и рассылал по куреням "листы" (приказы); был войсковой есаул, который заведовал делами полиции; был войсковой "протопопа", который имел попечение о церкви; был войсковой "пушкарь", который заправлял артиллерией; был войсковой "довбыш", который бил в литавры сбор и тревогу, и был даже войсковой "кухарь", или интендант по части продовольствия. Но, к удивлению, не было одного, очень нужного лица — не было войскового лекаря. Ужели тогдашние казаки были закалены до того, что их не брала никакая болезнь? Нет, это было бы выше человеческой природы. Платили и тогда дань природе, а еще большую дань платили войне: бывали больные и еще чаще бывали раненные. Но врачебная помощь не выходила из ряда обыкновенных услуг между односумами, и в каждом односумстве были люди, обладавшие знанием добрых свойств растений и магической силой наговоров. К разряду таких людей принадлежали преимущественно артельщики и кашевары. И дома, и в походе не переводился у них запас лекарственных зелий и снадобий. Были они люди самых строгих правил, считали за грех дать уголек на трубку из костра, на котором варилась каша, обет безбрачия выполняли ненарушимо и за свою "працю" (практику) не требовали ни воздаяния, ни известности. И, может быть, эта самая скромность была причиной, что в составе войскового штаба не имелось войскового лекаря. Не будем касаться наговоров: темна вода во облацех воздушных. Но лечение травами, в разных видах, была чистая действительность. Самые тяжелые раны излечивались мазями из соков растений. Кто найдет это противным науке и теории

вероятностей, может справиться с современным опытом, за которым не нужно дальше идти, как в аулы закубанских горцев, там тот же самый способ лечения ран растительными, жидкими мазями. Натура, скажут, сильная, неиспорченная натура... Могла лечить и натура, но односумы, как упомянуто, все-таки помогали. Раненому не давали спать около трех суток, у его изголовья стучали в бубен и пели боевую песню. Лежал ли он на биваке или в курене, пред его глазами раскладывали огонь, блеск которого облегчал тоску, какая чувствуется от потери крови и избытка телесных страданий. Пуще всего не допускали к нему людей с дурным глазом, с излишней, если угодно, восприимчивостью. Ни в каких костераздроблениях не прибегали к помощи хирургии, на конец концов ей предпочитали смерть. Но если приключался антонов огонь, тогда другое дело, тогда бывали пациенты, что сами себе простым ножом отхватывали ногу или руку. Если нужно было вывести осколки кости из прострела ноги или руки, то вводили в рану волосяную заволочку и дергали ее взад и вперед несколько раз. Больше ли тогда было выздоравливающих или больше умирающих — отчетов не сохранилось; дело хоть и не слишком давнее, да не письменное.

Теперь же народное здоровье в куренях охраняется окружными медиками и лазаретами, которых три: один на Таманском острове, в курене Темрюкском, другой на половинном протяжении Кубани, в укрепленном посту Старокопальском, и третий в главном месте Ейского округа, курене Уманьском,— каждый на 25 больных. Кордонная линия находится под попечением четырех участковых врачей, между которыми она поделена на медицинские участки. В войсковом городе Екатеринодаре состоят: войсковой госпиталь на полтораста больных и войсковая аптека. Там же находятся: богадельня с отделением для умалишенных на 60 и при ней больница на 25 лиц. В здании богадельни устроена церковь. К чести войсковой филантропии, надобно сказать, что здание богадельни самое лучшее во всем войске.

В войсковом госпитале бывает больных в течение года больше 4000, из них умирает больше 200. В трех окружных лазаретах бывает больных до 3000, из них умирает тоже больше 200. Окружные лазареты помещаются с меньшими удобствами, как войсковой госпиталь.

По войсковому штату предназначена к открытию еще одна богадельня. Место для нее указано на Лебежем полуострове, при Николаевской монашеской пустыни, осно-

вание которой почти современно поселению Черноморского войска на Кубани. По единодушному желанию новосельцев, одинаково преданных православной вере и у порогов Днепра, и у низовьев Кубани, Николаевская пустынь учреждена в 1794 году — "для доставления престарелым и раненым на войне казакам, по богоугодному их желанию, спокойной в монашестве жизни". Содержание же пустыни отнесено "во всем без оскудения на попечение и иждивение войска Черноморского"¹.

Боевые люди и переселенцы, едва занявшие новый край биваком, думали уже о сооружении и содержании монашеской обители! Чтобы пояснить мало-мальски эту особенность, надобно сказать, что у черноморцев старого времени церковь сливалась с войском и духовенство составляло нераздельный с остальным казацким сословием элемент. Казаки назначали из самих себя священников и причетников, которых кошевой атаман передавал епископу Феодосийскому для испытания и посвящения. Это была одна из давних привилегий войска². Нужно ли говорить, что при действии такой привилегии многим заслуженным казакам, сжегшим не одну лядунку пороха на войне, доставалось еще взжигать кадило у алтаря? И как все казаки того времени, старый и малый, брили голову, то случилось, что назначенные в "пан-отцы" кандидаты являлись к архиереям на постриг с одной "чуприной" — небольшим пучком волос на голове.

Николаевская пустынь получает от войска денежного жалованья 522 руб. 50 коп. в год и обеспечена значительным хозяйством, заключающимся в рогатом скоте, лошадях, рыбных ловлях, водяных мельницах, садоводстве и пчеловодстве. Для присмотра за хозяйством наряжаются от войска эконо и команда из шестнадцати внутренне-служащих казаков. Монашествующей и послушествующей братии в обители до сорока лиц. В числе старцев можно еще отыскать участников очаковского штурма.

Из монастырских сооружений замечательна каменная соборная четырехпрестольная церковь, по обширности размеров, величию архитектуры и внутреннему благолепию едва ли не первое на всем Подкавказье здание. Сооружение и внутреннее украшение ее стоило до полумил-

¹ Указ Государыни Екатерины II Святейшему Синоду от 24 июля 1794 г.

² Она отменена окончательно войсковым положением 1 июля 1842 года.

лиона рублей восьмисотых годов. Вся эта сумма составлена была из войсковых и частных приношений казаков. В монастырской ризнице находятся старинные облачения, книги и утварь, перешедшие по наследству в Черноморское войско из упраздненного Киево-Межигорского монастыря, которого войско Запорожское было "вкладчиком", а кошевой атаман того войска "ктитором". Посетив ризницу, можно остановить внимание на следующих почтенных по своей давности предметах¹.

Крест кипарисный, оправленный в серебро, с серебряным пьедесталом. Надпись: "Крест отменил (отказал) казак Поповичевского куреня Софроний 1769 года в Межигорский монастырь".

Евангелие, московской печати, с резной по серебряной оправе надписью: "1766 г. м. августа сделано сие евангелие в ставропигиальный Киево-Межигорский монастырь коштом того ж монастыря епископа Василия Завадского".

Серебряный, вызолоченный сосуд с надписью: "1753 г. сия чаша дискос и звезда К. М. М. (Киево-Межигорского монастыря) сделана коштом иеромонаха Феодорита".

Серебряный дискос с надписью: "За благословением о. архимандрита Арсения Бирла сделана сей дискос до мон. спаского Межигорского в р. (року) 1725 февраля 26 д."

Митра красного бархата с шестнадцатью серебряными бляхами и с таким же обручем. Надпись на обруче: "1711 г. Божию милостию смиренный Варлаам Косовский епископ иркуцкий и нерчинский и даурские страны из Межигория".

Евангелие, московской печати, 1687 года, в серебряной оправе. Весу в серебре один пуд десять фунтов, с золотниками. Рукописная надпись: "Сию книгу великий господин всесвятейший кир Иоаким Московский и всея России и всех северных стран патриарх даде в Киевской Межигорской общежительной монастырь в вечное поминовение по родителех своих, лета от рожд. Иисус Христова 1689 м. дек."

Риза красного штофа с золотыми и шелковыми травмами. Оплечье красного бархата, и на нем вышито золотом и серебром Преображение Господне. Надпись шитая: "Помяни Господи раба своего Кондратня и рабу свою Меланию и чад их. Кошту Яна Настича року 1661. М. А. Z."

¹ Приведением в порядок ризницы и устройством своим по всем частям пустынь много обязана неусыпной заботливости нынешнего достопочтенного отца настоятеля, архимандрита и кавалера Никона.

Евангелие, московской печати, 1644 года, в серебряной оправе. Рукописная надпись: "Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Сие св. Тетраевангелие, оправное властным коштом и накладом в Бозе превелебного его милости господина отца Варнавы Лебедевича игумена и всея о Христе братии св. общежительные обители Межигорские Киевские дарованное и оферованное на престол в храм трисвятого Преображения Вседержителя Господа Бога тое ж святой обители вечными часы за отпущение грехов своих..."

Апостол (книга): "Во граде Киеве накладом Е. М. (его мосци) пана Богдана Стеткевича подкоморного мстиславского, в типографии Спиридона Соболя року 1630".

"Евангелие учительное, або казаня на недели и праздники Господские, Кирилла Транквилиона в Рахманове, 1628 года".

Риза красного бархата с золотыми травами. На оплечье вышиты золотом и серебром лики Спасителя и некоторых святых. Надпись шитая: "Року 1625 сии ризы надал раб Б. Григорий Дос в обитель Межигорскую при отце игумене Комментарии".

"Евангелие учительное, або казаня св. о. нашего Каллиста архиеп. Конст. пред двама сты лет по кгрецку написанных, а теперь новозгрецкого и славянского языка на русский переложены працею и старанием иноков общежительного монастыря братского Виленского св. животворящего Духа, року 1616".

Из представленных образчиков ризничной старины видно, что в Николаевской пустыни живет память существовавшего в Киеве Межигорского монастыря, с которым связаны воспоминания Черноморского войска.

В день св. Николая, 9 мая, и в день Преображения Господня, 6 августа, в дни, бывшие храмовыми праздниками в древнем монастыре Межигорском, бывают и в Николаевской пустыни храмовые праздники, на которые стекаются со всех концов Черноморья, земли Кавказского войска и Ставропольской губернии мошельщики и говельщики. За ними следуют в своих громоздко наложенных кибитках ярмарочные торговцы. Недосыгаемые вервием, изгнавшим торжников из храма соломонова, они прикрепляют к стенам монастыря свои подвижные балаганы, как пауки свои паутинники, и располагаются с товаром. В оба праздничные дня по окончании молитвы внутри обители открывается у ворот ее ярмарка. Это в нравах народа: так от этого не падает никакой тени на молитвенное его прибежище.

Учреждение мужской иноческой обители было выражением усердия к вере первобытного Черноморского войска, половину которого составляли неженатые товарищи, "сиромы" (взрослые сироты), только что призванные тогда грамотой Государыни Екатерины¹ "к распространению семейственного жития". С той поры протекло больше половины века, и благопопечительная воля Матери Царицы² достигла конечного исполнения. Из бездомного, бесменно ратующего товарищества при подошедшем к нему в подмогу семейном народонаселении Малороссии Черноморское войско преобразилось в семейное, военно-гражданское общество. Утратив без сожаления сиротский быт своих дедов, оно сохранило как лучшее от них наследство благочестивое усердие к православной вере. И это чувство выразилось вторично и в позднейшем населении набожным желанием основать в пределах войсковой земли монашескую женскую обитель. Событие недавнее, вот его подробности.

В 1846 году казачки, посвятившие себя иноческому житию в разных монастырях Малороссии, навестили Черноморье со скорбным сетованием о несуществовании на родной их земле иноческого для них приюта. Их благочестивый, если позволено так выразиться, ропот, подкрепленный народным сочувствием, подвинул войсковое начальство сделать представление об учреждении на Черноморье женской общежительной пустыни во имя св. Марии Магдалины, драгоценное казакам имя, носимое Августейшей Супругой порфирородного Атамана казачьих войск в то время. Согласно с предначертаниями войскового начальства в военном совете состоялось положение об учреждении сказанной пустыни на следующих основаниях:

"Пустынь предназначается для лиц женского пола собственно войскового сословия.

Для устройства сей пустыни и вообще для ее довольствий отвести пустопорожнее, принадлежащее войску место на реке Керпилах в количестве 171 десятины и 35 десятин под водами земли.

Сооружение обители с церковью и прочим по плану, какие будут **В Ы С О Ч А Й Ш Е** утверждены, производится на счет добротных приношений и пожертвований.

¹ От 29 июня 1792 года.

² Так казаки старого Черноморья именовали во всех случаях, частных и официальных, Государыню Екатерину II.

В пособие на этот предмет от войска отделить из войскового капитала 20 тысяч руб. сер., которые внести в одно из кредитных учреждений. Проценты на этот капитал в течение 20 лет предоставляются пустыни; по миновании же 20 лет 20 тысяч руб. сер. обращаются в войсковые суммы, и вместе с тем прекращается отпуск пустыни процентов.

В штате обители должны состоять:

	Число лиц	Им жалованья сер. в год	
		Одному руб. коп.	Всем руб. коп.
Игуменья	1	48—	48—
Казначая	1	18—	18—
Монахинь	15	9 —	135—
Священник	1	130—	130—
Дьякон	1	86—	86—
Причетников	2	20—	40—
Просвирия	1	13—	13—
Служителей из казаков внутренней службы для присмотра и хозяйствен- ных занятий по обители	8	—	—
	30	" "	470—

Исчисленные по штату 470 руб. сер. в год, а также провиантское довольствие служителям из казаков внутренней службы производится со времени открытия обители из сумм Черноморского казачьего войска.

На поддержание зданий обители и ризницы обращать исключительно кошелевковые и от свечной продажи вырученные деньги.

Пустыни предоставляется собственными средствами добывать для своего обихода на ближайших войсковых озерах до 300 пудов соли с платой установленного в пользу войска акциза.

В иерархальном, церковном, хозяйственном и во всех других отношениях обитель состоит в непосредственной зависимости от духовного ведомства на общих правилах.

Жителям войскового сословия дозволяется отдавать на

воспитание в обитель детей женского пола по взаимному соглашению родителей с инокинями. Впоследствии же, когда обитель получит прочное основание, предоставляется начальству войти с особым представлением об учреждении при ней женского пансиона".

Такое положение **ВЫСОЧАЙШЕ** утверждено в 11 день декабря 1848 года. В следующем, 1849, году назначена в Мариинскую пустынь первая настоятельница — игуменья Митрофана (в миру есаульша Золотаревская) и совершено заложение обители на левом берегу Керпилей между куренями Тимошевским и Роговским.

Ревностная к богоугодному делу, как природная казачка, мать Митрофана не замедлила положить начало устройству обители и соорудить в ней деревянный храм. В прекрасный апрельский день 1850 года на лоне расцветшей степной весны последовало освящение новосозданного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы. То был день, с которого Мариинская обитель начала свое неусыпное молитвенное бытие. И первая молитва новой обители была за **БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕГО ГОСУДАРЯ**, учредителя ее, и за Августейшего Атамана и Супругу Его, имя которой соединилось навек с существованием святого учреждения.

Не твряя пред человеки о щедрых пожертвованиях, принесенных добрым казацким народом в основание Мариинской пустыни, скажем несколько слов о том значении, с каким явилось между казачьими станицами это духовно-нравственное учреждение.

Прежде всего, здесь обретут молитвенное утешение и нравственное успокоение от бремени мирской жизни старицы и вдовы, потерявшие на защите отечественного порога своих кормильцев и помощников или же понесшие другие невозвратные утраты в крае, стольким лишениям подверженном. *Придите ко мне*, так зовет их это духовное пристанище, *все труждающиеся и обремененни, и аз упокою вы.*

Потом, при несуществовании в войске женских учебно-воспитательных заведений, ни общественных, ни частных, новоучрежденная обитель будет служить первым рассадником воспитания женского юношества по началам местного быта, подобно тому как войсковая мужская пустынь в прежние годы была для казацких куреней первой исполнительницей творческого слова Государя **А Л Е К С А Н Д Р А Б Л А Г О С Л О В Е Н Н О Г О**: "Да будет свет и в хижинах!"

Наконец, православная спасительная вера обрела в

новой обители оплот на этом далеком рубеже страны православия, где еще так недавно положила свои оплоты победительная военная сила наша. Какое отрадное для верного сына церкви и отчизны зрелище: здесь сторожевая вышка, освещающая темные тропинки хищного неприятеля, а там, на одной высоте с ней, крест, сияющий духовным "светильником, на верху горы стоящим". В вечерние сумерки и на утренней заре несутся по дикопустынным берегам Кубани до самого моря и военное "слушай", вызывающее бдительность, и церковный благовест, призывающий к молитве. Они сливаются в один говорящий русскому сердцу голос, и далекое эхо, по ту сторону Кубани, вторит им воплем побежденного Батыя: велик русский Бог!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

**Начало существования Черноморского
войска.**

Гражданско-военное устройство.

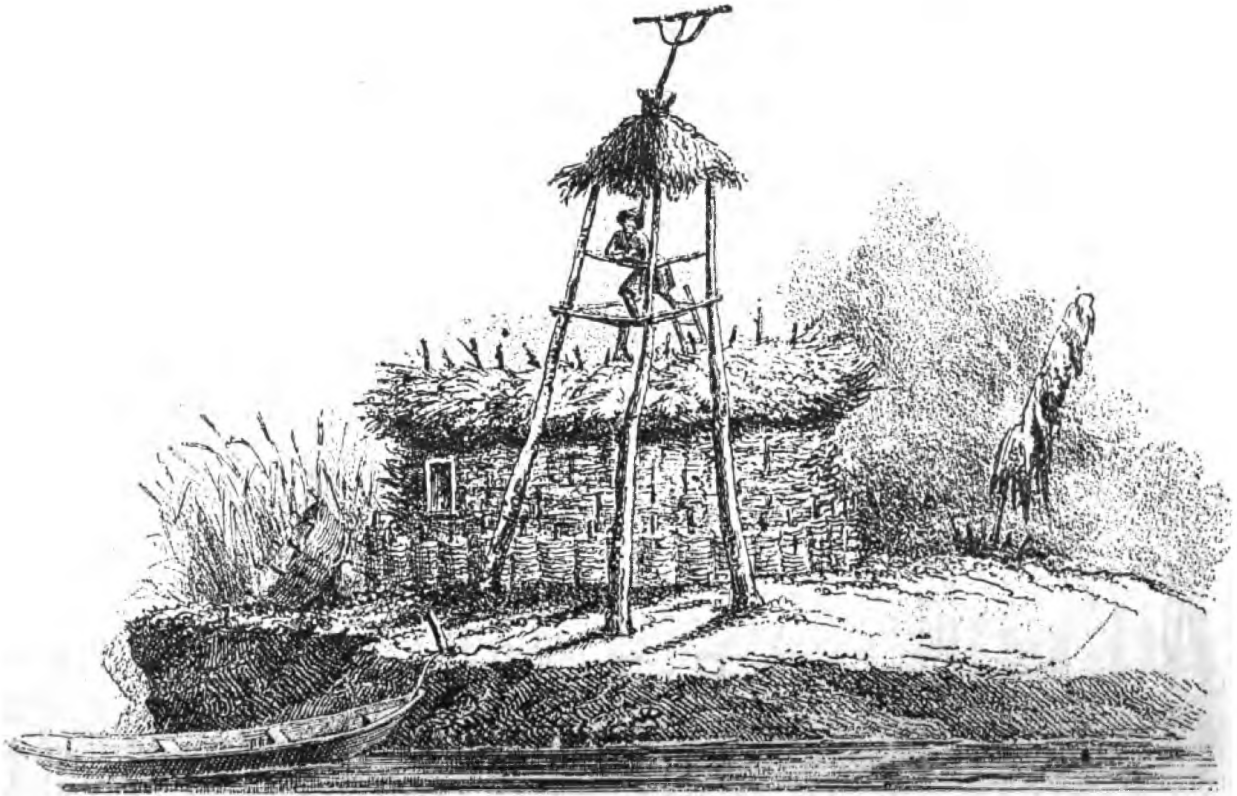
Состав военных сил. Образ службы.

Отличительные военные качества.

Одежда и вооружение

В 1775 году, непосредственно после усмирения бунта в Яицком войске, положен конец существованию Запорожской Сечи на Днепре. На требование правительства сложить оружие часть запорожцев дерзнула отвечать непослушанием и бежала на лодках вниз по Днепру искать преступной службы у султана, большинство же покорилось приговору, произнесенному правительством, и разошлось по ближайшим губерниям для приписки к мирным сословиям.

Немного спустя по договору, заключенному с Турцией в 1783 году, река Кубань объявлена нашей границей со стороны турецких владений на Кавказе. Имело ли правительство в виду заселение новой границы народом, при-

ученным к войне, или предвидело новую войну с турками, но только оно обратилось к бывшим запорожским казакам с призывом на службу по старому казацкому уряду, только не на старом месте. Крым уже был наш. Призыв нашел много сочувствия у тех, к кому был обращен: разбросанные сечевики охотно стягивались на сборный пункт между Днестром и Бугом, и к 1787 году из них составилось войско в двенадцать тысяч вооруженных и снаряженных для службы казаков. В то время вспыхнула война с Турцией, известная у черноморцев под именем "очаковского розмиру" и продолжавшаяся более трех лет. Новое войско получило мундир¹, артиллерию, знамена, булавы и другие знаки и явилось на театр войны под неопределенным еще именем "коша верных казаков"², отличавшим его на первый раз от другого коша, отложившегося к султану и заклеянного другим, приличным бунту и измене, именем.

Кош верных казаков, разделенный на зиму и лето, то есть на конницу и гребную флотилию, служил с одинаковым рвением и мужеством как на сухом пути, так и на воде во все продолжение тогдашней войны, а с окончанием ее получил имя "верного войска Черноморского", был осыпан царскими милостями, напутствован на свое кавказское новоселье грамотой и хлебом-солью от Матери Царицы и перебрался на Кубань окончательно в 1792 году. Зима двигалась сухим путем, а лето водой, по Черному морю. В обоих прибыло на новую Украину под ружьем около тринадцати тысяч человек.

С переселением Черноморского войска на Кубань перешло с ним старинное сечевое устройство — кош и курени. Кош, с его кошевым атаманом и большим знаменем, представлял феодального воеводу, а курени, с их куренными атаманами и малыми хоругвями, стояли на ноге вассальных дружин. Такой уряд продолжался около десяти лет, и это время обозначается в воспоминаниях казаков лаконизмом: *до полков*. Про это время можно высказать одно замечание: могли быть тогда у казаков предводители, не могло быть командиров; могли быть повинование и увлечение, не могло быть дисциплины. Можно высказать

¹ Для конницы: синего цвета кунтуш с отброшенными за спину рукавами и красный исподний кафтан. Для пехоты: кунтуш темно-зеленого, а исподний кафтан белого цвета.

² Кош, собственно притон, означал главную квартиру войска, *état major*.

одно это замечание, а про другое что-нибудь, про то, например, как правил кошевой, как пополнялась убыль в куренях, как вырастали казаки *из падалицы*, как властвовала и интриговала войсковая старшина, то есть войсковая олигархия, и с какими вспышками угасало запорожское своеволие, — лучше умолчать. С воцарением **АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННОГО** войско получило новое устройство, главнейшие основания которого остаются донныне.

Сообразно с двойственным состоянием казака, поселения и война, войско имеет двойное учреждение — гражданско-военное. По гражданской и по военной частям в совокупности управляет войском наказной атаман. Он состоит в правах и обязанностях гражданского губернатора и начальника дивизии. Как Черноморское войско входит в состав Кавказской армии, то наказной войсковой атаман подчиняется главнокомандующему Кавказской армией и наместнику кавказскому, находясь в ближайшей зависимости от командующего войсками правого крыла Кавказской линии. Учреждения, посредством которых атаман управляет войском, составляют две параллели, соприкасающиеся на многих точках и сливающиеся в последней, ближайшей к казаку инстанции — станичном правлении. Параллель гражданскую составляют: войсковое правление, совмещающее в четырех своих экспедициях предметы действий губернского правления, гражданской палаты, палаты государственных имуществ и казенной палаты, с прибавкой частей провиантской и комиссариатской; потом окружные суды (уездные суды и уездные казначейства), ниже их сыскные начальства (земские суды) и, наконец, станичные правления. Военную параллель составляют: войсковое дежурство с начальником штаба; при нем военно-судная комиссия, заменяющая палату уголовного суда; потом окружные дежурства с начальниками военных округов и при них военно-судные комиссии; наконец, опять станичные правления. По обоим параллелям вместе войсковой атаман — высший распорядитель, а станичные атаманы — низшие исполнители.

По военно- и гражданско-медицинской части войсковой атаман действует через войсковую врачебную управу, которой одинаково подчинены как гражданские, так и военные медицинские чины, врачебные и богоугодные заведения.

По управлению таможенной заставой портового города Ейска начальнику войска присвоены права и обязанности таможенного окружного начальника.

По управлению кордонной линией и мирными горцами, соседственными с Черноморьем, равно как по заведению не принадлежащими войску, но в нем находящимися учреждениями и чинами провиантского, комиссариатского и артиллерийского ведомств, атаман носит звание командующего Черноморской кордонной линией.

По гражданскому и военному в совокупности учреждению своему, войско разделено на три округа: Екатеринодарский, Таманский и Ейский. Окружные власти первого из этих округов находятся в городе Екатеринодаре, второго — в курене Полтавском и третьего — в курене Уманьском.

За исключением портового города Ейска и немецкой колонии Михельсталь, все жители Черноморья принадлежат к военному состоянию, из которого не могут переходить ни в какие другие состояния в государстве.

Военную силу войска составляют: 1 дивизион лейб-гвардии, 12 полков конных, 9 батальонов пеших, 3 батареи конной и 1 рота, в тройном составе, пешей гарнизонной артиллерии.

Кроме полевой и гарнизонной артиллерии, находятся еще три конно-ракетных батареи, по восьми станков в каждой. Они состоят при конных полках, и для действия ими приучаются люди из полков. Особенных же личных составов для них не положено.

Полки шестизащадного, батальоны четырехротно-го, батареи осьмиорудийного составов. В тройном составе гарнизонной артиллерийской роты, размещенной по всему протяжению кордонной линии и пограничных куреней, числится 607 человек и 65 орудий, разного калибра и происхождения, на крепостных, полевых и неопределенных лафетах. Всех же чинов: в коннице более 11 тыс., в пехоте около 10 тыс. и в артиллерии 1200, итого более 22000 человек. Полевых медных артиллерийских орудий 24.

Сверх того находится в гарнизоне перечисленных из полевой во внутреннюю службу: урядников до 250 и казаков более 5000 человек. В нужных случаях они являются на линию наравне с чинами полевой службы.

По числу жителей мужского пола приходится на каждые 60 душ около 25 служивых чинов.

До 1810 года войско имело свою гребную флотилию, которая крейсировала у северо-восточного берега Черного моря и по низовым лиманам Кубани. В этом роде службы черноморские казаки слыли отличными воинами и по-

тому были употреблены на лодках еще в предпоследнюю Турецкую войну 1828 и 1829 годов, в продолжение которой особенно отличились под Браиловом.

Полки и батальоны имеют знамена. В полках и батареях употребляются трубы, в батальонах горны и барабаны. Кроме того, войско содержит хор военной музыки и хор певчих. Последний известен как лучший хор на Кавказе.

Как отправление должностей по войсковым правительственным, распорядительным и судебным учреждениям, так и командование строевыми частями возложены на офицеров из природных казаков, которые поэтому и должны быть одинаково способны к мечу и перу. Одного указа войскового правления достаточно, чтобы начальник сотни или роты перенесся на место начальника стола, хотя — нехотя¹.

Казак служит обязательно двадцать два года в полевой и три года в гарнизонной по войску службе. Офицер подчиняется тому же правилу, и притом ни тот, ни другой безусловной отставки не получают, но обязываются и в самой отставке соблюдать готовность для полевой службы, когда особенные обстоятельства того потребуют. Правилами войскового положения строевые части войска по всем трем родам оружия рассчитаны на три смены, но военные обстоятельства большей частью сводят на две. За исключением гвардейского дивизиона, каждый из эскадронов которого служит три года и столько же бывает на льготе, все остальные части сменяются погодно. Отслужив очередь, воздав кесарево кесарю, казак весело возвращается к своим пенатам и находит под утлой камышовой крышей лучшее из благ земных — радость семейной встречи и простоту патриархальной жизни. Ему сладки самые труды и заботы, из которых истекает жизнь его семьи. В день отдыха и молитвы весело блестит на его низменном "сырне" дедовский кубок. Так блестит его совесть и пройденная служба. Окружив себя детьми, чтобы поделить между ними плоды, возвращенные из новых семян, он рассказывает им длинную повесть про тот далекий и чудный край, откуда в пороховом газыре вывез он новые семена. Остроглазые крикуны слушают и не шевельнутся — и тут западают в них первые зародыши казацкой сметки и бойкости про все случайности дня и ночи на военном поле...

¹ Одни только чиновники юстиции, финансового контроля, карантинного и почтового ведомств — сторонние. Лекари и аудиторы могут быть из казаков.

Полки, батальоны и батареи Черноморского войска постоянно сохраняют свои личные составы. При сменах с очередных служб они не разрушаются, как это бывает в других казачьих войсках, удаленных от границы, но, можно сказать, размещаются только по кантонир-квартирам, имея характер войск постоянных. Поставленный на такую ногу, преданный душой и телом службе царской, черноморец переходит без запинки с недожатой нивы на походный бивак. В военную заповедь обратилась для него поговорка: "як дзвонять, так свъято".

Казак снаряжается для службы из собственного достояния: конем, сбруей, амуницией, обмундированием и холодным оружием; одним огнестрельным оружием он снабжается на счет войсковой казны¹. Если казак благоденствует в домашнем быту, то и на службу является исправным и бойким молодцом. Хорош на гумне, хорош и на войне.

Рассадниками строевого в войске образования служат: для конницы гвардейский дивизион, для пехоты и артиллерии команды, посылаемые от батальонов и батарей, по примеру регулярных войск, в образцовый пехотный полк и в состоящий при образцовых войсках дивизион лейб-гвардии донской казачьей конно-артиллерийской батареи.

По всем трем родам оружия Черноморское войско имеет свои неотъемлемые достоинства.

Воно хоч, бачиш, и негарне,
Як кажут то нелегулярне,
Та до війни самий злий гад².

Совокупность всех главных родов оружия, а особенно неутомимость, стойкость и отличная стрельба пехоты сообщают Черноморскому войску в войне с горцами значительную самостоятельность: оно в состоянии содержать полевые укрепления в самом сердце непокорного населения гор и делать легкие экспедиции в горы без поддержки другими войсками. На всем протяжении линии от Анапы до Усть-Лабы по нескольку лет сряду не бывает регулярных войск.

¹ Гвардейцы имеют одних только лошадей собственных, а все остальное получают от комиссариата с некоторыми пособиями от войсковой казны.

² Шуточная, но тем не менее верная заметка про казацкое войско родича черноморцам — автора перелицованной "Энеиды".

Отдавая должную справедливость пехоте этого боевого и трудового войска, следует заметить, что конный черноморский казак уступает пальму превосходства своему соседу и сподвижнику, кавказскому линейному казаку. Отчего? Вот вопрос, на который нельзя отвечать в немногих словах. Ограничимся указанием на обстоятельства, более очевидные. Отличительные ли черты местности или первобытные распорядки и привычки внесли разницу в образ содержания одной и той же линии кавказскими и черноморскими казаками. У первых сжатость, подвижность и налет, и отсюда сила удара, если противник под него подвернулся, если ж увернулся — промах; у последних — растянутость, раздробленное и неподвижное выжидание неприятельского нападения на всех пунктах, где только оно признается возможным и вероятным. Там гонка за зверем, вышедшим на чистое место, а здесь облава в закрытом месте на зверя, еще не поднятого. У кавказцев вход черкесу подчас широк, да выход тесен, у черноморцев наоборот. Лучший судья — опыт обнаруживает недостатки и той, и другой системы. Была темная ночь или был туманный день: кавказцы поздновато заметили неприятеля и налетели, когда уж след его простыл, а поспей они вовремя — несдобровать бы хищнику; черноморцы рано заметили, нащупали на самой переправе и следили неприятеля, да ничего ему не доказали. Вообще же, если Кавказская линия часто пропускает хищников в широкие ворота между своими сильными *лезертами*, то еще чаще накрывает и поражает, или, по принятому в кордонных донесениях выражению, "наказывает" их, а Черноморская линия, с густой, но тонкой цепью своих *бикетов* и *залог*, только замечает, останавливает и заставляет воротиться без успеха, но не наказывает хищников. Из двух горцев, возвратившихся в одно время с Кавказской и Черноморской линии, один говорит: "Благодарение аллаху: едва-едва убрался", а другой: "Не удалось — надо еще отправиться". А как кордонная линия служит казакам школой для большой войны, то кавказская система имеет то важное преимущество, что развивает в казаке наездничество и удалство — качества, менее доступные конному черноморскому казаку, часто разлученному с конем и косящему в засаде или на определенной точке неподвижного караула. Эти же качества придавлены в нем самым его вооружением, обмундированием и седловкой коня. Конный черноморский казак вооружен ружьем, пистолетом, кинжалом, шашкой и пикой. Всего этого слишком

много. Что же касается последнего длинного оружия, то о нем у казаков спор. Приверженцы старины стоят за пику, и, кажется, по одной только привычке, по старинной прибаутке: "казакови без ратища, як дивчини без намиста" (казаку без пики, как девушке без ожерелья). Молодое поколение бросает остракизм против пики, потому что не видит подвигов, совершенных пикой, и, что еще важнее, не замечает в горах никакого страха к этому богатырскому оружию, страшному только в известном месте и при множестве известных условий. Действительно, не приученному к строю всаднику, у которого только и власти над конем, что легкая уздечка, который лишен даже подобия шпоры, трудно совместить ружье и пику. Одно другого длиннее, и одно другому помеха. Воинственные народы Азии, как, например, курды, при пике не употребляют ружья, а при ружье ограничиваются коротким холодным оружием. К последнему разряду принадлежат: грузины, карабахи, карапахи и все кавказские горцы. Кавказские казаки последовали примеру кавказских горцев и не имели еще случая желать большей длины своему холодному оружию, не только дома, но даже в Анатолии, в сшибках с турецкими уланами, у которых пики очень длинны. Если бы черноморскому конному казаку предоставлено было выбрать между ружьем и пикой, то он не расстался бы с ружьем, потому что оно ему родное оружие, — он стрелок по природе. Только он попросит себе хорошее ружье. Когда случится ему видеть мастерский выстрел, он обыкновенно хвалит ружье, но никак не стрелка. "Добре ружжо" — в этих словах вся дань удивления, какую только можно исторгнуть у него искусной стрельбой. Ему и в голову не приходит, чтоб из порядочного ружья могла быть плохая стрельба. Доверие к огнестрельному оружию доходит в нем до степени нравственной боевой силы: ни пред каким блеском шашек его рука не дрогнет и глаз не обмишулится, если в руках у него ружье испытанной верности. Да, такому всаднику, с добрым ружьем, нетрудно наверстать короткость холодного оружия. Выпутавшись из-под пики и сбросив тяжелый чебот, и он стал бы спешиваться, как линеец, пред сильнейшим неприятелем, вместо того чтоб утیکать от него. Первое очень не нравится горцам, а последнее неизреченно любят они. В тысяче случаев линеец отстоял и отличил себя спешиванием, а возможностью спешиваться так быстро, как это нужно под соколиным налетом черкес, он обязан своему вооружению и остальному снаряжению, в том числе даже ного-

вице и чувяку. Взяв у черкеса оружие, одежду, седловку и посадку, вместе с тем он усвоил себе живость и удаль своего противника. Много значит, если казак любит свою одежду и оружие, а линеец их любит. И кто не знает, что с одеждой и ухватками переходят дух и нравы? Пророк, воспаривший к небу, передал преемнику свою силу в своей одежде. Вполне применяясь к местным обстоятельствам, так важным в военном деле, старинные казаки, народ православный, не без достаточных причин принимали одежду, оружие и даже басурманскую наружность своих соседей-недругов. Запорожцы одевались, вооружались, седлали коней и даже брили себе голову, как крымские татары. Чтоб стать барсами для крымских гиен, они подходили к ним хамелеонами.

Если казаки стареют, два средства освежить их: или пересадить на новую почву, или радикально изменить оружие и одежду. Старое должно исчезнуть сразу. Колебание может произвести только обратное действие. Не каприз, а обдуманное решение надобно видеть в том, что Фридрих Великий, дав своему войску новую одежду, старую тотчас же сжег.

Если казачьи войска Черноморское и правофланговое Кавказское, соответственно единству содержимой ими линии, тождеству их стратегического положения, домашнего быта и служебного призвания, будут слиты в одно войско, хорошо управляемое, доблестное и грозное неприятелю, то первое по своим отличительным качествам составит из себя исключительно стрелковую пехоту и артиллерию, а последнее легчайшую в мире конницу — ураган легкой кавалерии.

Вседневную одежду конного черноморского казака составляют: обыкновенная военная шинель, как показывает опыт, не заменяющая черкески, полушубка и бурки и потому прибавляющая лишнюю тяжесть к седельному вьюку; черкесская шапка с красным верхом и синие шаровары. При этом синяя черкеска с жестяными газырями (нагрудным патронником), красный стамедовый бешмет (исподний кафтан) с суконным того же цвета, застегнутым на крючки, воротником составляют мундир. На гвардейском казаке синий суконный исподний кафтан и красная верхняя черкеска, которой рукава отброшены за спину. В этом мундире соединились для черноморского казака его прошедшее и настоящее: сзади кунтуш гетманской Украины и спереди боевой наряд Кавказских гор. Вообще же в форменной одежде строевых частей Черноморского войска выразилось колебание между одеждой Кавказских гор и одеждой казацкой старины. Мундир артиллериста

тот же, что и конного казака, только черкеска и шаровары темно-зеленого, а бешмет черного цвета. Вооружение его составляют пистолет, шашка и кинжал.

Офицерский мундир в коннице и артиллерии, сохраняя тождество с казачьим, отвечает блеском галуна, в коннице серебряного, а в артиллерии золотого, покрывающего шапку, грудь, полы и карманы.

Пеший казак одет в синий короткий, застегнутый на крючки кафтан с красными погонами и с жестяными на груди газырями. Шапка и шаровары те же, что в коннице. Через левое плечо у него патронташ, через правое ранец. Он вооружен легким ударным ружьем со штыком, который, отмыкая от дула, носит на поясе, спереди, вместо кинжала. Пластуны, или застрельщики, вооружены нарезными штыкерами, к которым примыкаются известные тесаки.

В коннице, пехоте и артиллерии офицеры вооружены пистолетом, шашкой и кинжалом. Газыри, португеза шашки и пояс у конных и пеших серебряные, у артиллерийских золотые.

Прежнее вооружение пешего казака состояло из длинной винтовки (терновки, литовки, арнаутки и других наименований) и короткого суковатого копья, "подсоха". Во время перестрелки казак втыкал свой подсох в землю, клал ружье на один из его сучьев и стрелял, не так проворно, но верно. В ручной схватке он забрасывал винтовку за плечо и встречал неприятеля острым дротиком подсоха.

Хотя пехота и конница резко отличны обмундированием и вооружением, но офицеров имеют они общих. Если оказывается недостача офицеров в пехоте, то они переводятся туда из конницы, и наоборот.

Такие переводы бывают довольно часты и делаются по усмотрению войскового дежурства, которое следит за балансом чинов во всех трех родах оружия. От этого происходит невольное переселение офицеров из службы одного оружия в службу другого, из одного мундира в другой. Такое шаткое и неточное положение офицеров сколько неудобно для них самих, столько же невыгодно для службы. Оно может измениться не прежде как с установлением особых линий чинопроизводства по пехоте и коннице отдельно, как это уже сделано по артиллерии¹.

¹ Для офицеров, состоящих по войсковому управлению, военному и гражданскому, установлена особая форма одежды, во всех казачьих войсках одинаковая. Это кафтан темно-зеленого цвета, донского покроя, с красным воротником; при нем темно-зеленого же цвета шаровары. По борту кафтана и по наружному шву шаровар красный кант. Шапка та же, что в строевых частях, но только с черным, а не красным верхом.

Вне строя, в походном и домашнем быту, казаки носят черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме, как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна. В черкесской одежде, как бы тепло ни оделся казак, он одинаково будет поворотлив и проворен. Черкесская одежда и сбруя, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет военного щегольства для урядника и офицера. Вообще, все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками. Да оно и справедливо: "Что хорошо выдуманно, то полезно и перенимать". В похвалу изобретательности и тонкому вкусу черкесов следует сказать, что у них не только воинское снаряжение, но даже земледельческие орудия, не только подсошки при ружье, но соха и вилы на гумне отличаются легкостью, удобством и приятной отделкой¹. На самых пустых мелочах, выходящих из их рук, лежит грациозный отпечаток. Присоединив к этому их утонченный этикет, их уважение к женщине, пороховую воспламеняемость их самолюбия, наконец, их физическую и нравственную легкость, мы не решимся противоречить тем, которые между адигами селят бургундских и лотарингских крестоносцев, и поспешим кончить наше сухое описание казацких доспехов отрывком картины, нарисованной кистью народной черноморской поэзии:

Іде козак на Кубань,
Знаряжений, мов той пан:
Кінь жвавий,
Сам бравий,
Хват неборак.

Мушкетюга у чехлі,
А шаблюка при боці,
Ратище
Довгее —
Чом не козак?

Всунув ногу у стремено,
Ратюгою вперся в землю,

¹ Устройство черкесского плуга, очень легкого и ходкого, заслуживало бы подражания. Он не забирает так глубоко, как тяжелый казацкий плуг, зато кроит землю тонкими и ровными ломтиками и по целине идет без малейшей запинки. Пахоть черкеса — искусная ткань, загляденье. Notabene: засеяв ниву, черкесы не заборанивают ее; они совсем не знают бороны.

Й на коня,
Из півдня
Прудко злетів.

Ой у того ж козака
Жінка гарна, молода,
З хати вийшла,
Честь обична,
Ему на провід.

.....

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

Памятники войсковых заслуг и отличий. Войсковой в честь им праздник

Терпи, козаче, горе:
будешь пяти мед.

В осевших и поросших колючкой валах Екатеринодарской крепости живет последнее воспоминание о Сечи Запорожской. Все в этой прикубанской крепостце устроено так, как устраивалась приднепровская Сечь с отдаленнейших времен. Внутри обширного редута расположены четверугольником невысокие и длинные казармы. Это старинные курени. Среди просторной, обчеркнутой казарменными зданием площади, называвшейся в Сечи майданом и служившей вечем для войсковых рад, возвышается шестиглавая войсковая соборная церковь. Сияющие в воздушной синеве кресты ее видны из-за Кубани на большом расстоянии и служат фаросом нашим пленным, когда они выбегают из гор на родную, святую Русь. Близ церкви отдельное, оберегаемое часовым, строение, с узкими окнами, задернутыми железной решеткой. В Сечи носило оно название войсковой скарбницы. Ныне в этом скромном здании вмещается все наличное общественное богатство, сердце промышленной жизни края — войсковая казна. Но не здесь, а вон где — под священной сенью войскового храма, черноморцы хранят свои драгоценнейшие, свои заветные сокровища: знамена, регалии и другие памятники доблестных войсковых служб и щедрых царских к войску милостей.

По обычаю, очень старому, каждый год, на второй день праздника Пасхи, все неоценимое достояние казаков, собранное на поле чести и победы, выносится с утра из войсковой церкви на майдан, на показ народу. Не умирай в народе, призванном к славным подвигам оружия, не умирай и не блекни память о высоких царских пожалованиях, — и пусть ведают о них и мать, и жена, и малые дети казака, и наезжие гости его... В тот день бывает соборная церковная служба и парад. После обедни войсковые знамена, предшествуемые крестами и хоругвями, троекратно обносятся вокруг церкви с чтением четырех евангелий и молитвенным пением. Потом, отделясь от крестов, проходят

они пред народом и войсками. Народ их приветствует с сердечным трепетом, войска отдают им честь по воинскому уставу — там и сям скатится слеза на седой ус, там и сям заискрится молодой взор, — и потом они относятся назад, в свое священное хранилище.

Бывает еще случай выноса клейнод с большим парадом. Это день присяги нового войскового атамана на должность. Тогда все куренные атаманы собираются в войсковой город и с перначами в руках присутствуют при присяге главы войска. Тогда все знамена протекшего времени обступают присягающего. И, осененный старейшими из них, он произносит клятву вести войско путем долга, чести и блага общего.

Воспользуемся одним из этих случаев и пройдем по всему ряду памятников заслуг и отличий войска.

Ряд этот простирается через пространство пяти царствований.

Вот первые знаки, запечатлевшие возрождение "коша верных казаков" из пепла Сечи: 1 булава войсковая и 17 перначей куренных, 1 большое войсковое и 14 малых куренных знамен, *за веру и верность*, и печать кошевая, представляющая воина с мушкетом в одной и знаменем в другой руке.

Граф Суворов-Рымникский, через которого эти знамена и знаки были переданы черноморским казакам, объяснял им в ордере от 27 февраля 1788 года, что "изображение на знаменах креста с сияющим в середине солнцем представляет привязанность войска к вере христианской; на другой же стороне, в звезде, надпись ордена св. апостола Андрея Первозванного означает хранение войском веры, проповеданной сим апостолом в странах, по Днепру лежащих, и верность к Государю и Отечеству".

Этой первоначальной инвеституре войска последует грамота блаженной памяти ГОСУДАРЬНИ ЕКАТЕРИНЫ II от 30 июня 1792 г., "милостивое слово", укрепляющее войску нынешние его земли и воды, определяющее его права, преимущества и обязанности. Эту священную хартию окружают: большое белое знамя в *воздаяние усердной и ревностной службы войска Черноморского, доказанной в течение благополучно оконченной войны с Портой Оттоманской, храбрыми и мужественными подвигами на суше и водах*. Серебряные литавры, убранные шелковыми занавесками с бахромой и кистями; две серебряные трубы; серебряная, вызолоченная чаша с такими же дискосом, звездой, двумя копьями, двумя лжицами и двумя

блюдами; пара дорогих "ставратных" риз с принадлежащими к ним облачениями; серебряное, крытое густой позолотой, блюдо и серебряная, жарковызолоченная солонка, осеняемая двуглавым орлом.

На этом блюде и в этой солонке казаки удостоились получить от Государыни в 1792 году хлеб и соль на путь-дорогу к берегам Кубани¹.

За царским хлебом-солью Екатерины II следуют памятки государственования Павла I: одно большое, белое, с золотыми лучами, и четырнадцать малых знамен — "в значение службы Всероссийскому Престолу", — и милостивое слово (от 16 февраля 1801 года), подтверждающее войску его права, преимущества и обязанности и водворяющее в нем порядок и гражданственность.

Затем следует милостивое слово А Л Е К С А Н Д Р А I (от 31 мая 1803 г.), сопровождаемое шестью малыми знаменами, жалованными войску "в уважение его службы, с ревностию и усердием продолжаемой".

Эти шесть знамен в соединении с вышепоказанными четырнадцатью павловскими знаменами розданы были в двадцать полков (десять конных и столько же пеших), в первый раз сформированных в 1803 году, на место сечевых куреней. Через двенадцатилетний промежуток времени как свидетельство о доблестном участии войска в достопамятной отечественной войне являются серебряные трубы, жалованные в 15-й день июля 1813 года Черноморской гвардейской сотне за отличия, в войне с французами неоднократно оказанные.

Наконец развертывается блистательный ряд георгиевских знамен, жалованных ГОСУДАРЯМИ ИМПЕРАТОРАМИ: в Бозе почившим Н И К О Л А Е М П А В Л О В И Ч Е М и ныне благополучно царствующим А Л Е К С А Н Д Р О М Н И К О Л А Е В И Ч Е М:

1-му конному полку за отличие в Персидскую и Турецкую войны, в 1827, 1828 и 1829 годах.

5-му и 6-му конным полкам за отличие в Турецкую войну, в 1829 году.

8-му и 9-му конным и 5-му пешему полкам за отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 года.

1-му пешему полку за отличие, 29 мая 1829 года, при разбитии Турецкой флотилии под Браиловом.

8-му пешему батальону за отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 года и за примерное мужество при обороне Севастополя 1854 и 1855 годов.

¹ Часть хлеба и соли хранится в войсковой церкви доныне.

2-му пешему батальону за примерное отличие при обороне Севастополя 1854 и 1855 годов.

Общее всему войску большое белое знамя св. великомученика и победоносца Георгия, пожалованное ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ ПАВЛОВИЧЕМ в 10 день октября 1843 года за пятидесятилетнюю верную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу.

Такое же большое знамя, пожалованное благополучно царствующим ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ, при нижеследующей грамоте:

"НАШЕМУ любезному верному Черноморскому казачьему войску.

Войско Черноморское, с примерной готовностью снарядив сынов своих на защиту отечества против вторгшихся в оное иноплеменников и достойно связав имя свое с геройской защитой Севастополя, явило в перенесении воинских трудов и опасностей минувшей войны многочисленные подвиги самоотвержения, мужества и примерной храбрости.

В ознаменование столь достохвальной службы признали МЫ за благо особой Высочайшей грамотой НАШЕЙ, Всемилостивейше пожаловать Черноморскому войску георгиевское знамя с надписью: "За храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок, в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах", которое, препровождая при сем, повелеваем: освятя оное по установлению, присоединить к пожалованным войску Августейшими предками НАШИМИ войсковым знаменам для употребления при всех торжественных сборах войска, в воспоминание неизменного к нему НАШЕГО благоволения.

Дана в первопрестольном граде НАШЕМ Москве, в 26 день августа месяца, в лето от Рождества Христова 1856-е, Царствования же НАШЕГО второе".

На подлинной написано собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукой:

"АЛЕКСАНДР".

Сим милостивым словом и пожалованием оканчивается, так сказать, послужной список войска Черноморского.

Двенадцать лет тому назад — как много отрадного в этом воспоминании! — милостивым словом и пожалованием в Бозе почившего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА Черноморское войско

вызвано было на празднование пятидесятилетнего юбилея боевой его линейной службы — празднование, достойное жить в памяти казацкого потомства по тем высоким народным чувствам, которым служило оно торжественным выражением.

Это было в мае 1844 года, по доставлении в Екатеринодар большого георгиевского знамени, приосенившего пятидесятилетнюю совокупность служб войска.

Для торжественного приема новопожалованного войскового знамени были собраны в войсковой город атаманы всех куреней. Каждого из них сопровождали недоросли и престарелые казаки, служившие еще в "славном войске низовом, Запорожском". Старики сходились порадоваться торжеству молодого поколения да вспомнить на закате своих дней славную свою екатерининскую старину. Малолетние казаки призваны были в свидетели и участники войскового торжества, чтоб через них перешла в двадцатое столетие живая память о том, с какими чувствами черноморцы обыкли принимать награды своих Царей.

В то же время пришли к Екатеринодару пять конных полков и четыре пеших батальона, выряженные на смену частей, занимавших кубанские кордоны и закубанские укрепления. За ними прибыли команды внутрениослужащих казаков и две батареи конной артиллерии. Войска эти расположились лагерем на берегу Кубани, ниже войскового города.

За войсками со всех концов Черноморья стекался народ на екатеринодарскую троицкую ярмарку, этот первенствующий в крае рынок.

Вместе с жителями казачьего сословия собиралось в войсковую метрополию все куренное духовенство. Оно ожидало первого посещения и благословения первого Кавказского епископа, преосвященного Иеремии.

Были приглашены на войсковой праздник мирные черкесы и даже немирные шапсуги недалеких от Кубани аулов.

Обширный военный стан и еще более обширный съезд ярмарки вмещали в себя огромное число представителей для войсковой праздничной сродки.

Все приготовления к празднику сделаны были за городом, в лагере. Сюда, в большую атаманскую ставку, было перенесено из атаманского дома новопожалованное знамя, еще не прибитое к древцу. У порога ставки был вкопан дулом вверх старый чугунный единорог, которому предназначалось остаться памятником первого водружения знамени на войсковой земле.

В обе стороны от атаманской ставки были складены из зеленого дерна длинные столы, за которыми щедрое угощение ожидало куренных атаманов, стариков, недорослей и закубанских гостей.

На эти праздничные столы степи доставили фазанов, уток, зайцев, берега Кубани — кабанов, оленей, коз, азовские лиманы — всех родов рыбу.

Для обеденных столов была приготовлена старинная деревянная казацкая посуда, про которую запорожцы говорили: "Хоть з корыта, да досыта". Это почти то же, что "изба дымна, да трапеза в ней сытна".

Для задранных чаш и других высших потребностей угощения из войсковой казны отпущено было 1200 руб.

10 мая кончены были все приготовления к празднику. С полудня лагерь стал наполняться народом. Сюда же тянулись и скрипучие арбы черкес. В то время послышался от всех городских церквей колокольный звон. Прибыл в войсковой город преосвященный Иеремия.

К вечеру войска выстроились впереди лагеря. К атаманской ставке собрались все чины военного и гражданского войскового управления. Позади них стояли станичные атаманы. Они заняли место между стариками и детьми, между воспоминанием и надеждой. Тогда прибыли в лагерь: войсковой наказной атаман генерал-лейтенант Николай Степанович Заводовский, начальник войскового штаба генерал-майор Григорий Антонович Рашпиль и преосвященный Кавказский и Черноморский Иеремия.

После встречи войска сделали перемену фронта к атаманской ставке.

По входе в ставку архипастырь осенил крестным благословением знамя, распростертое на большом столе, пред портретом Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. И потом началось прибитие знамени к древку по уставу.

Внутреннее убранство атаманской ставки вполне соответствовало торжественности события. Новое знамя осенено было со свода ставки старыми знаменами, на которых горели надписи "за отличие". Портрет Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА во весь рост, помещенный в углублении, противоположном дверям ставки, обведен был лучами из ста штыков и ружей. К подножию царского изображения сложены были серебряные литавры, серебряные трубы, атаманские булавы, перначи и образцы оружия, употребляемого черноморскими казаками с давних времен. Из этих доспехов не были исключены и легкие пушки, которыми в прежние

времена вооружалась флотилия Черноморского войска. Все, чем войско на врагов ополчается и чем пред соотечественниками красуется, преклонилось пред ликом Царя Самодержавного во свидетельство благоговейной любви и преданности ему единомудушной войсковой семьи. Твое от Твоих Тебе!

Первый гвоздь вбил в древко знамени наказной атаман, второй — преосвященный Иеремия, третий — начальник войскового штаба. Потом вбиты были гвозди каждым из присутствовавших, от генерала до казака, представлявшего свою сотню, роту и батарею. Каждый вбитый гвоздь освящал последним ударом войсковой атаман.

Те из стариков, которые были жалованы в прежние времена армейскими чинами, также оставили свои гвозди в знаменном древке. Принимаясь за молоток, они искали глазами на своде ставки трофеев, современных своей молодости, и говорили: вот в древке этого голубого знамени должен быть мой гвоздь, вбитый в Очакове, мой в Браилове, а мой в Анапе...

В лагере царствовала тишина. Войска стояли под ружьем, и взоры рядов неподвижно обращены были к атаманской ставке, откуда глухо отдавался стук молотка. И эти недавно сплоченные ряды проникнуты были одним чувством, одной мыслью: чувством живой преданности Царю и долгу, мыслью про то, чтоб и вперед, на остальное пятидесятилетие, сделать войско достойным милостивых царских пожалований...

Целую ночь горел огонь в атаманской ставке. Знамя, соединенное уже с древком, все еще оставалось распротертым на столе. Его окружал караул из урядников конных полков и пеших батальонов.

На другой день, 11 мая, хлынули в лагерь вслед за его ранним пробуждением толпы народа. Туда же спешили и нарядно одетые черкесы. В восемь часов утра из Екатеринодарской крепости раздались три пушечных выстрела, на которые артиллерия лагеря поспешно ответила. Это был призыв к литургии, которую готовился совершить в войсковой соборной церкви преосвященный Иеремия. От всех находившихся в лагере полков, батальонов, батарей и команд отряжены были части в город для слушания богослужения.

Через два часа после того загорелась учащенная пальба в крепости и в лагере. Этот переговор артиллерии через пространство четырех верст возвестил чтение евангелия в войсковой церкви. Войска вышли на линию, и по-

слышалась команда: шапки долой, затем что в войсковой церкви читалось евангелие.

В Запорожском войске во время чтения евангелия в сечевой церкви в торжественные праздники производилась перекатная пальба из пушек по валам Сечи. Вот почему слову любви и спасения вторил гром оружия на Кубани. *Во всю землю изыде вещание их.* Наконец за последними тремя выстрелами, которыми возвещено было окончание литургии, войска стали в ружье, вне лагеря. Их развернутый строй образовал три стороны каре, а четвертую составили старики, атаманы, недоросли и ученики войскового училища. Последние вышли из города со своими училищными хоругвями. Под хоругвью Минервы они получили, как надлежит стоять под знаменами воинской чести и доблести. Обширная поляна, на которой стояли войска, пестрела тысячами зрителей всех состояний и возрастов. Конные черкесы держались поодаль, пешие теснились в общей толпе.

По прибытии в лагерь войскового атамана, начальника штаба и преосвященного епископа с многочисленным духовенством знамя было вынесено из ставки к войскам. Гром барабанов, прокатившийся по рядам, и звук оружия, поднятого на караул, приветствовали его появление. Затем последовало освящение знамени, совершенное преосвященным Иеремией с настоятелем войскового монастыря архимандритом Дионисием и семьюдесятью пятью священнослужителями. За провозглашением многолетия ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Царственному Дому войсковой атаман прочитал во всеуслышание войскам и народу царскую грамоту, при которой пожалован войску новый трофей храброй службы.

Тысячеустное "ура", грохот шестнадцати орудий и народный гимн, исполненный войсковой музыкой, все это, слившись в один торжественный голос, было откликом на милостивое Царское слово. Одушевление казаков сообщилось и черкесским дружинам. Они присоединили свой резкий гик к величественному, как сама победа, русскому военному клику. Хамышейцы, стоявшие до той минуты внимательными зрителями на левом берегу Кубани, у аула Бжегокай, подняли гик и пальбу, потом бросились на лошадах в реку и, полуизмокшие, присоединились к ликующему собранию. Грохот пушечной пальбы, производимой из лагеря и с валов Екатеринодарской крепости, тяжело переваливал через Кубань и, откатываясь к лесам и ущельям Кавказских гор, там постепенно замирал.

Когда первый взрыв народного восторга стих, войска пред новым знаменем произнесли присягу на верную службу Государю и Отечеству, на верную и честную службу до последней капли крови, — и знамя, сопровождаемое духовенством, величественно обтекло неподвижные ряды. И в эти минуты благоговейной тишины слышалось только одно, благословение и победу свыше призывающее, молитвенное пение церкви о православном Царе и Его народе: "Спаси, Господи, люди твоя".

Потом при звуках музыки знамя возвратилось к атаманской ставке и было водружено в дуло единорога, врытого у ее порога. А в ставке был уже приготовлен обед для высших чинов и духовенства.

В конце обеда пили при пунечной нальбе и при дружных восклицаниях "ура" за здоровье и благоденствие ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, АВГУСТЕЙШЕГО АТАМАНА и всего Царственного Дома, за "великого пана" военного министра, за весь Кавказский корпус и храброе Черноморское войско и проч. и проч.

Оставим этот общий эпилог торжественных обедов и пройдем между дерновыми столами, где черноморцы "времен очаковских и покоренья Крыма" угощались родными запорожскими блюдами, где круговой "михайлик" (деревянная чара), как планета, проливающая свет и теплоту в своей сфере, распространял оживление и говор в кругу седых сослуживцев Пютемкина и Суворова. Здесь помолодевшая старина расходилась, заговорила про былое. Один из столетников, с золотым очаковским крестом на груди, рассказывал с юношеским одушевлением, какими молодцами они, старые черноморцы, предводимые судьей Антоном Головатым, взобрались в полночь на неприступную Березань, сняли часовых, переоделись по-турецки и накрыли неприятельский гарнизон врасплох. Другой вспоминал про атамана кошевого Харькя Чепегу, как он напускался к самым стенам Хаджибея (Одессы) и зажигал турецкие магазины под носом янычар и спагов. Третий указывал на берегу Кубани место, где за пятьдесят с лишком лет вбил он первый кол кордонного оплота. "Чи багато йще зосталось в Батурином курене наших?" — спрашивал один другого. "Як колосин, пане брате, на пожатом жниву", — был грустный ответ.

А там, за пирамидами пик и штыков, за чертой воспоминаний, все шумело настоящей радостью, без помину про вчера, с говором про завтра. А что завтра? Этому веселому военному обществу предстояло разойтись по пус-

тынному берегу Кубани и по одиноким закубанским укреплениям, до свидания через год — "кому живому".

А знамя тихо развевалось над многолюдным сборищем, окружавшим его чугунный бушмат. Живая народная радость ручалась, что черноморцы оправдают символ этого железного основания, на котором утвердили они свое новое войсковое знамя.

Ветерок тянул к горам. Молодой казак не сводил глаз с полощущегося знамени, и ему казалось — была ли то игра света и колебания! — двуглавый орел встряхивался и расправлял крылья к могучему полету на те синие горы...

После вечерней зари горели потешные огни, венцом которых был вензель ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. Огромный размер делал его явственно видимым на левой стороне Кубани. В эту ночь имя Николай было лозунгом на всем двухсотшестидесятиверстном протяжении Черноморской кордонной линии.

Последняя искра вензеля утасла. На прибрежном кургане вспыхнуло знамя — знамя из разноцветных искрометных огней. И как отрадно было видеть искрящегося двуглавого орла на холме, где вспыхивала до того пожаром ночной тревоги линейная веха.

Обернемся к атаманской ставке. У дверей ее выросли из чернозема ночной темноты две высокие ели; их ветви составлены из множества пылающих и узорчато размещенных огней. Между этими эмблемами неизменяемости поставлены большие прозрачные картины, освещенные сзади. На первой и самой большой из них горит все тот же царский вензель, вправо вензель Августейшего Атамана; еще правее — снимок со знамени; влево вензель ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА, а еще левее аллегорическое изображение 1844 года, увенчанного лаврами.

Между тем в ярко освещенной атаманской ставке поднялся пир, в основание которого входят преферанс и полька. И чернявые казачки под сенью знамен, за которые их деды и отцы умирали в далеких битвах, весело носились в вихре вальса и буре польки.

Но вне ставки войсковой певческий хор, отставая на полвека от войсковой музыки, в сотый раз напевал любимую народную песню, старую песню, которую черноморцы сложили и пели, когда шли с Днепра на Кубань.

Ой, годі нам журитися,
Треба перестати:

Заслужили от Цариці
За службу заплати!

Дала хліб-сіль и грамоти
За вірні служби;
От тепер ми, односуми,
Забудемо нужди.

В Тамані жить, вірно служить,
Грядицю держати;
Рибу ловить, горілку пить,
Ще й будем багати.

Та вже треба женитися
И хліба робити,
А хто йтиме из невіри —
Непощадно бити.

Слава ж Богу та Цариці,
А покой Гетьману:
Изгоїли в сердцах наших
Горючую рану!

Подякуймо ми Цариці,
Помолімось Богу,
Що вона нам указала
На Кубань дорогу¹.

День, ознаменованный для войска торжественным обнародованием Царского пожалования, остался навсегда запечатленным в признательной памяти черноморцев. На той же широкой прикубанской поляне, где стоит одиноко, врытый до половины в землю, старый единорог, каждый год, 11 мая, раскидывается атаманская ставка, выстраиваются конные полки, пешие батальоны, артиллерийские батареи и собирается добрый народ. И то же войсковое георгиевское знамя торжественно переносится из войсковой церкви в казачий стан. И, осененные им, стройные

¹ В этой песне пересказано содержание грамоты, данной Императрицей Екатериной II черноморским казакам на поселение и службу их при Кубани. В той грамоте обязанность жениться была изъяснена в числе других главных обязанностей.

ряды склоняют оружие на молитву и молятся о здравии и благоденствии Царя, и окропленное молитвенной водой из Кубани знамя обходит ряды, при звуках музыки, при говоре барабана и пушки. И, одушевленные сознанием заслуги, казаки приветствуют хоругвь чести и победы громким, далеко слышным за Кубанью "ура!"

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Кордонная линия. Служба на линии. Психадзе и хеджреты

Кроме чрезвычайных нарядов во время внешних войн государства и кроме ближайшего участия в деле покорения хищного населения Кавказа, постоянную и главную службу черноморских казаков составляет содержание Кубанской кордонной линии и возводимых впереди нее, на землях непокорных шапсугов и натхокаджей, полевых укреплений. Кордонная линия составляет оплот для края против набегов горцев и вместе служит основанием для наступательных военных действий против тех же горцев.

Черноморская кордонная линия не что иное, как продолжение и окончание правого крыла Кавказской линии, с которой смыкается она ниже устьев реки Лабы, а эта река, как известно, изливается в Кубань с северного ската Кавказского хребта, у крепости Усть-Лабинской¹. Пост Изрядный источник служит соединительным узлом обеих линий. От этого исходного звена Черноморская линия тянется цепью укрепленных постов, батарей и пикетов вниз по излучистому течению Кубани на 260 верст или около того. Вместе с бугазскими устьями Кубани линия оканчивается у северо-восточного берега Черного моря, недалеко от Анапы. На этом протяжении насчитывается 60 постов и батарей и более 100 пикетов.

Черноморцы перенесли с Днепра на Кубань вместе с другими ратными преданиями своих предков, запорожцев, стародавнюю казацкую линейную фортификацию. Их пост и батарея (среднее между постом и пикетом укрепление) — это четверугольный редут с земляным бруствером и небольшим рвом. На крону бруствера кладется гребень из терновника и по контрэскарпу насаживается колючий боярышник в предохранение укрепления от эскалады. Такой редут может с успехом держаться против приступов без артиллерии (*cours de main*).

Посты и батареи вооружены старой и разнокалиберной артиллерией. В этом вооружении попадают пушки,

¹ Усть-Лабинская крепость, возведенная в 1792 году, находится под 45° 12' с. ш. и 57° 19' в. д., в расстоянии от Ставрополя 201, Тифлиса 735 и от Москвы 1458 верст.

защищавшие еще Днепровскую линию от крымцев, во времена гетманов, и вместе с казаками переселившиеся на Кубань для продолжения линейной службы против черкес. Над каждым из вышеназванных укреплений устроена на четырех высоких подпорах наблюдательная каланча — "вышка". Камышовая колоколообразная крыша вышки подобрана кверху пучком. Из этого пучка, так похожего на китайскую прическу, выбегает высокий и прямой, как пика, шпиль, на который насажена сверху поперечная перекаладина. К каждой оконечности перекаладины прилажен на бечеве огромный шар, сплетенный из ивовых прутьев. Перекаладина с висящими по концам ее шарами имеет вид коромысла весов, а весь этот прибор в совокупности имеет вид начальной буквы в слове "тревога". Да это и есть вестник линейной тревоги, телеграф, или, как обыкновенно называют его казаки, "маяк". Когда сторожевой завидел с вышки неприятеля и закричал оттуда вниз к своим: "Черкесы! Бог с вами!"¹ — ему обыкновенно подают голос снизу: "Маячь же, небоже", и вот спущенные до той минуты шары поднимаются вверх, ветер их качает, и они маячат на тревогу.

В некотором расстоянии от укрепления врыта высокая жердь, обмотанная пенькой и сеном или соломой, иногда со смольной кадкой наверху. Это "фигура", у кавказцев — вежа. Если в темную ночь неприятель прорвет кордонный оплот, эти огромные факелы воспламеняются и проливают багровый свет по берегу. Учащенные выстрелы — казачьи растянутые, как удар длинного хлыста, а черкесские сжатые, как луск раскушенного ореха, — и крик, и топот, и рев переполошенной баранты далеко отдаются по реке, и тревога тормозит линию.

И часто на зеленеющем холмике по соседству с фигурой встречаете вы потемневший, покачнувшийся на сторону деревянный крест либо свежую черную насыпь на одинокой могиле polegших в ночном бою защитников отечественного рубежа...

¹ Здесь слова: "Бог с вами!" относятся к казакам, к которым обращено извещение о появлении черкес. У черноморцев в обычае прибавлять эти слова к восклицанию: "Черкесы, неприятель, тревога!" Все резкое, внезапное и неприятное в военном быту казаков, особенно неприятные известия, смягчаются в их языке издревле условленными и временем освященными речениями, припевами. Упущение их в подобающих случаях почитается грубостью, вывеской рекрутской неотесанности.

И один остался зритель
Сих, кипевших бранью, мест;
Всех решитель браней — крест.

Поравнявшись с этой могилой, добрый русский человек, едущий из Керчи в Ставрополь с дарами крымской Помоны, скинет шапку, перекрестится и молитву сотворит за упокой казацких покойников.

Сообразно с местоположением, представляющим более или менее опасности, пост вмещает в себя от 50 до 200, батарея от 8 до 25 казаков. С первым светом дня сторожевой поднимается на вышку, и все вышки зорят по Кубани до сумерек. Когда же голодный волк и хищный горец выползают из своих нор на ночной промысел, в то время значительная часть спешенных казаков выходит из поста на обе его стороны и украдкой, вместе с тенями ночи, залегает берег, в опасных местах, по два, по три человека вместе. В то же время расставленные по пикетам казаки покидают свои дневные притоны и также располагаются по берегу живыми тенетами для ночного хищника. Это "залога"... залог спокойствия и безопасности страны. Казаки, остающиеся на посту, держат коней в седле и находятся в готовности по первому известию или по первому выстрелу залого, далеко слышному в ночной тиши, скакать к обеспокоенному месту кратчайшим путем, не разбирая, где куст, где рытвина, чтоб поспеть на зов тревоги прежде, чем "бойре мед допьют"... Между тем отряжаются с постов с вечера, в полночь и на рассвете разъезды, составом в два, в три человека каждый. При ожидаемом по слухам или по приметам нападении разъезды повторяются до шести раз в продолжение ночи, но никогда не бывают они сильного состава. Разъезды проходят прибрежными тропинками — "стежками", ими проложенными и им только известными, соблюдая наивозможную чуткость и осторожность и перекликаясь с залогой загадая условленным отрывистым свистом либо глухим счетным стуком шашки о стремя.

Проезжая по Кубани поздним вечером (конечно, по казенной надобности) и тревожно присматриваясь к мелькающим мимо вас в темноте кустам — не выскочил бы из них головорез шапсуг, — вы не видите разъезда, а он вас видит... Заметив, как беспокойно вы оглядываетесь то на ту, то на другую сторону, разъездной моргнул усом и думает про себя: не беспокойтесь, ваше благородие, езжайте себе, глаза зажмура: ведь мы не спим. Да, еще вы были

версты за две, как он остановил коня, насторожил ухо и настроил глаз. И когда вы пронеслись мимо него и вновь умчались в темную даль, он все еще прислушивается к печальному звяканью колокольчика, не прервется ли оно вдруг... и добродушно провожает вас пожеланием, чтоб ваш поздний ужин не остался кому другому на завтрак.

Разъездные стежки прокладываются по местам скрытым, нередко закрытым наглухо кустарниками и камышами. Их не одна, а несколько. Разъезды часто меняют их из опасения сделаться жертвой неприятельской засады. Когда горцам нужно схватить разъезд, они выбирают для того темную ночь и заседают стежку, по обе ее стороны, в трех различных местах. Средняя засада, перекинув через стежку аркан либо лозу дикого виноградника, устраивает таким образом барьер в грудь коню от поверхности земли. С какой бы стороны разъезд ни следовал, крайняя засада пропускает его и вслед за тем, гикнув ему в тыл, нагоняет его на барьер, где конь и всадник падают и делаются добычей средней засады. У казаков, разумеется, своя сноровка имеется против таких ухищрений "голомозгцев". Во-первых, разъездные не едут вместе, а тянутся гусем, на таком один от другого расстоянии, чтобы передний человек только маячил заднему. Оно, конечно, охотнее бы ехать односумам в кучке: запалили бы они люльки (закурили бы трубки), да чтоб не было им жутко, поразговорились бы про свой курень, про последние оттуда новости: кто с кем покумился и кто с кем побранился; поразговорились бы про свою домашность — будет ли, не будет ли снежная зима, достанет ли сенца прохарчевать худобку до "теплого Олексы"¹, — и мало ль есть о чем им повести приятную речь? — да только оно не приходится, не так наказывал есаул с вечера. Есаульский наказ вот какой: езжайте вы, братцы, так и этак; примечайте, когда острожитесь конь, и собственных очей не хойайте в кишенью (не прячьте в карман); почаще останавливайтесь да прислушивайтесь — да оглядывайтесь мне почаще назад, а пуще всего не съезжайтесь до кучи. Ты, Деркач, не доехал вчерашнюю ночь до съездного пикета. Это я знаю: меня, брат, не проведешь, смотри — ребра переломая... Во-вторых, бывалый казак, как только услышит продирающий по коже гик позади себя, вмиг смекнет, что неприятель

¹ Между черноморскими казаками, особенно между пластунами, есть доки, предузнающие с осени продолжительность и суровость зимы по наблюдениям над хребтами и внутренностями диких кабанов.

хитрит, козни строит, и потому устремит он своего надежного коня не прямо, вперед себя, а в бок. Пробился конь через "хмеречу" (чащу) и через болото, исполать ему: он добрый конь, настоящий казацкий конь — ни продать, ни подарить его, а застрял, так долой с него — там он и оставайся, хоть бы пешему добраться как-нибудь до поста.

Последний разезд, "световой", убирает залогу. Но когда над Кубанью висит туман, залога не снимается и движение разездов не прекращается до полудня. Зимой, когда на Кубани лежит лед, по словам горцев, божий по-мост для хубхадедов (удальцов), — когда с устранением естественных препятствий влажной границы нападения бывают в больших, открытых силах, — ночная пешая залога заменяется конными караулами¹ и учащенными разездами. Ни темень, ни вьюга и стужа, ни угрозы близкого и сильного неприятеля — словом, никакие обстоятельства не могут служить поводом к увольнению очередных казаков от трудного конного ночного караула.

Укрепление, называемое "бикет", имеет вид огромного тура. Оно обнесено высокой плетневой огородой, снизу по грудь двойной, с небольшим промежутком, засыпанным землей. Мелкий и узкий ров опоясывает огороду. Сторожевая вышка и вещая фигура составляют служебные принадлежности пикета, как и поста. Но на посту дымится труба хаты, более или менее гостеприимной, пикет же не представляет другого приюта, кроме шалаша, с разложенным посредине его огоньком и с растянувшимся около огонька котом. Кот делит сухарь с казаком в этом глухом, угрюмом аванпостном шалаше и дарит его единственным мирным и мягким впечатлением, единственным отрадным развлечением среди бессменных грозных впечатлений боевой черты, среди бессменных суровых дум об опасности и неприятеле. Вернувшись из поиска, казак подсядет к огоньку сушиться; его чело хмурится, его ус топорщится, на душе тяжело, в голове смутно. Подойдет на цыпочках котик и умильно уставит на него свои добрые серые глазки. Казак его оттолкнет, но котик подойдет немного спустя в другой раз. Казак его погладит и нежно подергает за жидкий ус. Тогда кот повиляет ему дружелюбно хвостом и помурлычет воспоминанием о своей бабушке, с которой играют где-то казачата. И вот морщины

¹ Они не могут быть названы ведетами, потому что ставятся на далекое один от другого расстояние, не имеют взаимной связи и не составляют цепи.

слетели с чела, ус прилег, от сердца отошло и на душе казака стало опять светло: Добрая казацкая душа не зачерствеет и не заплесневеет ни в какой трущобе, ни среди каких суровостей военного быта...

В пикете помещается от трех до десяти казаков. Черноморцы способны держаться и за этими ненадежными защитами. Свойственный им недостаток ловкости и увертливости они с лихвой вознаграждают твердостью и стойкостью. Только б сказали им стоять, так постоят. Каждый человек за себя возьмет. Не будучи поэтому похожи на тех прихотливых воинов, которым нужно, чтоб сорок веков на них смотрели, они черпают силу и мужество в решительные минуты боя из своего задушевного прадедовского убеждения: "Бог не без милости, а казак не без доли (не без счастья)". Были примеры, что человек десяток дружных односумов, внезапно осажденных в своем плетневом кошеле, с виду готовом скатиться в Кубань от одного толчка, не думали сдаваться на предложение черкес, сделавшееся ходячей поговоркой: "Эй, Иван, гайда за Кубань", не теряли головы и геройски выдерживали яростные приступы. Припав за плетневую загату, с прикладом при щеке, а шапки выставив выше своих голов, против плетневых амбразур, чтоб туда направить первый жестокий огонь неприятеля, они упорно и лихо отбивались, нанося сильный вред осаждающим, пока наконец не бывали выручены. И нередко кто-нибудь из них оставался еще невредим, чтоб отворить подошедшей подмоге дверь плетневой крепостцы. Такова история "суровской батарейки", получившей свое название от приказного Сура. Этот Сур с десятью товарищами отбил несколько натисков огромной толпы шапсугов, стремившихся на разгром куреня Полтавского, и мало того, что сам отбил, он спас еще курень, дав ему время приготовиться к обороне.

В нынешнее время горцы редко затрагивают пикеты, и когда открыто переходят линию, то ограничиваются одним наблюдательным облежанием их. Для чего толпа, несущая огонь и меч в казацкую землю, оставляет на линии отряд, который не дает казакам выйти из пикета с донесением на пост и вместе с тем обеспечивает наступающим своим силам отступление и обратную переправу через Кубань.

Старые черноморцы, между которыми много было "водяных", то есть приученных к действию на лодках служак, придумали было, вдобавок к сухопутным линейным укреплениям, плавучие караульни, двигавшиеся по всему

низовому течению Кубани, от Екатеринодара до устьев. Эти кочевые пикеты назывались "байдаками", и число их простиралось до двадцати. Они устраивались наподобие паромов, но имели весла и слушались руля. Вооружались они фальконетами и по борту, обращенному к неприятельскому берегу, прикрывались шерстяными щитами с отверстиями для ружей. На каждом из них помещалось до тридцати пяти пеших казаков, с кухней и запасами. Один такой байдак, с двумя офицерами и двадцатью восемью казаками, был истреблен горцами в 1802 году. Байдаки гонялись за двумя зайцами и ни одного не ловили. Но что еще невыгоднее — они оставались в бездействии большую половину года, через обмелевание и замерзание Кубани. А потому существование этих кордонных амфибий кончилось превращением их в простые паромные переправы через Кубань и Протоку.

Вся линия, с ее постами, батареями и пикетами, поделена на части и отделения, для занятия которых употребляется более трети войсковой конницы, пехоты и артиллерии. В медицинском отношении линия разделена на четыре участка. В каждом участке состоит лекарь.

В зимнее время обыкновенная кордонная цепь подкрепляется временными резервами, контрфорсами, которые называются, в своем особенном смысле, "отрядами" и в которые наряжаются полки, батальоны и батареи, находящиеся в домах, вне служебной очереди¹. А в тех случаях, когда горцы нападают на линию чрезвычайными силами, войско выставляет на Кубань, не в очередь, всю свою конницу, пехоту и артиллерию, даже "внутренне-служащих", то есть таких чинов, которые прослужили уже в полевой службе двадцать два года и еще служат в войсковом гарнизоне три года. В то время пикеты, слишком выдавшиеся от прямой черты вперед, на исходящие углы глубоких займищ, покидаются, их караулы стягиваются к постам и батареям. Остаются на них одни коты, которые кормятся во время отсутствия казаков ловлей зябликов и

¹ Очередная служба на линии называется станцией, а безочередная отрядом. Отряд труднее станции. Если бы пограничные курени, которые именно и служат приманкой для хищнических нападений горцев, были отделены от общего военного состава, если бы служивое их население постоянно оставалось на месте для охранения своих жилищ, дорог, пастбищ и полей и для всегдашней поддержки кордонных караулов, то, кажется, не было бы надобности в подкреплениях, и льготы полков и батальонов не нарушались бы.

других птичек. Посты и батареи с их убогими помещениями едва укрывают своих постоянных жильцов. Бесприютные вспомогательные отряды располагаются около бивачных огней, дымящихся под ненастным зимним небом. Трудности этого зимнего бивакирования для непривычных людей и лошадей были бы невыносимы. На два с лишком месяца, самых суровых в году, линия кордонная принимает вид боевой линии. Горцы употребляют тогда все усилия, чтобы истребить кордонные сена (обыкновенно складываемые с лета на лугах, в самых местах покосов) и отнять у казаков способы продовольствия их многочисленной конницы¹. И часто выстрел из пистолета, приставленного шапсугом к стогу, превращает в пепел плоды летних тяжелых трудов казака.

Смутно как-то бывает тогда на линии. Ночью никому не спать, коней никому не расседлывать. Пройдохи лазутчики один за другим наезжают украдкой из-за Кубани с грозными вестями. Что лазутчик, то и особая весть. Полное осуществление казацкой поговорки: "Пиди до ста бабив, скажуть тоби сто лихив". По сказке одного из этих вещунов, в двух часах от Кубани такое скопилось сборище, что из камешков, брошенных *хубхадегами* на бурку, вышел настоящий курган², и, что горше еще, это несметное сборище в эту же ночь обрушится на верховой курень Васюринский. По уверению другого, который сам два часа тому назад громче всех кричал на совете сборища, в Васюринском курене можно спать, укрывшись с головой, а гроза разразится на низу, над куренем Полтавским. Наконец, по решительному объявлению третьего, по дудке которого сам Магомет-Амин скачет, у всех шап-

¹ Для конницы, постоянно и временно занимающей линию, готовится по Кубани каждое лето личными способами казаков более 3000 стогов, или один миллион пудов сена. Заготовление сена на линии делается льготными полками и батальонами. В этом безочередном наряде льготный казак теряет сенокосное время в ущерб своему собственному хозяйству.

² Хубхадед у черкес то же, что у татар джигит. Ориенталист остановится на этом слове и подивится, из какой дали забрело оно в ущелье северной покатоности Кавказа.

Каждый воин черкесского сборища, затевающего открытый набег, бросает на разостланную бурку камешек. Все брошенные камешки сосчитываются, и таким образом предводители сборища получают сведение о численном составе вооруженной силы, которой они располагать могут. Такова строевая отчетность людей, почитающих унижительным прямой счет человеческих личностей.

сугов и низовых абадзехов одно желание и одна дума — вломиться в Бжедугскяль и разобрать по саквам армянские лавки... Ну как тут отличить услужливую истину от коварного подвоха или от пустой, праздной лжи? Задача трудная. Тем более трудная, что у самого надежного лазутчика глаза велики, а язык без костей. На театре большой войны подмечают иногда за нами замашку преувеличивать, когда речь идет о силах замеченного неприятеля. Свиньем валит, глазом не окинешь, шестом не проворотишь — все это выражения сильные, конечно, но это лишь капля в море в сравнении с преувеличениями черкесских вестников, одаренных воображением Шехерезады и красноречием китайской реляции. Если бы сотая только доля угроз, разновременно перенесенных ими с гор на линию, сбылась, давно бы уже ни черноморских, ни кавказских казаков не существовало на белом свете. "Як бы Бог слухав чередника (пастуха), уся б худоба сгинула".

Линейная опытность предписывает считать верным только то, что добудут свои неутомимые и бестрепетные разведчики. В темные ночи они дают сигналы огнем, зажигая камыш по передовым опушкам плавней. Гонимый и раздражаемый северо-восточным ветром, услужливый огонек разгорается неистовым пожаром. Пожар пустыни — какое кому до него дело? — блуждает огромными клубами много дней и ночей по неисходным пространствам камышей, пока не пресытится и не сляжет сам собой.

Открытым нападениям горцев чаще подвержены верховые, то есть более удаленные от моря участки линии. Здесь пограничный рубеж — правый берег Кубани — менее представляет препон стремительным вторжениям неприятеля. Надобно сказать, что Кубань, пролегающая вдоль Кавказского хребта широким желобом, посредством которого нагорные воды стекают в два морских водоема, носит на себе резкие отпечатки главных видоизменений горного хребта. Ближе к своему верховью, к Эльбрусу, где горы имеют наибольшее возвышение, правый берег Кубани (который вообще на всем своем протяжении господствует над левым) возвышен, утесист и, как окрестная почва, каменист. Отдаваясь к северо-западу от Эльбруса, по направлению к Черному морю, горный хребет оседает, освобождается от вечных снегов и вечного оцепенения, делается доступным для органической жизни. Берега Кубани также понижаются и принимают свойство песчано-глинистое и черноземное. Наконец еще северо-западнее, еще ближе к Черному морю, плуг бороздит возвышенной-

шие скаты хребта и Кубань отражает его обрешение лесом горбы в своих широких водах, тяжело движущихся в низменных илистых берегах.

Все прижимаясь к горам и все отбегая от правого своего берега, который почти неуклонно тянется прямой грядой, она вьется, как поспешно ползущая к своей норе змея, и крутыми изгибами, нередко простирающимися на несколько верст в радиусе, образует множество закрытых займищ. Сопредельное население гор, теснимое с другой стороны хребта Черным морем, придвигается все ближе и ближе к пограничной черте. Хищнические шайки находят себе скрытные притоны в виду самых кордонных вышек, а островки и промели, рассекающие реку многими точками, значительно облегчают переправу наездникам — при обычных им вспомогательных средствах: тулуках (кожаных мехах, наполненных воздухом), фашинах, карчах, долбленных челнах, а часто и без этих пособий — на одних добрых конях.

Между тем изломанное течение Кубани лишает кордонную линию важнейшего удобства — равнения, фронта. Оседлые посты держатся по большей части возвышенного гребня берега, этой хорды дуговидных течений реки, а батареи и пикеты — эти легкие укрепления, способные держаться на какой-нибудь кочке, выдавшейся из топи поречья, смело и неотступно преследуют береговой урез, по самым прихотливым его изворотам и уклонам. Так смелые гончие преследуют быстро несущегося по плавне вепря. Острым клыком подкашивает он старый камыш, и по широкому своему следу мечет горячую пену... Могучая растительность господствует вокруг передовых этих укрепленьцев, самых уединенных и пустынных. Хмель, ежевичник и другие ползучие широколиственные растения заволакивают их снизу доверху. Природа как бы приголубливает и укрывает от хищника их печальное сиротство и одиночество.

В последнем низовом участке необозримые плавни, покрытые озерами и длинными лентами вод, остающихся после разливов Кубани, широко раздвигают звенья кордонной цепи и пролегают мертвыми между ними пространствами. Прямые сообщения между пикетами, батареями и постами загромаждены бесчисленными препятствиями и возможны иногда на одних только легких долбленных челнах — "каюках", перетаскиваемых на руках от одного озера к другому. Подобная местность немного представляет неприятелю удобств для открытых наездов, зато покрови-

тельствует она прорывам мелких хищнических шаек "психадзе", которые не без основания слынут у казаков более опасными, чем сильные полчища "хеджретов".

Психадзе тихо просачиваются сквозь кордонную плотину в незаметные скважины, которые при всем старании, при всех хлопотах не могут быть прочно забиты, а хеджреты переливаются через верх волнами внезапных и шумных приливов, для отвращения которых недостаточно одного возвышения или упрочения плотины. Психадзе — по-русски "стая водяных псов", так называются у самих горцев пешие, неотвязные и надоедливые хищники, достигающие добычи украдкой, ползком, рядом мученических засад, — больше шакалы, чем львы набегов. Хеджрет — это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник — это лев набега. Первый образ хищничества свойствен простым по происхождению и бедным по состоянию людям, а последний — дворянам и людям достаточным. Когда горец выехал из своего аула на такое расстояние, далее которого не отходят от жилья куры, — выехал, разумеется, не с одними голыми руками, а с зарядом в ружье и с десятью другими в газырях, с куском сухого сыра в сумке и с арканом в тороке, он — хеджрет. Преимущественно же и существенно принадлежит это название буйным бездомовникам, которые выросли в круглом сиротстве и неимуществе или которые, накликав на себя гонение в своих обществах, бежали с родины на чужбину и там по неимению недвижимой собственности и собственного тягла промышляют себе хлеб насущный кинжалом и винтовкой. Эти люди, по выражению одного высокостепенного бжедугского эфенди, свинцом засевают, подковой косят, шашкой жнут. Долговременная Кавказская война, осиротив тысячи семейств и истребив тысячи частных имуществ в горах, произвела множество хеджретов в первом смысле — в смысле сиротства и неимущества. Нынешний посланец Шамиля Магомет-Амин, подобно двум своим предшественникам, Хаджи-Магомету и Сулейману-эфенди, находит в хеджретах ревностных поборников своих возмутительных и фанатических происков между закубанскими горцами — не потому, чтобы хеджреты сочувствовали его лжеучению, а потому, что находят они возможность составить около него свой круг, свою шайку и получать от него деятельность, которая наполняла бы пустоту существований, не принадлежащих ни обществу, ни семейству. Так оторванные от берега песчинки долго крутятся в гибких волнах Кубани, пока не

нападут на точку опоры, пока не остановятся и не установятся около ветки, сломленной ветром с нагорного дуба и увязшей на дне реки. Тогда, сцепляясь одна с другой, они образуют из себя нанос, нанос разрастается в огромную промель, по которой падкий на добычу горец пробирается в беспечную казацкую станицу...

Хеджреты принадлежат к разряду людей, для которых жизнь копейка, а голова наживное дело. Они во всякое время готовы на предприятия самые дерзкие, на похождения самые отважные. По одежде они последние бедняки, по оружию первые богачи. Дорогой оправой винтовки и лохмотьями черкески одинаково тщеславятся, молодого человека, надевшего бешмет с галуном, язвят насмешкой. В этом отношении, но уж, конечно, ни в каком другом, они сродни тем циникам, у которых сквозь дыры старых плащей проглядывала гордость. Кожа с убитого хеджрета, говорят горцы, ни на что не годится, но когти этого зверя дорого стоят. Про удалых хеджретов поют песни, прекрасный пол честит их предпочтением на празднествах, а это самая вожденная награда для черкеса, награда, для которой сердце молодого наездника бьется ровно и спокойно под свистом русской картечи, пред сверканием русского штыка. По свободному ли сочувствию к храбрости или по наущению стариков царица шапсугского пира проходит, не поведя глазом, мимо блистающих красотой и галунами юношей и подает руку оборванному, затертому в толпе хеджрету, чтоб с ним составить звено в цепи ушюкурая (господствующая в горах пляска, в которой девушки и молодые мужчины, сцепившись плотно рука с рукой, локоть с локтем, делают из себя живую, движущуюся гирлянду).

За Кубанью хеджреты то же, что за Терекком абреки. Хеджрет (от арабского "хеджра" — бегство) значит: беглец, переселенец. Это чужое название горцы благосклонно приняли и водворили в свой язык в честь хеджры, или бегства, основателя ислама из Мекки в Медину.

Но dokonчим обзор линии.

Естественные преграды, противопоставляемые открытым нашествиям неприятеля местностью низового протяжения линии, исчезают в зимнюю пору, когда воды и болота Кубани замерзают. Тогда, напротив, препятствия обрастают в выгоды для горцев. Как при наступлении, так и при отступлении они с решительным успехом прикрывают свои летучие толпища дремучими камышами, которыми задвинул этот порог.

Такие резкие оттенки пограничной местности, очевидно, должны были внести некоторые особенности в образование военных сил и в самый характер службы черноморских казаков. Первая и существенная особенность является уже в том, что Черноморское войско имеет пехоту — летучую штыковую пехоту, делающую по двенадцати верст в час, тогда как мы привыкли представлять себе казака лишь на хребте степного коня или на корме вооруженной ладьи. Потом, как в пехоте, так и в коннице истари ведется особенный, единственный в своем роде разряд стрелков-разведчиков (*eclaireurs*), предприимчивых, мужественных, неусыпных, которых могли вызвать и воспитать только известная местность и известные военные обстоятельства. Это пластуны¹.

¹ Пластун значит собственно — охотник, егерь. Слово малороссийское, которого корень польское *plazy*, т. е. ползающие.

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Пластуны

Они стоят на первом плане Нижне-Кубанской линии и служат ей вернейшей опорой. Их положение в отношении к кордонной линии почти то же, что положение застрельщиков в отношении к первой боевой линии. В наблюдении за неприятелем они зорче и дальновиднее сторожевых вышек, хоть и не так высоко, как эти последние, поднимают голову. На них падает первое взыскание за неподмеченный издали, не возвещенный в пору налет хеджрета и прорыв психадзе. Они рассеяны по всем постам особыми товариществами и преимущественно любят держаться в самых передовых, оторванных от главной черты широкими излучинами Кубани притонах, "батареях". Каждая батарея имеет трехфунтовую сигнальную пушку (через что и называется она батареей), из которой пластуны палят "на гасло", на тревогу, когда неприятель наступает слишком быстро и в больших, открытых силах.

Узнав место, занимаемое пластуном на линии, следует познакомиться с его наружностью и нравственными свойствами.

Это обыкновенно дюжий, валкий на ходу казак первообразного малороссийского склада и закалу: тяжелый на подъем и неутомимый, не знающий удержу после подъема; при хотении — бегущий на гору, при нехотении — еле плетущийся под гору; ничего не обещающий вне дела и удивляющий неистощимым запасом и разнообразием, бесконечной тягучестью способностей в деле...¹ Это тяжело-

¹ Мы позволим себе повторить здесь факт, рассказанный одним старым кавказским офицером в следующих словах. При мне служил казак Олекса Цап, примерно честный и рассудительный человек. В одном месте пришлось ему порядком побегать по седельникам и быть свидетелем досады, которую причиняла мне неудовлетворительная работа плохих мастеров; причем он обыкновенно молчал. Наконец я заметил ему с сердцем: "Ты виноват, что все плохих мастеров мне находишь". — "Я не виноват, — отвечал черноморец, — что в этом месте нет дельных мастеров. А если вы меня виноватите, так я все поправлю и заново сделаю не в пример лучше..." — "Разве ты знаешь седельное мастерство?" — "Трохи тямлю (немного смыслю)". Оказалось, что Олекса Цап — превосходный седельник и шорник. Расхваливая его изделие, я не мог не спросить: "Отчего же ты мне прежде не сказал о своем умении?" — "Але ж вы мене не пытали (но ведь вы меня не спрашивали)".

ватый и угловатый камень, которым неопытный и нетерпеливый зодчий может пренебречь, но который, если его поворочать на все стороны, может угодить в главу угла. Из служивых людей различных народностей, входящих в могучий состав русского воинства, быть может, черноморец наиболее имеет нужды в указании, одобрении и добром примере, и потом этот же черноморец наиболее бывает благодарен и отдатлив за всякую заботу о нем, за всякую оказанную ему справедливость и за всякое теплое к нему чувство. В старых песнях о добрых вождях казачества слышен просто плач... Сквозь сильный загар описываемой личности пробиваются добродушие, которое легко провести, и вместе суровая сила воли и убеждения, которую трудно погнуть или сломить. Угрюмый взгляд и навощенный, кверху вздернутый ус придают лицу пластуна выражение стойкости и неустрашимости. В самом деле, это лицо, окуренное порохом, превращенное в бронзу непогодами, как бы говорит вам: не бойсь, перед опасностью ни назад, ни в сторону! Когда вы с ним идете в опасном месте или в опасное дело, от его шагу, от его взгляда и простого слова веет на вас каким-то спокойствием, каким-то забвением опасности. И, может быть, отсюда родилось это поверье, что один человек может заговорить сто других против неприятельского оружия... Пластуны одеваются, как черкесы, и притом, как самые бедные черкесы. Это оттого, что каждый поиск по теснинам и тущомам причиняет сильную аварию их наряду: Черкеска отрепанная, покрытая разноцветными, нередко даже — вследствие потерянного терпения во время починки — кожаными заплатами; папаха вытертая, порыжелая, но в удостоверение беззаботной отваги заломленная на затылок; чувяки из кожи дикого кабана, щетиной наружу — вот будничное убранство пластуна. Прибавьте к этому сухарную сумку за плечами, добрый штуцер в руках, привинтной штуцерный тесак с деревянным набойником спереди, около пояса, и висящие с боков пояса так называемые причиндалья: пороховницу, кулечницу, отвертку, жирник, шило из рога дикого козла, иногда котелок, иногда балалайку, или даже скрипку — и вы составите себе полное понятие о походной наружности пластуна, как она есть...

Довольно занимательно это соседство балалайки и скрипки с бранными доспехами героя плавней. То ли еще можно видеть на казацком биваке, в закубанских походах! Не все же метать грома герою плавней, и ему есть время и охота побренчать на мусикийском орудии. "Не

всегда натягивает лук Аполлон, и он заставляет поразговориться молчаливую музу"¹. Не так давно был вот какой случай. Пограничного Корсунского куреня пластун Омелько Вернигора во время домовой льготы возьмет, бывало, ружье и скрипку и отправится на левую сторону Кубани охотиться за кабаном и оленем. Покончив с охотой, зайдет он по дороге в мирный аул (он же знал шалтай-болтай по-черкесски) и давай потешать молодежь бойкой игрой на скрипке. За то его угощали "четлипшем" и подчас ссужали арбой для перевозки к Кубани убитого кабана. Девушки и "баранчуки" особенно его жаловали и, если случалось, что он долго не наворачивался в аул, скучали за ним. Охота за Кубанью требует большой оглядки, это одно из тех дел, которых даже мастер боится. Доводилось Омельку раз-другой накинуть глазом *немирных*, но это были одиночки, и он знал, что ему делать. Вместо того чтобы переменить направление или спешить укрыться, он держался своей тропинки и еще более выставлялся на вид. Горцы не видели пользы тратить с ним время и уходили себе, куда шли. Они подозревали засаду. Да притом храбрейший из горцев не откажется немножко струсить, если на него никто со стороны не будет смотреть, если не случится свидетелей с длинными языками. Когда нет в виду добычи, черкес любит, чтобы яркое солнце светило на его подвиг, чтоб на него смотрели если не сорок веков, так сорок земляков, у которых ведь сорок языков. Наконец выпала Омельку Вернигоре недобрая встреча: шапсуги подстрелили его в ногу и накрыли лежачего. Сидит подстреленный пластун в глубокой яме в немирном ауле и думает думу, какую? — он про то знает. Ночи длинные, попытаться бы выкарабкаться из западни, так нога совсем не служит. Стало быть, надобно потерпеть и выждать: Бог же не без милости, а казак не без доли. Действительно, отважному Омельку не долго пришлось горевать в неволе. Его вызволила скрипка. Когда в мирных аулах узнали о плене пластуна Орфея, тотчас молодые хубхадеды по просьбе своих "дяхедед-псассе" (пожалуй, *dames de leurs pensées*) взялись пособить беде и благополучно выкрали пленника.

Рассказанный случай принадлежит к самым обыкновенным похождениям пластунов, которых дело кочевать непрерывно по обоим берегам Кубани, в лабиринте плав-

¹ Non semper arcum tendit Apollo,
Tacentem et ille suscitatur musam.

ней, которым задан нескончаемый урок — открывать неизвестные или вновь являющиеся тропинки в болотах и броды в пограничной реке, класть и поверять приметы на всех проходах, схватывать следы, залегать живым капканом.

Они пускаются в свои трудные поиски мелкими партиями, от трех до десяти человек. Искусство пользоваться местностью по-своему — чуткость, зоркий глаз, выстрел без промаха заменяют им численную силу. Пластун скорее теряет жизнь, чем свободу, а если в недобрую минуту и попадет он в железный ошейник хеджрета, то скоро из него вырвется — "выкрутится". Купить в горах порядочному хозяину пластуна — один разор. Что б ни предложено было ему работать, у него один отзыв: не умею, а на уме одна мысль: уйти! Скоро или не скоро приберет он самый неупотребительный способ выпутаться из цепи или из колоды, выкарабкается в трубу очага и все-таки убежит в свою кубанскую плавню.

А какое добро в плавне? В весеннюю и летнюю пору там полно комара и мошки. Над проходящим или сидящим человеком эти кровожадные насекомые, жалящие, как крапива, стущаются в облако пыли, крутимой вихрем, — и их усиленное гудение дает заметить сторожкому психаде, где приготовлена ему засада. Зима приносит пластунам неодолимые трудности. Тогда их скрытные пути погребены под сугробами снегу, сметаемого в болота с возвышений, тогда их походы оставляют по следу глубокие отпечатки, которых ничем не заметишь, тогда обнаженные камыш и кустарник их не укрывают и конный хеджрет набегаёт на них ни оттуда, ни отсюда. Турецкая армия, как известно, бывает плоше зимой, чем летом. То же заметно отчасти и в пластунах. Однако суровые питомцы боевых невзгод и в зимнюю вьюгу, так и в летний туман идут бодро и терпеливо навстречу опасности, проводят в своих отважных похождениях целые сутки сряду, чутко стерегут приближение врага, и первые встречают его своими меткими выстрелами, и первые приносят на посты вести о "неблагополучии". Замеченные, в свою очередь, вдали от опорных пунктов и настигнутые превосходным в числе неприятелем, они умеют так рассчитать свой огонь, что не скоро дадут подавить себя многолюдством. Были примеры, что пять-шесть дружных односумов, неся на своих плечах многолюдную погоню, в первой попавшейся им навстречу чаще камыша, осоки, можжевельника оборачивались, разом прикладывались в противников

и, не открывая огня, приседали, кому за что пришлось. Этот смелый и решительный оборот останавливал преследующих. Они вдавались в опасение засады, начинали осматриваться на все стороны и открывать медленный, рассчитанный огонь, на который, однако ж, казаки не посылали ответа. Ободренные этим молчанием, горцы принимали движение в обход или бросались напрямик в шашки с обычным криком, который не всегда выражает у них увлечение на решительный удар. Но от страшного, как и от высокого, один шаг до смешного. В том месте, где казаки присели, горцы находили только шапки и башлыки, надетые на сложенный камыш. Пластуны уже исчезли, как привидение, и горцам осталось только повторить часто употребляемое восклицание: "шайтан гяур!"

Ясно, что отправление подобной службы, во всем ее пространстве и во всех ее случайностях, не может быть подчинено определенному наблюдению, уставу и контролю. А потому пластуны представлены в своих поисках, засадах и встречах собственной предприимчивости и изобретательности. Они отдают отчет только в упущениях. Может быть, из этой отрешенности в трудном подвижничестве пластуны черпают свои военные добродетели: терпение, отвагу, сноровку, устойчивость и на придачу несокрушимое здоровье. Когда по линии смирно (это бывает обыкновенно во время полевых работ), они обращают свои поиски в охоту за диким кабаном, козой, оленем и таким образом непрерывно держат себя в опытах своего трудного назначения.

Охота за кабаном требует не меньше осмотрительности, как поиск за неприятелем, и учит правилу:

Хоч утека, не все женися.

Два пластуна, отец и сын, залегли ночью на кабаньем следу в плавне. Только рассвело, послышались им пыхтение и хруск: огромный черный кабан ведет свою семью к водопою¹. Пластуны произвели легкий шорох, кабан насторожил уши и стал как вкопанный. Отец предоставил

¹ Дикий кабан кубанских плавней до четырех лет своего возраста носит рубашку пеструю — желтые полосы с темными, а в четыре года (это его совершеннолетие) получает он сплошную черную и лоснящуюся шерсть. Это животное моногамное. Самец, как Сатурн, пожирает своих нововыметанных детенышей, если самка, как Рея, их не спрячет. Выводы (от восьми до двенадцати рыл) отделяются от самца и самки не прежде как по достижении четырехлетнего возраста. Поэтому кабаны живут большими семьями и при нападении волков умеют строить неодолимое каре: сильные впереди, слабые в середине. При нападении охотника глаза кабана, маленькие и выразительные, горят гневом, уши ходят ходенем, углы рта пенятся, длинная щетина на хребте встает дыбом, и весь вид животного поистине бывает страшен.

себе честь первого выстрела, выстрелил и поранил, но не повалил кабана — не угодил старина ни в лоб, ни под лопатку. Свинья с поросятами шарахнулась назад, а кабан сделал было яростный прыжок вперед, на первый запах порохового дыма, но, ощутив рану, тоже повернул назад и покотил вслед за своим стадом. Отец продул ружье и стал заряжать, ворча, — успел-де понаведаться дурной глаз, начинается моя литовка легчить... А сын со всех ног махнул за раненым зверем по горячему следу. Видит он кровавую струйку и слышит звучный треск очерета впереди себя, да никак не уловит взглядом утикающего зверя — слишком густ был очерет. Пробежал он этак шагов сотню, кровавый след и торопливый треск все впереди его... Вдруг что-то сзади толкнуло его в ноги и больно, будто косой, хватило по обеим икрам. Повалился пластун навзничь и очутился на спине кабана. Тряхнул кабан спиной, махнул клыком и располосовал пластуну черкеску с полушубком от пояса до затылка. Еще одно мгновение, один взмах клыка — и свирепое животное выпустило бы своей жертве все внутренности, но в это бедовое мгновение раздался выстрел, пуля угодила в кабанье рыло, пониже левого глаза, и кабан с разинутой пастью растянулся на месте, во всю свою трехаршинную длину. То был выстрел отца молодого пластуна, так удивительно попавшего на кабаный клык, лезвие которого чуть ли не острее черкесской шашки. А удивительного, впрочем, тут ничего нет. Раненый кабан, чуя за собой близкую погоню и прикрывая бегство своей самки с детенышами, бежал-бежал, да вдруг вернулся назад по своему следу, прыгнул в сторону и сделал засаду на своего преследователя, которого и подкузьмил сзади, как скоро тот миновал его. Обе икры бедняка были прохвачены до кости. "А що, хлопче, будешь теперь знати, як гнатись, да не оглядатись", — проговорил старый пластун, перевязывая сыну раны и журя его за неосмотрительность.

Природа — мой букварь, а сердце — мой учитель, говорит мудрец; пластун скажет, что плавня с дикими ее жильцами — его военная школа, а охота — учитель. И действительно, в этой школе приобретает он первый и твердый навык к трудам, опасностям и самоотвержению, и из этой выучки выходит он таким совершенным стрелком, что бьет без промаха впотьмах, не на глаз — на слух. Примеры подобного стрелецкого совершенства между пластунами многочисленны, иногда даже печальны. Приходит иногда в курень с кордонов плачевная весть, что в темную ночь пластун Левко застрелил пластуна Илька на засаде, в глухой плавне, пустив пулю на хруск камыша.

Пластуны принимают к себе новых товарищей большей частью по собственному выбору. Прежде всего требуют они, чтобы новичок был стрелок, затем что на засаде, в глуши, без надежды на помощь один потерянный выстрел может повести дело на проигрыш; потом требуют, чтоб он был неутомимый ходок — качество, необходимое для продолжительных поисков, которым сопутствуют холод и голод, — и наконец, имел бы он довольно хладнокровия и терпения про те случаи, когда надобность укажет под носом превосходного неприятеля пролежать в камыше, кустарнике, траве несколько часов, не изобличив своего присутствия ни одним неосторожным движением, затаив дыхание. Иногда — странное наведение! — эти разборчивые и взыскательные подвижники принимают, не говоря ни слова, и даже сами заывают в свое товарищество какого-нибудь необстрелянного "молодика", который еще не перестал вздыхать по "вечерницам" своего куреня и еще не успел представить ни одного опыта личных своих служебных достоинств, но которого отец был славный пластун, сложивший свои кости в плавне. Вообще пластуны имеют свои, никем не спрашиваемые правила, свои предания, свои поверья и так называемые характерства: заговор от пули, от обпоя горячего коня, от укушения змеи; наговор на ружье и капкан; "замовлень" крови, текущей из раны, и проч., но их суеверия не в ущерб вере и не мешают им ставить свечку святому Евстафию, который в земной своей жизни был искусный воин и стрелец, сподобившийся видеть на рогах гонимого им пустынного оленя крест с распятым на нем Господом¹.

Что касается тактики пластуна, она немногосложна. Волчий рот и лисий хвост — вот ее основные правила. В ней вседневную роль играют: след, "сакма", и засада, "залога". Тот не годится "пластуновать", кто не умеет убрать за собой собственный след, задушить шум своих шагов в

¹ "Я стану шептати, ты ж, Боже, ратовати...", т. е. избавлять, выручать... Вот, сколько известно, начальная формула заговоров и наговоров.

Нельзя не обратить внимания на самое слово *характерство*, которым определяется всякое волхование на случайности войны, а особенно заклинание или знамение, ограждающее воина от раны в бою. Известно, что подобное суеверие и у французов выражается словом *caractère*. Например: Il ne fut pas tué, parcequ'il portait un caractère. Какой ветер занес название поверья и, может быть, самое поверье с берегов Сены на берега Днепра, а оттуда и на берега Кубани?..

трескучем тростнике, кто не умеет поймать следы противника и в следах его прочитать направленный на линию удар. Где спорят обоюдная хитрость и отвага, где ни с той, ни с другой стороны не говорят: иду на вас! — там нередко один раньше или позже схваченный след решает успех и неудачу. Перебравшись через Кубань, пластун исчезает. А когда по росистой траве или свежему снегу след неотвязно тянется за ним, он заплутывает его: прыгает на одной ноге и, повернувшись спиной к цели своего поиска, идет пятами наперед, "задкует", — хитрит, как старый заяц, и множеством известных ему способов отводит улику от своих переходов и притонов. Как оборотни сказок — что чудно-дивно меняют свой рост, в лесу вровень с лесом, в траве вровень с травой, — пластуны своими мелкими партиями пробираются с линии между жилищами неприязненных горцев к нашим полевым закубанским укреплениям и оттуда на линию. Истина общеизвестная, что шаг за низовую Кубань — шаг в неприятельский лагерь, потому что поселения горцев на самом деле составляют обширный военный стан, в котором шатры заменены хижинами, немного, впрочем, отличными от бивачных шалашей. И какая бдительность, какая удивительная готовность в этом оседлом лагере! По первому дыму сигнального костра днем, по первому выстрелу и гику ночью все при ружье, все на коне и в сборе. И между тем — истина не менее известная — в прежние годы, когда еще в горах не было русских укреплений, а в обществах горцев не было так называемых "приверженных" к нам людей, пластуны проникали в самую сердцевину гор, осматривали местоположения аулов, сторожили за неприятельскими сборищами и их движениями — и своим бескорыстным самоотвержением заменяли продажные, так часто живые услуги нынешних лазутчиков.

Во всех обстоятельствах боевой службы пластун верен своему назначению. На походе он освещает путь авангарду, или в цепи застрельщиков изловчается и примачивается, как бы вернее "присветить" в хвастливо гарцующего наездника, или, наконец, бодрствует в отводном секретном карауле за сон ротного ночлега. В закубанском полевом укреплении он вечно на поисках по окрестным лесам и ущельям. Его услужливая бдительность предохраняет пастбища, рубки дров, сенокосы и огородные работы при укреплениях, а тем более и самые укрепления от нечаянных нападений.

Наши закубанские укрепления снабжены сверх дру-

гих средств обороны ручными гранатами про случай штурма. Пластуны придумали этим праздным снарядам свое особенное употребление. Пускаясь иной раз в слишком отважный поиск, они берут в свои сумки несколько ручных гранат; когда дойдет до тесных обстоятельств, они зажгут и бросят гранату в нос шапсугам, а сами — давай Бог ноги. "Нуте ж, ноги, да не лускайте".

По ныне действующему войсковому положению (1842 года) пластуны, так сказать, получили право гражданства в рядах военных сил Черноморского войска. Они признаны отдельным родом, и число их определено штатом: в конных полках по 60, в пеших батальонах по 96 человек в каждом. (Но их много сверх этих штатных чисел). Вместе с тем в справедливом уважении к их более трудной и полезной службе назначено им преимущественное пред прочими товарищами их жалованье. Жалованье — жалованьем, а как по казацкой пословице "вовка ноги годуют" (кормят), то и с вертела пластуна во весь мясоед не сходит лакомая дичь...

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Плавни

— Куличе, куличе! Як ти у болоти живешь?

— А я привык.

Свет, говорят восточные мудрецы, не что иное, как караван-сарай. Можно прибавить, что этот обширный караван-сарай очень давней постройки и требует непрерывных поправок. Особенно плохи в нем стали водопроводы и фонтаны. Постояльцы озабочены своими делами, были, да уехали — а неисправности старого здания становятся заметнее и заметнее. Уголок, в котором остановились черноморцы, дает слишком невыгодное понятие о съехавших перед ними постояльцах. Что это за неряхи были такие, что за беззаботные и буйные головы! Все переломали и опустошили. От диванов остались одни щепки, от цветочных горшков одни черепки. Но что особенно они понаделали с водотоками и водоемами, до чего их довели! Трудно пересказать: везде только лужи да плавни.

В природе на каждом шагу — противоположности. Чем ярче краска, тем скорее заметна полинялость. Чем блистательнее свет, тем мрачнее тень от него. От гор, которыми все восхищаются, падает своя тень, которой никто не захочет восхищаться. Это плавни.

В верховых, более открытых, участках линии они залегают перемежающимися займищами, "кутами". Таково господствующее свойство прибрежной местности на протяжении первых трех участков от Редутского до Славянского поста, который находится на половине кордонной линии. Отсюда до самого взморья плавни тянутся широкой полосой, с частыми "грядами", то есть незаметными для глаза, меж камышей, прогалинами открытой и сухой земли. Эти-то естественные плотины и служат воровскими путями предприимчивым психадзе. Мрачна эта дымящаяся туманом закраина зеленых степей и синих гор, где гражданственность и дикость столкнулись на долгую борьбу. Как опустелое поле совершившейся битвы, уныло это широкое дно, покинутое шумными волнами древнего величественного Гипаниса, поросшее очеретом и ивняком по бороздам якоря. Печальна эта дряхлая старость высокородного "князя рек", кипятком пробежавшего свою молодость.

От поста Славянского Кубань начинает уставать под своей водной ношей и слегчает ее в боковые каналы, но горы насылают ей новые избытки, и она, не зная, куда с ними деваться, бросает их по удолам прибрежья. Кордонные укрепления отодвигаются к гребню старого берега, избегая наводнений и ища корма для коня, "пайщика службы царския", терпеливого товарища еще более терпеливого стража этой пустыни. Остатки разливов по набережную то расплываются в широкие плесы, то смежаются в "урмы" — узкие беспорядочные течения. Их задвигают "плавы", то есть плавающие островки, от которых и местность получила свое название. Плавы состояются из корней болотных растений и наносного ила. По этому основанию бывают они покрыты землей, из которой вырастают травы и цветы. Эти подвижные торфяники напоминают описание цветников и огородов, которыми покрыты озера около Мексики, но там творит искусство, а здесь колобродит природа, покинутая разумной помощью человека.

Подаваясь вниз по течению Кубани, к Ахданизовскому лиману, вы погружаетесь в самую глубину плавней и находитесь в участке линии, самом неудобном для обеспечения от опасности. Напрасно взор ваш, измученный мрачным однообразием узкой дорожной просеки, ищет простора или предмета, на котором мог бы отрадно остановиться и отдохнуть. Дремучий, безвыходный камыш! При ином повороте лениво подползет к дороге узкий ерик, дремлющий в своем заглохшем ложе, под одеялом из широких листьев водяного лопушника, водяной лилии и фиалки, либо протянет к вашему стремени свои усохшие, искривленные ветви чахлая ветла, словно увечный, покинутый товарищами путник. Молит он проезжего о помощи, а проезжий... как бы только самому скорее проехать. Где мелькнет дикая коза и перебежит фазан, где-где покажется высокая пика разъездного казака, молчаливого, бесстрастного и угрюмого, как окружающая его местность. Глушь и оцепенение кругом. Только невнятный шепот камышей, слегка машущих своими султанами, только однозвучное жужжание кружащих над вашей головой насекомых да при объезде какого-нибудь лимана кваканье целых сонмов лягушек — базарная болтовня, вздорная, удручающая ухо и внимание. То вам слышится в ней бесконечный шум шибко работающего мельничного жернова, то неровный треск раздираемой ветоши... Там долетит до ваших ушей какой-то задушенный вой, быть может, вол-

чий, а там резкий, тоскливый писк ждущих корма птенцов хищной птицы. И это вздрагивание, и этот бред погруженной в горячечный сон природы отдается в вашем чувстве самосохранения заветным напоминанием отшельника: "memento mori!" Покинутое внешними впечатлениями воображение разыгрывается, наполняется мрачными представлениями опасности близкой, готовой вспорхнуть из-под копыт коня. Зловещее предчувствие неравного боя, внезапного плена и лишения всех прав гражданской личности — неволи в горах налегает свинцом на душу. Завидев прежде вас обгорелый пень, чуткий конь поднимает голову, храпит и робко путает свои шаги. И вот где-то близко затрещал тростник, может быть, под клыком кабана, может быть, под чувяком психадзе. Всадник вздрагивает и торопливо заносит руку на приклад ружья. Чу — раздался выстрел и в медленных перекатах замер где-то в бездонной глубине, в бесконечной дали. И стая лебедей тяжело поднялась над лиманом, и стадо кабанов шарахнуло в камышах с треском и гудением. И всадник едва может сдержать сполохнувшегося коня.

Берега жизни вначале улыбаются и зеленеют, воздух благоухает, птицы поют по набережью, в кустарнике, — и солнце, поднимаясь из-за густых ив, обещает прекрасный день. Между тем как ваша ладья скользит потихоньку, а вы, исполненные веры в будущее, нападаете на нее за то, что она медленно движется, ваша душа и ваше тело наслаждаются таким отрадным привольем, что вы находите удовольствие уже в том одном, чтоб жить.

Но те, которые плывут по реке впереди вас, кричат вам издали, и их голос неприятно заглушает гармоничное журчание воды, колышущей тростник и трепещущей, они кричат: не предавайтесь этому удовольствию, которое нежит ваши чувства, это обольщение, это фантазмагория, все это вот и не видно, как исчезнет.

Так они кричат, потому что они уже не видят по берегам ничего больше, кроме травы пожелтой и обгорелой, кроме старых, усохших елей и воды, едва-едва движущейся, да болот, распространяющих гнилые испарения. Они желали бы подняться вверх против течения, но никакая человеческая сила сделать этого не может. Они думают, что эти прекрасные берега убежали, преобразились; нет, лишь сами они их миновали, а берега остаются на месте для тех, которые следуют позади них и которые так же их минуют... Жизнь делится на три полосы: надежду, наслаж-

дение и сожаление. Течение неотразимо увлекает вас через эти полосы, как бы вы ни были могучи. Вам надобно пройти там же, где проходят другие. Вы желаете остановить ваш взор на растении, подышать запахом цветка, нет, течение вас увлекает — ступайте. Удовольствие остается, а вы мчитесь. Вид растения, запах цветка, пение птички, есть позади вас люди, которые наслаждаются ими одну минуту и которые, как вы, минуют их с сожалением...¹.

¹ Sous les tilleuls. Alphonse Karr.

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

Закубанские укрепления Закубанские воры

Ense et aratro.

Обитатель и оберегатель понизовья Кубани, черноморский казак, домостроителен, как бобр. С этой наклонностью он не разлучается и на службе. В походе за Кубанью, где только он сложит свою сухарную сумку, там тотчас явится, из земли вырастет "курень", шалаш. Недаром он зовет куренем и свою слободу, которая по силе такого наименования всюду за ним следует, то есть, можно сказать, что следует... Потом, едва кашевар успеет развести огонь и установить свой треножник, как уж "братья" похозяйничали: одни подсидели кабана, истребителя черкесских хлебов, другие наловили рыбы. По неимению никакой снасти рыболовы должны были податься на хитрость — превратить в сеть рубаху и ближайшую к ней статью казацкого партикулярного одеяния.

А если закубанский отряд для какой-нибудь военной операции простоит на одном месте продолжительное время, то шалаши казацкого бивака, принимая незаметно большие и большие объемы (потому что казаку все как-то тесно), достигают наконец размеров хат, из которых простодушно, как дома в слободе, выглядывают изредка и "дымари" — плегеные дымовые трубы. Около них возникают хлевы, насесты, ясли, скотные дворы. Куры кудахтают, телята мычат, бараны блеют, и на казацком обеде в праздничный день — кто п верит? — являются даже "вареники" — блюдо, как известно, любимое потомками Палея и Наливайка выше всех съестных благ мира сего, но вместе с тем блюдо удивительно сложное и оседлое и на походе возможное разве в поэтической мечте, в сладостном воспоминании да в игривом сновидении.

В постоянной службе на кубанском кордоне черноморский казак, когда ему нечего делать, кропает ножом ложку, вырезывая на ее рукояти и на обороте ее дна разные потешные узоры, долбит корыто, стружет вилу или ось и плетет из свежих ивовых прутьев "кошель" — подвижную житницу для зерна своей нивы. Если он человек малосемейный и малоимущественный, то кошель его имеет

вид кувшина. А *petit mercier petit panier*. А если он отец большой семьи и обладатель полного плуга, то произведение его получает вид и широкий объем закрома. Пожалуй, оно займет его досуги на полгода. Тем лучше, подобная полуробота разгоняет грусть-кручину казака по домашним и сближает его нравственно с далекими пенатами. В те минуты, как он плетет "всыпище" для своего амбара, улыбка шевелит его длинный ус и услужливо воображение плетет ему узорчатые, разумеется, воздушные кружева домашнего довольства, домашних радостей. За этим плетеным подарком приедет к нему на кордон перед сменой его молодича круглолицая. С ней приедут домашние "поляницы" ¹ и дети. Он взвалит кошель на воз и посадит в него детей. Малютки будут щебетать от удовольствия, как молодые ласточки в гнезде, откуда видны одни только их носики. Нужно ли больше пояснять вам, отчего улыбка шевелит суровый ус в те минуты, как привычка к труду шевелит руку, воздвигавшую пустырь и карающую врага гражданственности?

В закубанских укреплениях, выдвинутых далеко вперед от линии и имеющих редкие сношения с ней, домостроительное свойство черноморцев достигает полного приложения к делу. Там, отчужденные от всего остального цивилизованного мира, они заводят огороды и бакши и, как Ной, только что вышедший из ковчега на трезвую землю, сажают виноградную лозу, там выделывают они кожи, выжигают горшки, плоски и разную глиняную посуду, а о постройках и заведениях, приятно напоминающих им жизнь домашнюю, и говорить нечего. Выходит, что черноморский казак способен приниматься для оседлой жизни на всякой почве, при всякой погоде и что с несомненным успехом растет он живой изгородью на рубеже государства...

Вот польза занятия непокорного края нашими укреплениями, а укреплений таким войском, которое вместе со штыком носит заступ и вместе с порохом — семена колонизации.

Да, приговор справедлив, но справка к нему еще неполна. Вот второстепенные и, однако же, важные обстоятельства дела.

¹ Корень этого слова "поле". Так назывались встарь в малороссийском войске небольшие пшеничные хлебцы, которыми казаки запасались, выступая в поход, в поле. Теперь это название принадлежит белому хлебу вообще.

В населении, густо покрывающем леса и ущелья закубанских гор, нет обществ, потому что нет власти. Там есть только связи, постоянные и преходящие: одни связи крови и рода, другие связи для встречи общей опасности или для общего похода за добычей, за золотым руном, и третьи связи для разбирательства споров и развода столкновений, неизбежных во всяком сборище людей, как бы ни держались они врозь друг от друга. Но там неведом общественно-зжидительный закон, заповеданный в Божественном слове: "друг друга тяготы носите" и "воздадите Кесарева Кесареви". Неведомы там и те бесчисленные благодеяния, которыми общество облегчает каждому из нас ношу жизни, взамен обязанностей, им на нас возлагаемых. Эгоист-дикарь открывает глаза на одну только сторону общества, закрывая их для другой — видит общество, взыскующее лихву, но не видит общества, дающего таланты, и вот почему страшится он сделаться нам согражданином и собратом. И что же? За свое грубое ослепление он обречен бороться с волнами и бурями жизни без кормила и якоря, без пристанища и убежища. Впадая в сиротство и нищету, делаясь жертвой многообразных зол рока или порока, он видит себя в беспомощном положении плователя, выброшенного на пустынный берег. Опекунство, призрение, общественное воспитание, общественное исправление, общественная благотворительность, все многообразные виды покровительства, обуздания и воздаяния общества — для него не существуют. Про частную благотворительность можно сказать: дитя не плачет, мать не разумеет; одному обществу дано заглаживать несправедливость или смягчать справедливость и гнев судьбы. И вот отчего непокорные аулы закубанских горцев обременены людьми, выросшими без всякой отцовщины, без призрения, без воспитания, без религии. Никто не может сказать, как эти люди выросли. Ничего не посеяно на пустыре их нравственного существа, возросли там одни волчьи животных стремлений. Повинуясь преобладающему из них — стремлению к обеспечению своего существования и к соделанию его приятным, каково оно у людей имущественных, эти бедняки преданы воровству всеми своими способностями. Жить и воровать для них одно и то же. Воровать у русских или у своих — для них все равно. Отчего же эти люди не живут и не богатеют работой у других людей? Оттого, что у другого может работать только "пшитель", раб, но никак не "тльфекхотль", свободный человек, каковы шансуги все. И оттого, что есть по-

требности, до удовлетворения которых, если тащиться путем работы, надобно доходить годами, а удовлетворение их нужно сейчас. Нужна жена, а ее не дадут даром. И если в библейские времена служили за Рахиль в работниках по шести лет, то при нынешней дороговизне женщин в горах шапсугу пришлось бы прослужить вдвое больше. Итак, чтоб иметь возможность жениться, что имущественному человеку легко сделать законным и нравственным образом, бедняк из-за того ворует. За доказанное воровство его присудили к уплате пени, он еще ворует. За рану, нанесенную им своему соседу в драке (а он очень скор на это), его опять присудили к пени, и он опять ворует¹. Ворует он до тех пор, покамест какой-нибудь решительный человек не подсадит его и не поступит с ним, как с втравившимся в овчарню волком. А это не так скоро может случиться, во-первых, потому, что воровство в обычае и даже в нравах адигских народов — ни дать ни взять, как было оно в нравах древних воинственных спартанцев. Воровать не стыдно, только попадаться стыдно. Более презрительного попрека не может сделать девушка-невеста присватывающемуся к ней молодому человеку, от которого нисколько еще не пострадала осьмая заповедь, как сказав ему, что он доселе и дойной коровы украсть не умел. Во-вторых, потому, что между горцами немного отыщется людей, у которых поднялась бы рука на истребление самого вредного для общества негодяя. Раз из мирных аулов был приведен к казакам на кордонный пост молодой черкес — отъявленный и неисправимый вор. Приведшие его убедительно просили казаков утопить этого негодяя в Кубани. Казаки были немало удивлены и спросили соседей: "Хиба ж вы сами не зъумеете сего зробрить?" — "Нам, братцы, грех, — отвечали черкесы, — мы свои, мы одна кровь".

Впрочем, погибая где-нибудь в тесном закоулке от ночного кинжала, вор может сказать, как Муций Сцевола: за мной еще триста таких же отчаянных голов.

¹ По адату, то есть по народным обычаям и преданиям закубанских горцев, за всякое преступление, даже за человекоубийство, виновный присуждается к уплате пени. Других наказаний нет. Такое уложение похоже на Русскую правду Ярославову и, без сомнений, имеет общее с ней происхождение. В назначении пеней, особенно когда дело идет об удовлетворении князя, или "уорка", нет никакой умеренности. Для уплаты их при нынешней бедности горцев нередко продают все имущество ответчика, продают в рабство его самого, его жену и детей.

Если что еще обуздывает воровство, так это трудность сбыта воровских животных и пожитков. Появление наших укреплений за Кубанью втайне обрадовало воров, которые увидели в них удобные пристани для поспешного сбыта предметов своей промышленности. Действительно, ни с чем они так не навязываются к черноморцам, занимающим укрепления, как с воровскими предметами, за которые выпрашивают самую ничтожную цену. Они готовы выкрасть у своих соотчичей лошадей — и сделать их пешими; готовы выкрасть у них оружие — и сделать их беззащитными; готовы, наконец, выкрасть рогатую скотину и баранов — и сделать их голодными и холодными. Словом, наши закубанские укрепления могли бы сделаться сифонами, способными вытянуть из непокорных аулов все средства к сопротивлению и к существованию, если бы только мы захотели воспользоваться недостойными орудиями, в недрах самых враждующих против нас населений скрытыми. Но честь и слава Русскому оружию и русскому правительству! Ворота закубанских укреплений крепко заперты для толкущих в них обкрадывателей наших заблуждающих еротивников. Для базаров, бывающих при укреплениях, поставлено даже правило, внушенное нам великодушным опасением, как бы не купить чего-нибудь воровского, незаведомо того. Правилom этим требуется, чтобы всякое проданное горцем на базаре животное было выдержано при укреплении трое суток, на испытании — не окажется ли оно воровским.

Будем справедливы и к черноморцам, верным и добросовестным исполнителям благих намерений правительства. В строгом повиновении запрещению принимать предложения закубанских воров они показывают честность примерную и твердость духа фабрицианскую. Соблазн велик. За воротами укрепления ржет добрый черкесский конь. На своей стороне не купить такого коня ни за сто рублей, а его отдают за пять. Там же мычит проголодавшийся огуз, подъяремный вол, не так рослый, но крепкий и способный тянуть плуг по казацкой борозде, за него возьмут всего-то полтора карбованца¹. Так, огуз мычит привлекательно, а конь ржет пленительно, но что в то же время напеваает

¹ Из наших денег горцы берут одно лишь серебро (сребролюбцы!) и изредка медную монету, золота не берут, потому что вовсе не знают цены этого металла, не существующего у них ни в каких изделиях. При них Калифорния могла бы подождать еще несколько тысячелетий открывать свои заветные златохранилища.

совесть, которая никогда не молчит и не дремлет в нравственной природе черноморского казака? И совесть ничего, она снисходительно объясняет: десятая заповедь не велит желать ни вола, ни осла ближнего своего, а это неприятельское... Видите теперь, каков соблазн-то.

Есть между горцами люди, которые разумеют и ценят наше великодушие в борьбе с ними и нашу рыцарскую разборчивость в средствах. О том и другом они отзываются с уважением, вполне осозанным, хоть и не слишком громко высказанным. Настолько же признательны они и нашей осмотрительности в пропуске за Кубань железа и железных изделий. Через это между закубанскими ворами не может распространиться страшное в своем роде орудие — буравль. Для черкесских воров буравль то же, что для наших сказочных разбойников волшебное растение "разрыв-трава". Надобно знать, что закубанские горцы совсем незнакомы с употреблением железных запоров и замков. Двери их конюшен и кладовых заколачиваются на ночь деревянными клиньями. Отчего в аулах каждый вечер и в одно время поднимается всеобщий стук, которым и заканчивается шум дневной деятельности.

Дверной запор горца гремит, колесо его арбы скрипит, но его шашка, упрятанная вместе с рукоятью в сафьянные ножны, не звучит; его винтовка, скрытая в черном косматом нагалище, как молния в туче, не блестит, пока не грянет громом выстрела; его чувяк, мягкий и гибкий, как лапа тигра, не стучит; его конь, охлажденный ножом легчителя, не ржет на засаде; его язык, скудный гласными и составленный из односложий, не имеет звуков при словоре на ночное нападение...

При отпирании клин выбивается с другого конца с тем же стуком. Выходит, что воровское ночное покушение отпереть дверь, заклепанную таким запором, не может обойтись без шума. А сон горца тонок, его жилье, амбар и стойло сдвинуты тесно; ясли коня от спальни наездника отделены одной тонкой перегородкой, и сквозь нее протянута привязь. Так вот, чтобы отпереть вышеобъясненный патриархальный запор без шума, вору прибегают к помощи буравля. Буравль направляется с головной части клина и вползает в него так тихо, как змея в нору; клин раскачивается и, уступая силе воровских рук, выходит из своего гнезда без обычного шумного содействия долбни, похожей (сказать мимоходом) на тех друзей, которые, оказывая вам услугу, шумят про нее на весь базар.

Вот почему зажиточный горец смотрит на буравль как на орудие предательское и пагубное для его благосостоя-

ния. Самовар про нас хуже пушки и шерстяной шарф хуже шейной цепи, горло бутылки опаснее штуцерного дула, а буравль — это змей-искуситель для нашей молодежи, и смотрите, чтоб он не удружил нам изгнанием из дженета — так проповедают Несторы шапсугских сходок.

Один из великих двигателей нынешнего времени — архимедов винт мог бы сдвинуть земной шар с его основания, если бы вне его нашлось место, куда эту страшную механическую силу упереть. Простой винт русского буравля мог бы сдвинуть с гор и опрокинуть на казацкую степь пожитки шапсугов и натхокаджей, если б в возвышенно-благородном образе мыслей и действий русских могла найтись ему точка упора...

Но последнее так же невозможно, как и первое. Разумейте языцы и покоряйтесь.

Уразумеют и покорятся. "То, что сеешь, не оживет, если не умрет". Придет время, и из русских костей вырастут на земле дикарей мир, безопасность, гражданственность, просвещение. Что наши нынешние укрепления, как не зачатки будущих органических, исполненных блага поселений? Сперва четыре вала полевого укрепления, потом четыре длинных, опущенных терновником плетня станции, наконец, хоромы и храмы города — вот формы, под которыми последовательно и жизненно развивается русская мощь на Кавказе. Напрасно краснобаи шапсугских сходок, "языки народа"¹, льстят своим слушателям, отзываясь о русских укреплениях, что весь вред от них заключается в потере какого-нибудь лоскута земли, едва дос-

¹ Как все дела у горцев производятся и решаются устно, то дар слова ценится и уважается у них наравне с храбростью, часто и выше. *Caedant arma togae*. Люди, получившие от природы и обработавшие упражнением талант красноречия, бывают уполномочены от своих общин говорить за них в собраниях народных, и тогда они называются "язык народа". Быть языком общины или быть вожаком шайки — две ступени, выше которых уже не могут подняться честолюбивые вождения горца. А как истинные таланты всегда и во всем редки, то крикуны, представляющие шумное горло толпы, большей частью бывают тонкие софисты и казуисты, запутывающие дела в такие узлы, которые уже не развязываются словом, а рассекаются лезвием шашки. Сверх того в аулах закубанских горцев повторяется явление, современное мелким республикам Ахейского союза, именно, что красноречие и храбрость, сила слова и сила руки редко достаются в удел одной и той же личности. "Язык народа", гремящий на джемаатах грозными филиппиками против русских, редко издает резкий гик перед русским штыковым "ура".

таточного под огород одного хозяина. Если это так в самом деле, то зачем они во всех своих хитросплетенных переговорах с нами о миролюбии и покорности прежде всего и больше всего домогаются уничтожения наших укреплений? Нет, горцы всегда трусили возведения крепостей на своей земле. В 1783 году, по присоединении Крыма к России, турки затеяли построить крепость на северо-восточном берегу Черного моря, на земле натхокаджей. Старейшины родов натхокаджского племени долго не решались дать свое на то согласие, наконец, задобренные подарками и обольщенные обещаниями выгод от торговли ясыром (пленными людьми), они один по одному перешли на сторону предприятия турок. "Большая важность уступить пядь земли, на которой мог бы установиться турецкий кальян", — говорили родоначальники, передавая своим женам парчу и дараю, привезенные ими с турецких кораблей. Но был один старейшина из сильного рода Супако, впоследствии прозванный Калечатом, который не сдавался ни на какие предложения и обещания и упорно противился сооружению крепости на земле своего племени. Он возвышал голос в народных совещаниях и остерегал своих соотечичей такой речью: "Турция не то, что мы, Турция — государство. Она может вести войну с другим государством. По жребию войны крепость может перейти во власть государства победоносного. Тогда и вся земля, на которой будет стоять завоеванная крепость, законно перейдет в обладание того же государства". Но противодействие одного при согласии всех было голосом вопиющего в пустыне. Крепость воздвигнута. Это нынешняя Анапа. Однако нога Калечата до самой его смерти не была в стенах Анапы. А пока пугавшая его крепость не отстроилась, он нападал на нее со своими людьми и не раз прерывал и повреждал работы. Отчего и получил он прозвище Калечат, что значит "разоритель крепости".

Не только оружие, но уже одно близкое присутствие наше сокрушает строптивый, алкающий крови и грабежа дух горцев. *Слушай* русского часового, зарева дробь русского барабана, молитвенный благовест русского колокола отдаются в разбойничьих вертепах пророческим голосом русского певца:

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

Э П И Л О Г

Черноморское войско в 1794 и спустя полвека, в 1846 году

Настоящее объясняется прошедшим.

Чтобы видеть посев и видеть всход, мы сблизим под один взгляд два разновременных документа, в которых, как в зеркале, отразились внутренние дела Черноморского войска в две эпохи, на расстоянии одна от другой пятидесяти лет.

Эпсха первая.

"Первого генваря 1794 года, от атамана кошевого Захара Чепеги, войскового судьи Антона Головатого и войскового писаря Тимофея Котляревского верного войска Черноморского полковникам, бунчуковому товариству, полковым старшинам, куренным атаманам и всему войску:

Порядок общей пользы

Да будет в сем войске войсковое правительство, навсегда управляющее войском на точном и непоколебимом основании всероссийских законов, без и малейшей отмены, в котором заседать должны: атаман кошевой, войсковой судья и войсковой писарь.

Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов, при реке Кубани, в Карасунском куте, воздвигнуть град и для вечного достопамятства нынешней жизнедательницы и благодетельницы нашей Всемиловейшей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Самодержицы Всероссийской, именовать его Екатеринодаром.

По воинской дисциплине, ради собрания войска, устроения довлеемого порядка и прибежища бездомовых казаков в граде Екатеринодаре выстроить сорок куреней под названием сим: Екатериновский, Кисляковский, Ивановский, Конелевский, Сергиевский, Динской, Крилевский, Каневский, Бутуринский, Поповичевский, Васюринский, Незамаевский, Ирклиевский, Щербиновский, Титаревский, Шкуринский, Кореневский, Роговский, Корсунский, Калниболоцкий, Уманьский, Деревянковский, Нижестеблиев-

ский, Вышестеблиевский, Джерелиевский, Переяславский, Полтавский, Мишастовский, Минский, Тимошевский, Величковский, Леушковский, Пластуновский, Дядьковский, Брюховецкий, Ведмедевский, Платнировский, Пашковский, Кущевский и Березанский — по плану, да и войско при границе поселить куренными селениями, в тех местах, где какому куреню по жребию принадлежать будет.

В курени избирать атаманов тех куреней войска из достойных людей и переменять их другими каждого года, месяца июня 29 числа, т. е. в день св. апостолов Петра и Павла, и на верность должности приводить их к присяге.

Куренные атаманы должны служить в куренях, безотлучное пребывание всегда имея, по нарядам начальства на службу казаков чинить немедленное выстачение и случающиеся между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять с доставлением обиженной стороне справедливого удовольствия, а за важное преступление представлять под законное суждение войсковому правительству.

Все обретающиеся в войске старшины без должности, какого бы ранга ни были, и казаки да повинуются атаману и товариству, напротив того, и атаманы с товариством, отдавая заслугам справедливую признательность старшин и казаков в недавно кончившуюся Турецкую войну, за веру и отечество Всероссийского Престола, действительно лично служивших и кровь проливавших, с уважением пристойным образом да почитают.

Для заведения и утверждения по всей войсковой земле, к долгоденственному спокойствию, благоустроенного порядка разделить войсковую землю на пять округов и завести окружные правления под названием таковым: первое — при реке Кубани, между Козачим ерком и Усть-Лабинской крепостью, в городе Екатеринодаре — *Екатеринодарское*. Второе — от Черного моря до Черного ерка, на Фанагорийском острове, в называемой Тамани — *Фанагорийское*. Третье — от Ачуева вверх по Азовскому морю до речки Чолбас и левой стороны течения реки Бейсуга, при устье его — *Бейсугское*. Четвертое — от реки Чолбас до реки Еи, при устье ее — *Ейское*, а пятое — при границе от стороны Кавказского наместничества по размежеванию земель, где способнее будет, — *Григорьевское*.

Для управления округами в окружные правления определить по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему и, на должность приведя к присяге, велеть им, исключая первую — Екатеринодарскую округу, в последних

четыре округа выстроить окружные города, как-то: *Фанагорию, Бейсуг, Ейский и Григорьевский*, а села всем поселять в тех местах, где назначено будет, переселяющимися из разных мест сего войска людьми, и для печатания письменных дел поделать окружные печати за гербами, по приличию округов свойственными, как-то: на Екатеринодарской, так как на границе противу врага имени христианского, казак, водрузивший ратище в землю и, приложив к нему воместо присешек ружье, держа левой рукой ратище и ружье, а другой приклад — врага стреляющий; на Фанагорийской — по морю плавающая лодка со всем воинским прибором; на Бейсугской — рыба; на Ейской — казак на границе единовверных — с ружьем, на карауле стоящий, а на Григорьевской — от пугостого степу, так как на отводном бикете, казак, сидящий на коне при всем воинском приборе.

Окружные правления и команды должны по посылаемым от атамана кошевого и войскового правительства письменным повелениям чинить непременно и немедленное исполнение, без малейшего упущения.

Окружные правления имеют попечение о заведении жителями хлебопашества, мельниц, лесов, садов, виноградов, скотоводства, рыболовных заводов, купечества и прочих художеств, к оживлению человеческому способствующих, а имеющиеся леса и родящее дерево да сохранять от опустошения вырубкой, скотом и пожаром в целости, к общей войсковой пользе; также между людьми встречающиеся ссоры и драки голословно разбирать, обиженных защищать, с доставлением справедливого удовлетворения, свирепых укрощать, ленивых понуждать к трудолюбию; для распространения семейственного житья холостых к женитьбе понуждать, не покорящихся власти и не почитающих старшин по мере преступления штрафовать, а содеявших важное преступление к законному суждению присылать в войсковое правительство.

Окружные правления о благосостоянии в той округе всех военных жителей семидневные, а о чрезвычайностях в тот же самый час имеют присылать рапорты атаману кошевому и в войсковое правительство для донесения главной команде.

Окружные правления должны иметь прилежное смотрение, дабы все жительствоющие в тех округах старшины и казаки, имея у себя на каждую мужского пола душу военное орудие, во всякой чистоте исправное, на случай наглого военного времени или воровским образом

на войсковых жителей и проезжающих по сей земле посторонних российских людей неприятельского нападения, имущественные конно, а неимущественные пеше, к поражению неприятеля были на всякий час в готовности и чтоб на войсковой земле за всяким делом ездить, ходить, хлеба пахать, рыбу ловить и скот на пастбу гонять без военного орудия никто не дерзал, а кто в сем ослушным окажется, на том же месте штрафовать.

Окружные правления да имеют смотрение по своим округам, чтоб на реках, болотах и где надобно переправы, мосты и гати были во всей исправности.

Окружные правления должны смотреть за жителями, чтоб в городах и селениях по улицам и дворам, сохранена была чистота и на случай пожара имели к тушению оного воду и обыкновенные для пожара железные инструменты.

В тех округах, где появятся воры и разбойники, окружного правления командиры должны с подчиненными им старшинами и казаками стараться всех переловить и отослать к законному суждению, как и передержателей, в войсковое правительство при рапорте.

Ежели в какой округе на людях появится заразительная болезнь, отчего Боже сохрани, окружные правления имеют тотчас, зараженных от здоровых людей отделя, окружить караулом с великой осторожностью, дабы зараженные со здоровыми отнюдь не совокуплялись, и с подробным пояснением, откуда такое зло возымело начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству без малейшего замедления для донесения о том главной команде.

При случае в тех округах скотского падежа окружные правления, стараясь оное зло истребить, через кого следует уведав о том подробно, тотчас рапортуют атаману кошевому и войсковому правительству, и, отделя скот больной от здорового, содержать больной на особом закрытом пастбище, пока от заразы выздоровеет, и с палого кож не снимать, а с оными зарывать в глубокие ямы, и как с того места никуда зараженным не выезжать, так и в оное со стороны со здоровым скотом въезжать запретить, покуда ва от заразы то место освободится.

В окружных правлениях чинов переменяет войсковое правительство другими каждого года июня 29 числа, т. е. в день св. апостолов Петра и Павла, а ежели из них первые явятся через тот год в препорученности своей должности исполнителями довлеемого по законам порядочного служения бесспорны, то о таких, уважая, приостанавливать

их при тех же должностях и на дальнейшее время, а которые окажутся в непорядочном поведении и законам противных преступлениях, сих, не дожидаясь года, в то самое время, когда уведано будет, переменя другими, предавать законному суждению и штрафу.

С начала учреждения верного войска Черноморского старшинам и казакам, во всю недавно кончившуюся с Портой Оттоманской войну за веру, отечество и сию землю действительно лично служившим и тем вольность приобревшим, за их труды и подвиги поводится в городах и селениях, по желанию их, иметь собственные дворы, а в степи хутора и мельницы, заводить леса, сады, винограды, хлебопашество и скотоводство, а на приморских косах и других удобных местах рыболовные заводы.

В отменное воздаяние старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям, от общих сего войска благ, при своих хуторах сродственников и вольножелающих людей, населить дворов и определить под оные земли, по прилагаемой у сего штатной росписи.

Старшины населенных в своих хуторах людей да почитают не подданными своими, а вольноживущими под ними казаками и выходить оным со старшинских хуторов на войсковые земли, куда пожелают, вольно, кроме долгов, коими, ежели кто будет обязан, не имеет воли выйти, дондеже долг хозяину не возвратит.

Казаков, как выше писано, во уважение их службы и понесенных ими трудов ни в какие общественные и войсковые тяжести под конец их жизни не употреблять.

Вышеписанным старшинам и казакам на вечно спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лесами, садами, виноградами и рыболовными заводами владение выдать открытые листы, с тем, чтобы до оногo, кроме хозяина и законного их наследия, ко владению никто права не имел, да и земель не утеснял.

Для военного времени, а в случае и воровским образом нападения на войсковых жителей или посторонних российских людей от закубанских зловердных сосед как служившие старшины с поселенными людьми и казаками, так и не служившие старшины и казаки (исключая только старых искалеченных и малолетков, к службе негодных), словом сказать — без изъятия, должны служить со всем воинским исправным прибором к поражению неприятеля, имущественные конно, а неимущественные пеше, быть на каждый час во всей готовности.

Войсковой есаул долг имеет, по границе и внутри вой-

сковой земли разъезжая, смотреть за определенными в окружные правления чинами и кордонными старшинами, дабы все повеления атамана кошевого и войскового правительства были выполняемы в самой точности, без малейшей отмены, и, ежели за кем будет им усмотрена какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству с подробным пояснением его виновности, для чего от кошевого давать ему о том на оное наставление.

Спустя пятьдесят лет.

Представление исправлявшего должность наказного атамана Черноморского войска генерал-майора Рашпиля командовавшему войсками на Кавказской линии и в Черноморье генерал-лейтенанту Заводовскому от 28 июня 1846 года (№ 3089).

"...При заселении Черноморского края частная польза предпочиталась общей. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить один поверхностный взгляд на станичные и хуторские селитьбы. Лучшие уголья и приволья заняты хуторами, т. е. частными людьми, а станицам, т. е. народу, предоставлена местность, не представляющая никаких особенных удобств и выгод. Мало того, хутора окружают, так сказать, содержат в облежании, станицы, из коих большая часть имеет выход в поле только в одну сторону, так что казак, преимущественно дорожающий дорожить вообще дорогим для земледельца временем, принужден нередко выносить плуг и косу за десять и более верст от своей хаты. Вот где должно искать начала этой, так резко видимой в настоящее время в войске потери равновесия народного благосостояния между чиновным классом и народом. Первый произвольно захватил лучшие, обширнейшие и притом неуместные участки, народу же достались участки против тех скудные, не представляющие никаких поощрений к развитию промышленности и даже производительности, а сверх того, для некоторых станиц — несоразмерно малые. Таким образом, неуместное сближение степных хуторов со станицами, подавив промышленные и производительные силы этих последних, было вместе с тем причиной крайнего упадка в станицах и сельских ремесел, так что в настоящее время во многих станицах трудно даже найти кузнеца или плотника.

Нет сомнения, что при степном скотоводстве хутора так же необходимы, как кочевые юрты, но их место в степи, вдали от станиц. И только с освобождением станиц от облежания хуторов и со снабжением их достаточными пропорциями земли, откроется возможность учредить правильное трехпольное хлебопашество, завести леса, станичные плодовые конные косяки и прочее, что к общественному благосостоянию станиц В Ы С О Ч А Й Ш И М о войске положением преподано и чего до настоящего времени нет и быть не может без размежевания земли.

Оказалось даже невозможным за всеми предпринятыми попытками достигнуть посредством учреждения особых станичных табунов одной из важнейших выгод для службы, чтобы конные казаки, возвращаясь со службы в свои станицы на льготу, не сбывали своих верховых лошадей, к чему принуждает каждого из них недостаток для ухода за конем при хозяйственных занятиях и заботах. Предложенное к отращению этого видимого зла для службы учреждение из строевых лошадей льготных служивых казаков особых станичных табунов, а на зиму для них зимовников с общими запасами сена нашло решительную преграду в недостатке земли по станичным юртам.

Бедность казаков, происшедшая от перевеса народного благосостояния на сторону немногих сильных в прежнее время в войске людей, произвольно захвативших огромные и лучшие участки земель, упала и на молодое поколение офицеров, не наследовавших хуторов. Так как войсковая земля досталась в произвольных участках их предшественникам, передавшим ее своим потомкам, то новому поколению офицеров суждено существовать одним казачьим окладом жалованья и, следовательно, содержать себя неприлично званию офицера, а на льготе и того лишаться, и сверх того не находить употребления свободному своему времени. Они виновны только тем, что родились после других, и они также вместе с народом ожидают скорейшего размежевания земли.

Словом, в крае, далеко отброшенном от провинций, в которых развита промышленная жизнь, имеющем соседями враждующих дикарей, в крае, где не промышленная деятельность, но, так сказать, только земля и вода в соединении с простым, обрабатывающим трудом доставляют обывателям средства благосостояния, правильное и беспристрастное разделение земли составляет одно из существенных условий народного довольства, и оно только может восстановить в войске нарушенное между выс-

шим и низшим классами и между старым и молодым поколениями равновесие народного благосостояния.

Кроме чувствительных для массы народонаселения лишений, проистекающих от этой в своем роде монополии на народное богатство, захваченной в руки немногих, самое войско теряет от настоящего неуравнительного порядка в пользовании земельными довольствиями немалую часть своих доходов, ибо при распределении войсковой земли на пропорциональные участки войсковые обыватели, богатые стадами, не могущими поместиться на частных, в собственность стадохозяев поступивших, участках, должны бы были, по В Ы С О Ч А Й Ш Е М У положению, платить войску за те огромные пространства пастбищ и сенокосов, которыми они пользуются без всякой платы.

Не распространяясь о дальнейших материальных выгодах размежевания войсковой земли, должно коснуться здесь и блага нравственного, неизбежно долженствующего сопутствовать сказанному размежеванию.

Казак-офицер и простой казак вне фронтовой службы суть равно граждане в своей станице. Общественные дела не только должны равно занимать обоих, но первый и в этом случае, как в службе, должен предшествовать последнему. Но как офицеры Черноморского войска имеют обыкновенно свои жилища в степных хуторах, а станицы населяются одними казаками и как притом самые казаки, увлекаясь примером офицеров, при малейшем достатке покидают свои станицы и также основывают свои жилища в степи, одинокими хуторами, то и все общественные дела в станицах, как спорные и судные, так и касающиеся общественного благосостояния, обсуживаются и решаются на станичных сходках, одним народом. Легко же можно вообразить себе положение и поведение простого, ограниченного в понятиях о вещах и притом бедного, следовательно, на низшей степени нравственного достоинства стоящего народа, предоставленного в своем общественном быту самому себе. При этом так же легко составить себе понятие о произносимых народом этим по общественным делам приговорах, нередко касающихся и принадлежащих к станице чиновников. Но как В Ы С О Ч А Й Ш И М о войске положением поземельные участки определяются офицерам по жизнь их, а не в потомство, и притом третья их часть отводится в общем станичном юрте, то это истинно благодетельное установление должно повести к тому, что офицеры, не теряя выгод от степных своих участков, перенесут свою оседлость в станицы, составят общество,

сблизятся с казаком, облагородят его своим присутствием, на станичных сходках подадут лучший совет, лучшую мысль, подумают об улучшениях общественного быта, дадут воспитание и собственным детям, которые перестанут, прозябая в степи, видеть одни стада. А возвращение зажиточных казаков из хуторов в станицы подчинит и их отправлению тех земских повинностей, от которых находили они убежище в застаничных своих жилищах, к несправедливому отягощению бедных своих собратьев. Что же всего важнее, размежевание земли положит конец этим повседневному бесчисленным распрям за поземельное довольствие, неизбежным при настоящем положении войсковой земли..."

...

Разделение земли и установление бдительной охраны на пределах земельных довольствий станиц и чиновных лиц (дело особенной важности там, где нет прав земельной собственности) составит светлую эру в существовании Черноморского войска, составит эру возрождения. Упадок общежительности, разрозненность во взглядах и убеждениях, разрыв между чиновным и рядовым казачеством, общественный застой и весь нравственный туман поднимутся и исчезнут. До этого времени никому не было дано, и потому каждый устремлял все свои усилия на то, чтобы взять, каждый истощался отдельно, и для общего дела не оставалось никого. Но этим эгоистическим, во взаимных встречах враждебным и для общества бесплодным усилиям не будет больше места, когда последует раздача, а за ней и необходимость быть сыту определенной дачей. Тогда и правительству удобнее будет следить за истинными потребностями и входить в истинные нужды сословий и общества. Тогда все зерна улучшений, брошенные преобразованием 1842 года, примутся, взойдут и принесут плод. Почувствовав твердое основание под ногами и твердое обеспечение с тыла, молодое поколение, благородно мыслящее и благородно чувствующее поколение, дружно двинется вперед на встречу попечениям и надеждам правительства. Раскроется и явится в прекрасных делах это врожденное в черноморском казаке, потомке рыцарского казачества украинского, расположение к доброму, честному и доблестному.

Уже недалеко то время, когда в быту, нравах, гражданских и полевых качествах казаков исчезнет и последняя слабая тень времен отжитых, когда и в образованной Ев-

ропе перестанут произносить имя казака с предубеждением, ныне почти неосновательным и вполне несправедливым. Древняя мимоидоша. Что прошло — прошло и против течения не всплывет. И пошли Бог долгие и славные дни Тому, Чьи благие попечения свели нас с нашего векового проселка на большую дорогу цивилизации. С нашими молодыми, сбереженными силами мы выйдем по этому пути без отсталых и еще поведем за собой эти орды полудиких приемышей великодушного нашего отечества. И исполнится царское слово: да будет свет и в хижинах!

КУБАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Первая книга о Кубани "Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы" вышла в Петербурге в 1858 году. Она появлялась в то время, когда Черноморский край (так называлась тогда Кубань), чрезвычайно интересный своей историей, своеобразный в историко-этнографическом отношении, был почти не исследован.

Первое историко-этнографическое сочинение о Кубани написал Иван Диомидович Попка¹. Известный русский историк XIX века Н. И. Костомаров отметил в журнале "Основа" в 1861 году: "Сочинение г. Попки "Черноморские казаки в гражданском и военном быту" представляет изображение края, почти не тронутого описательной нашей литературой, края, имеющего как по естественному своему положению и свойствам, так и по жизни обитателей своеобразную физиономию, и, следовательно, представляет содержание, чрезвычайно важное для знания России"². Как первый исследователь Кубани, И. Д. Попка пытался представить этот "неведомый край" во всей полноте, вплоть до климата и географического положения.

Книга разделена на две части.

В первой рассматриваются вопросы гражданской истории: население, климат, развитие сельского хозяйства, торговли, промышленности, образованность и нравственность народа.

Во второй показана военная история края.

Черноморское войско, пишет И. Д. Попка, было образовано в 1787 году. После того как в 1775 году разгромили Запорожскую Сечь, казаки обратились к Екатерине II с просьбой о предоставлении территории для казачьего войска, но она неоднократно отвечала им отказом. Когда же началась война с Турцией и ей потребовались дополнительные военные силы, она под влиянием Потемкина пошла на образование казачьего войска.

"В то время вспыхнула война с Турцией, известная у черноморцев под именем "очаковского размиру", — повествует И. Д. Попка, — и продолжавшаяся более трех лет.

¹ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 48. С. 551; Исторический вестник. 1893. Ноябрь. С. 621; На Кавказе. 1909. № 3; Новости. 1893. № 243; Кубанский сборник за 1913 г.; Кубанские областные ведомости. 1893. № 2, 69, 83.

² Н. И. Костомаров. Черноморские казаки. Сочинение Ив. Попки. //Основа. 1861. Август. С. 3.

Новое войско получило мундир, артиллерию, знамена, булавы и другие знаки и явилось на театр войны под неопределенным еще именем "коша верных казаков", отличавшим его на первый раз от другого коша, отложившегося к султану и заклеянного другим, приличным бунту и измене, именем". Под другим кошем автор подразумевает тех сечевиков, которые ушли в Турцию.

И. Д. Попка не только описывал историю Черноморского казачьего войска, но и сам служил в этом войске.

В 1841 году он поступил рядовым казаком в 10-й конный полк Черноморского казачьего войска. Вплоть до окончания русско-турецкой войны 1878—1879 годов он находился на военной службе, занимал командные должности. За отличие в войне с Турцией был награжден орденом св. Анны I степени и получил чин генерал-лейтенанта.

Жизнь и быт черноморских казаков И. Д. Попка знал с самого раннего детства. Интерес к ним не был случаен. Он родился в 1819 году, 20 августа, в станице Тимашевской Кубанской области, где провел свои детские годы. Как сын протоиерея, по обычаю, он должен был продолжить дело отца и стать священником. Но мечтал он о другом поприще и в конце концов добился своего — пошел на военную службу.

Уже в начальный период военной службы И. Д. Попка начинает собирать материал для будущих научных трудов. К этому занятию он был хорошо подготовлен. Еще в московской духовной академии И. Д. Попка много читает, пишет стихи, изучает военную историю и языки. Достаточно сказать, что он знал девять иностранных языков, на которых мог читать и изъясняться. В последующем в работе над его трудами ему помогало то, что с 1858 по 1861 год он состоял делопроизводителем и редактором комитета для составления устава строевой службы в казачьих войсках. В дальнейшем он был членом комитета по составлению положения о Кубанском и Терском казачьих войсках.

Книга И. Д. Попки вызвала большой интерес у современников. О том, какое значение для историков, этнографов, географов имело исследование И. Д. Попки, говорит даже тот факт, что почти все известные в то время литературные, учено-литературные, географические и политические журналы откликнулись на это первое исследование о Кубани рецензиями и отзывами¹.

¹ См.: Современник. 1859. Т. 73. С. 266—272; Отечественные записки. 1859. Т. 122. № 1. Отд. 3. С. 37; Военный сборник. 1859. № 6, 3; Основа. 1861. Август. С. 1—8; Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Т. 27. Отд. 4. С. 56—57.

"Отечественные записки" в 1859 году писали: "Сочинение Попки возбуждает любопытство и читается с большим интересом, довольно поверхностный в своих исторических изысканиях, далеко не исчерпывающий всего предмета, Г. Попка тем не менее оказался большим знатоком природы и характера своих современников".

Эта книга открыла для читателя трудности службы на границе Российского государства. "Военный сборник" по этому поводу пишет: "Многим ли военным, засыпающим спокойно во время войны, на бивуаке, охраняемым казаками, приходило в голову, что охранители их имеют свою особенную, своеобразную жизнь, вовсе не сходную с жизнью регулярных войск? Многие ли подумывали о том, что казак, стоящий где-нибудь вдали от своей родины, на аванпостах, оторван совершенно от своей семьи и хозяйства, а может, и то и другое... Вероятно, немногим из военнослужащих приходили в голову подобные размышления — и это вполне понятно: гражданский и военный быт казаков почти совсем не был затронут нашей литературой".

Помимо отзывов и рецензий столичных журналов, работа И. Д. Попки была премирована Демидовской премией Академии наук, присуждавшейся ежегодно "авторам отличнейших сочинений, коими в течение предшествовавшего года обогатится русская литература".

Несмотря на то, что это не был академический труд, и описание многих моментов, как правильно отмечали "Отечественные записки", носило поверхностный характер, эти историко-этнографические очерки были серьезным, добросовестным исследованием для своего времени и представляют известную ценность и в наше время.

Из этой книги мы можем почерпнуть материалы об устройстве и составе Черноморского войска, о торговле, сельском хозяйстве, промышленности на раннем этапе их развития, интересные сведения о торговых отношениях с горцами, об образовании горцев и казаков, описание Екатеринодара и станиц...

И. Д. Попка писал, что "с переселением Черноморского войска на Кубань перешло с ним старинное сечевое устройство — кош и курени. Кош, с его кошевым атаманом и большим знаменем, представлял феодальную вотчину, а курени, с их куренными атаманами и малыми хоругвями, стоят на ноге вассальных дружин. Такой уряд продолжался около десяти лет, и это время обозначается в воспоминаниях казаков лаконизмом: до полков" (здесь и далее цитируется указанное сочинение И. Д. Попки).

И. Д. Попка очень четко показал изменения в устройстве Черноморского казачьего войска: "Сообразно с двойственным состоянием казака, поселянина и воина, войско имеет двойное учреждение — гражданско-военное. По гражданской и по военной частям в совокупности управляет войском наказной атаман. Он состоит в правах и обязанностях гражданского губернатора и начальника дивизии. Как Черноморское войско входит в состав Кавказской армии, то наказной войсковой атаман подчиняется главнокомандующему Кавказской армией и наместнику кавказскому, находясь в ближайшей зависимости от командующего войсками правого крыла Кавказской линии. Учреждения, посредством которых атаман управляет войском, составляют две параллели, соприкасающиеся на многих точках и сливающиеся в последней, ближайшей к казаку инстанции — станичном правлении".

Из описания Екатеринодара мы видим, что в середине прошлого века он был похож на обычную казачью станицу.

"Ныне,— сообщает И. Д. Попка,— в этом отставшем от современного значения граде насчитывается до 2000 домов, то есть хат, изваянных из глины... и покрытых камышом и соломой. Частных каменных зданий ни одного, деревянных под железной крышей несколько. Хаты стоят в таких положениях, как будто им скомандовано "вольно, ребята": они стоят и лицом, и спиной, и боком на улицу, какая в каком расположении духа или как какой выпало по приметам домостроительной ворожбы, предшествовавшей ее постановке. Одни из них выглядывают из-за плетня, другие из-за частокола, третьи, и немногие, из-за дощатого забора, но ни одна не высится открыто в линию улицы". Как видно из приведенного, И. Д. Попка был не только ученым, но и неплохим мастером слова, обладавшим юмором.

Особенности города были связаны с тем, что он был войсковой столицей Кубани: "Войсковой город Екатеринодар не подходит под общее учреждение городов в губерниях. Люди торговые, промышленные и ремесленные, люди, собственно, городских сословий, могут иметь в нем временное пребывание, могут быть только гостями, но прав оседлости и гражданства в нем не получают. Оседлое же его население состоит исключительно из одних казаков, общество которых и составляет курень Екатеринодарский, несколько не отличающийся в своем учреждении и быте от других куреней". Интересно, что у Екатеринодара в то же время был свой герб, как и у других городов России, что давало ему право именоваться городом: "Именуется этот курень городом потому, что... имеет он герб, которо-

го символы знаменуют сторожевое поселение у ворот государства".

Даже такие детали, как названия улиц, мы находим в этом интересном сочинении. Оказывается, улица Красная и в то время имела такое же название, что означает "красивая": "Проспектом на соборную церковь проходит через весь город главная улица, называемая "красной"... На этой улице и еще на двух торговых площадях находится 160 лавок, из коих до 50 каменных, остальные деревянные".

Много внимания уделяет И. Д. Попка характеристике мелкого и крупного землевладения. Он, как представитель богатого казачества недворянского происхождения, был против непрекращающегося роста крупного привилегированного старшинного землевладения, стеснившего развитие хозяйства богатого непривилегированного казачества. Он писал: "...облеченные властью и чинами члены войсковой семьи сколько хотели и могли, настолько и расширяли размеры своего земельного пользования, не заботясь о том, что остается на долю их нечиновных собратьев... В то время, чтоб придать пользованию характер владения, чиновные члены войскового общества обособились от своих нечиновных сочленов и водворились хуторами в одиночку по глухим степным займищам". И далее: "...чиновные же старшины, яко вожди и наставники народа, наложили руку на лучшие земельные дачи и сказали: наше!"

Очень интересные сведения сообщает автор книги об образovanности черноморских казаков, их обучении, взаимоотношениях в процессе обучения с горцами.

"Школьное сотоварищество казаков и горцев молодого возраста помогает первым изучать язык последних, преподавание которого введено в гимназический курс".

Из этого факта видно, что отношения горцев и черноморских казаков строились не только на военных столкновениях. Казаки и горцы обоюдно влияли на культурное развитие друг друга.

Много интересных фактов встречаем мы, читая военные очерки. Здесь великолепное описание пластунов и плавней, кордонной линии и пикетов.

Несмотря на некоторую ограниченность в исследовании и описании многих сторон общественной и хозяйственной жизни конца XVIII — середины XIX века, многие сюжеты этой уникальной книги и по сей день представляют известную ценность, и мы вправе считать Ивана Диомидовича Попку первым историографом и этнографом Кубани.

Владимир Левченко

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

<i>Рассказ первый.</i> Топографический очерк Черноморья	7
<i>Рассказ второй.</i> Курганы и балки	20
<i>Рассказ третий.</i> Почва. Естественные произведения	24
<i>Рассказ четвертый.</i> Климат. Народное здоровье. Старые годы	28
<i>Рассказ пятый.</i> Народность. Религия. Населенность. Жилища. За- мечательные поселения. Следы старинных селитеб. Отличительные черты в быту общественном и семейном. Отличительные качества нравственные	34
<i>Рассказ шестой.</i> Земельный уряд. Хозяйство. Промыслы	51
<i>Рассказ седьмой.</i> Промышленность. Торговля. Меновые сноше- ния с черкесами. Торговое общество	73
<i>Рассказ восьмой.</i> Пути сообщения. Почтовые учреждения	84
<i>Рассказ девятый.</i> Войсковая казна. Сравнение быта казака с бытом поселянина	90
<i>Рассказ десятый.</i> Степень образованности. Способы к ней. Взгляд на воспитание казачки. Черкесский язык как предмет изу- чения. Хаджи Нотаук-Шеретлук	95
<i>Рассказ одиннадцатый.</i> Заведения врачебные и богоугодные. Учреждения, посвященные подвигам спасения	106

Часть вторая

<i>Рассказ двенадцатый.</i> Начало существования Черноморского войска. Гражданско-военное устройство. Состав военных сил. Образ службы. Отличительные военные качества. Одежда и во- оружение	115
<i>Рассказ тринадцатый.</i> Памятники войсковых заслуг и отли- чий. Войсковой в честь им праздник	128
<i>Рассказ четырнадцатый.</i> Кордонная линия. Служба на линии. Психадзе и хеджреты	140
<i>Рассказ пятнадцатый.</i> Пластуны	153
<i>Рассказ шестнадцатый.</i> Плавни	162
<i>Рассказ семнадцатый.</i> Закубанские укрепления. Закубанские воры	166
<i>Эпilog.</i> Черноморское войско в 1794 и спустя полвека, в 1846 году	174

Иван Диомидович Попка
ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ
В ИХ ГРАЖДАНСКОМ И ВОЕННОМ БЫТУ

ЛР № 010194 выдана 22.05.97 г. Сдано в набор 2.10.97 г. Подписано к печати 15.12.97 г. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура шрифта тип. "Балтика". Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Учетно.-изд. л. 9,82. Тираж 10 000 экз. Заказ 117. "С" — 225.

Издательство и типография "Советская Кубань",
350680, ГСП, г. Краснодар, ул. Рашилевская, 106.